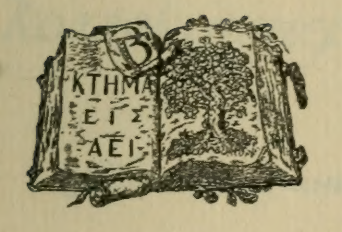
ИВ. ЛАЗАРЕВСКІЙ

СРЕДИ
ОЛЛЕКЦІОНЕРОВЪ

Изд-ство
З. И. ГРЖЕБИНА
ПЕТЕРБУРГЪ-БЕРЛИНЪ
1922

3 00

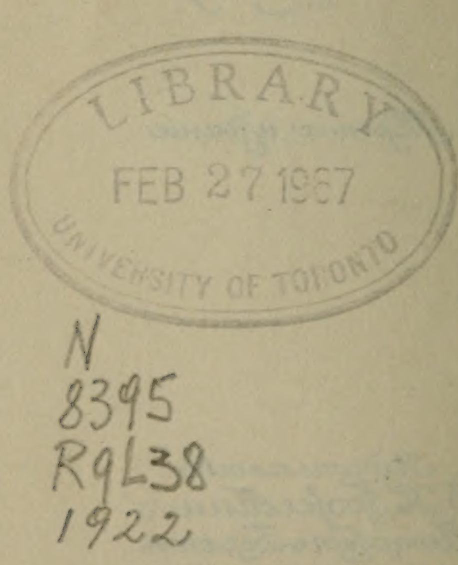

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

Ив. Лазаревскій

Среди коллекціонеровъ

Третье изданіе

Издательство
З. И. Гржебина
Петербургъ-Берлинъ
1922

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Рѣдкія русскія изданія

За послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ вспыхнулъ большой интересъ къ русскимъ иллюстрированнымъ изданіямъ прошлаго вѣка и конца восемнадцатаго; не мало родовыхъ старинныхъ дворянскихъ библіотекъ выброшено на рынокъ изъ своихъ тяжелыхъ краенаго дерева шкафовъ-хранилищъ и попало къ антикварамъ, а оттуда опять въ шкафы новыхъ собирателей, не менѣе любящихъ книгу и дорожащихъ ею, нежели ихъ прежніе владѣльцы.

За послѣднюю четверть вѣка составъ нашихъ библіофиловъ измѣнился не мало. На ряду съ людьми стараго барскаго уклада, людьми науки, литературы и государственными дѣятелями, все чаще и чаще начинаемъ встрѣчать представителей старыхъ купеческихъ фамилій Москвы и Петрограда, страстно прикованныхъ къ собиранію старой книги. Таковы въ Петроградѣ Бурцевъ, Синицынъ, Малышевъ, В. Яковлевъ, покойный Александровъ, Синягинъ и др. А изъ москвичей извѣстны, какъ внимательные и серьезные библіофилы: Бахрушинъ, Дунаевъ, Карповъ, Рябушинскіе, Морозовы, Насоновъ, Моргуновъ, Мещеринъ, Поляковъ, Рогожинъ, Саблинъ, Солодовниковъ, Сырейщиковъ, Барулинъ, Готье, Солдатенковъ, Остроглазовъ, Мазуринъ, Щаповъ и др.

Что касается провинціальныхъ собирателей, то ихъ перечислять почти невозможно; по свидѣтельству одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ нашихъ антикваровъ-книгопродавцевъ, часто совершенно неожиданно узнается о существованіи въ глухомъ городкѣ провинціи изумительнаго по полнотѣ и сохранности книжнаго собранія. Наѣзжая въ столицы, никому не говоря о своихъ сокровищахъ, такіе библіофилы скупаютъ потихоньку все, что есть интереснаго. Иной разъ объ ихъ собра-

ніяхъ все же узнаетъ широкій кругъ интересующихся книгой, иной разъ (что гораздо чаще) такъ и теряются они въ далекой глуши. Къ тому же, пока никто не позаботился сдѣлать перечетъ всѣхъ провинціальныхъ владѣльцевъ, наиболѣе значительныхъ и интересныхъ книжныхъ собраній.

Естественно, что въ виду возрастающаго числа собирателей старой книги, растетъ и ея цѣна. Хотя надо сказать, что особенно возвысились цѣны лишь на всѣ изданія восемнадцатаго вѣка, преимущественно вышедшія изъ типографій Новикова, Лопухина и иныхъ масонскихъ дѣятелей. За 25 лѣтъ на нихъ цѣна поднялась раза въ четыре. Въ восьмидесятыхъ годахъ антикварный рынокъ обѣихъ столицъ былъ переполненъ подобными изданіями; теперь же изъ года въ годъ убыль ихъ настолько замѣтна, что недалеко то время, когда почти каждая книга XVIII вѣка явится библіографической рѣдкостью. Къ тому же, надо замѣтить, что всѣ эти изданія печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, а многія изданія, имѣющія отношеніе къ масонству, подвергались конфискаціямъ, и въ обращеніи оставалось не болѣе сотни-другой экземпляровъ интересной книги. Еще четверть вѣка назадъ полки антикваровъ пестрѣли типичными кожаными съ цвѣт-

ными наклейками на корешкахъ и золотымъ тисненіемъ переплетами книгъ восемнадцатаго вѣка, а теперь, если антикваръ случайно попадетъ на такую книгу, она не доходитъ до полокъ его лавки и тотчасъ подбирается ревнивымъ собирателемъ.

Цѣнность старой книги сильно поднялась и по другимъ причинамъ; самый типъ собирателя нынѣ кореннымъ образомъ измѣнился; нѣтъ ужъ прежнихъ любителей книги, которые рылись, со страстью и терпѣніемъ, на развалѣ Сухаревой башни и въ лавчонкахъ, разбросанныхъ вокругъ нея или на «толкучемъ» рынкѣ Апраксина двора и Александровскаго рынка въ Петроградѣ.

Вымерли и поставщики этого товара—букинисты-самоучки, порой даже неграмотные или совсѣмъ малограмотные, «по нюху» узнававшіе книгу, какъ то было съ извѣстнымъ въ свое время букинистомъ въ Апраксиномъ рынкѣ, давно теперь умершимъ, Никитичемъ.

Изъ собирателей нашихъ дней, никто, напримѣръ, и понятія не имѣетъ о «холодныхъ» букинистахъ, т.-е. о тѣхъ, которые въ прежнее время съ мѣшкомъ или со связкой книгъ являлись къ собирателямъ на домъ. А среди «холодныхъ» букинистовъ были люди, имѣвшіе свободный доступъ въ великокняжескіе и царскіе дворцы. Сравни-

тельно недалеко то время, когда Сухаревская площадь и Апраксинъ дворъ съ окружающими ихъ грязненькими трактирчиками кишмя-кишѣли букинистами и служили притягательнымъ центромъ для всѣхъ собирателей книгъ. Теперешніе же поставщики библіографическихъ рѣдкостей имѣютъ громадные магазины на центральныхъ улицахъ столицы, должны издавать дорого стоящіе каталоги и, конечно, все это поднимаетъ цѣну на книгу, интересную для библіофила.

Одной изъ самыхъ излюбленныхъ отраслей коллекціонированія книгъ является собирательство русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Влеченіе къ такого рода изданіямъ перешло къ нашимъ коллекціонерамъ изъ Франціи, гдѣ на всѣ художественно иллюстрированные альбомы и книги давно уже обращено вниманіе библіофиловъ.

Больше всего интересуетъ въ старыхъ изданіяхъ описанія различныхъ празднествъ, фейерверковъ, увеселительныхъ прогулокъ, частныхъ усадебъ, парковъ, дворцовъ и т. п.

Описаніе фейерверковъ до конца восемнадцатаго столѣтія представляетъ собой большую антикварнокнижную рѣдкость; описанія эти въ продажу не поступали и всегда цѣни-

лись высоко; на теперешнемъ же антикварномъ рынкѣ они не встрѣчаются уже много лѣтъ. Находятся иногда въ продажѣ, но и то нынѣ очень рѣдко, описанія коронацій Елизаветы Петровны и Екатерины II; это послѣднее изданіе выпущено безъ обозначенія года и мѣста печати; оно самое рѣдкое изъ всѣхъ описаній коронацій.

О немъ есть такая легенда. Когда императрицѣ поднесли описаніе ея коронаціи, оно не понравилось ей, и было приказано его не распространять. Въ этомъ описаніи всего-навсего нѣсколько страницъ текста и восемь листовъ гравюръ; гравюры исполнены отлично и вобще непонятно, почему императрица забраковала это изданіе. П. Ефремовъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ книговѣдовъ, говорилъ какъ-то мнѣ, что ему гдѣ-то попалось свѣдѣніе, почему изданіе Екатерининской коронаціи было запрещено распространять. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Екатерины II, изданіе было не достаточно пышно и не вполнѣ ярко представляло собой торжественный обрядъ коронаціи.

Но такъ или иначе, а изданіе это является нынѣ большой антикварной рѣдкостью и цѣна на него произвольна. Мнѣ извѣстенъ единственный случай продажи этого изданія изъ извѣстной коллекціи гр. Чапскаго кому-то за гра-

ницу за восемьсотъ рублей лѣтъ семь тому назадъ.

Изъ изданій первой половины девятнадцатаго вѣка рѣдки на антикварномъ рынкѣ, а, слѣдовательно, и очень цѣнимы всѣми коллекціонерами, тѣ изъ нихъ, которыя не выпускались для общей продажи. Особенно интересны и съ художественной (хотя понятіе о художественности тутъ нѣсколько условно), и съ библіографической стороны слѣдующія изданія: «Описаніе праздника, даннаго родными, друзьями В. А. Всеволожскому, по случаю дня его рожденія въ Рябовѣ. 28 октября 1822 г. Издано въ Спб. въ 1823 г.»; «Подлинное представленіе строеніевъ и сада, находящихся въ данномъ изъ увеселительныхъ домовъ, называемомъ село Кусково и принадлежащемъ гр. П. Б. Шереметеву»; «Виды села Влахернскаго, принадлежащаго кн. А. Б. Куракину»; «Село Коломенское. Историческія свѣдѣнія о селѣ Коломенскомъ. М. 1809 г.»; «Увеселительный садъ Е. И. В. В. Кн. Александра Павловича»; «Шесть видовъ Павловска срисованныхъ В. Жуковскимъ, Спб. 1823 годъ»; «Représéntation de la fête donnée par S. M. l'Impératrice mére à S. A. I. M-me la Grande Duchesse Marie de Saxe Weimar 1822a»; «Виды села Грузины». Стоимость этихъ изданій произвольная, смотря по ихъ сохранности.

Исторія русскаго быта, картины прежней жизни все больше и больше привлекаютъ вниманіе нашихъ собирателей.

На помощь ихъ любознательности широко приходятъ русскія иллюстрированныя изданія первой половины прошлаго вѣка. Сюда входятъ всѣ карикатурные альбомы до 1850 г. На первое мѣсто среди такихъ изданій надо выдвинуть интересное и своеобразное изданіе: «Волшебный фонарь или зрѣлище санктъ-петербургскихъ расхожихъ продавцовъ 1813 г.» Затѣмъ знаменитый «Ералашъ» Неваховича и «Листки для свѣтскихъ людей» Тимма. Рѣдки и цѣнимы всѣ карикатурные альбомы Лебедева какъ-то: «Погибшія, но милыя созданія», «Прекрасный полъ», «Колпакъ», «Пикникъ», «Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша» и др. Альбомы Орловскаго, Степанова, Щедровскаго, Федотова, и др. также нынѣ настолько подобраны коллекціонерами, что въ продажѣ встрѣчаются весьма рѣдко. Почти всѣ эти изданія уже внимательно описаны многими библіофилами, и среди нихъ видное мѣсто надо отвести такому изощренному знатоку исторіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій, какимъ является почтенный В. А. Верещагинъ.

Почти совершенно не встрѣчается въ продажѣ изъ отдѣла русскихъ

карикатуръ «Журналъ карикатуръ на 1808 г.». По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ это изданіе затѣялъ А. Г. Венеціановъ въ началѣ своей художественной дѣятельности. Но, какъ часто бываетъ съ начинаніями самихъ художниковъ, прочнаго ничего не получилось и журналъ прервался, кажется, на первомъ выпускѣ. Доселѣ никому неизвѣстно, какъ онъ выходилъ, въ сколькихъ экземплярахъ печатался и куда дѣвались всѣ отпечатанные экземпляры. Напечатали ли ихъ мало, или по какимъ-либо причинамъ изданіе уничтожено, но какъ бы то ни было, экземпляровъ перваго выпуска этого журнала, кромѣ библіотеки покойнаго П. Я. Дашкова, не имѣется ни у кого, даже у самыхъ ярыхъ и многолѣтнихъ собирателей. Изъ числа очень рѣдкихъ журналовъ, иллюстрирующихъ бытъ и жизнь начала прошлаго столѣтія, выдѣляется: «Журналъ для милыхъ на 1804 годъ». Журналъ этотъ издавался нѣкіимъ Макаровымъ; текстъ его въ большинствѣ случаевъ фривольнаго содержанія. Журналъ украшался гравированными рисунками, исполненными довольно четко и художественно.

Наши коллекціонеры за послѣднее время особенно пристрастились къ видамъ Москвы и Петрограда, и въ короткое время все, что было на рынкѣ въ этомъ направленіи, подобрано за

довольно высокую цѣну. Тутъ надо упомянуть объ очень рѣдкомъ изданіи де-ля-Барта «Виды Москвы». Оно вышло въ концѣ XVIII столѣтія и привлекаетъ къ себѣ вниманіе тонкостью исполненія и видимой правдивостью передачи уличныхъ сценъ того времени. Всѣхъ такихъ листовъ было около двѣнадцати. На ряду съ этими листами очень высоко цѣнятся листы К. Тромонина «Достопамятности Москвы»; въ полномъ изданіи должно быть 70 листовъ, съ приложеніемъ особо написаннаго текста. Такіе экземпляры, даже не особенно хорошей сохранности, продаются отъ трехсотъ до четырехсотъ рублей.

Все рѣже встрѣчаются листы Махаева, гравированные Виноградовымъ, Грековымъ и др.; они изображаютъ виды Петрограда и его окрестностей. Листы эти красотой не отличаются, но интересны какъ памятки своего времени.

Помимо этихъ видовъ Москвы и Петрограда, существуетъ много изданій, въ которыхъ такъ или иначе графически отражается внѣшность русскихъ столицъ и иныхъ русскихъ городовъ. Среди подобнаго рода изданій надо выдѣлить изданную въ 1837 году книгу В. Филимонова «Живописная Россія». Полныхъ экземпляровъ этого изданія не встрѣчалось уже многіе

годы, и нѣтъ ни одного изъ молодыхъ собраній русскихъ иллюстрированныхъ изданій, которое могло бы насчитывать эту книгу на полкахъ своихъ шкафовъ.

Очень рѣдки, хотя съ чисто художественной стороны и не такъ интересны исполненныя штриховой гравировкой воспроизведенія драгоцѣнныхъ памятниковъ искусства, хранящихся въ галлереѣ графа Строгонова; это изданіе вышло въ свѣтъ въ Петроградѣ въ 1807 году. Художественную цѣнность представляетъ только портретъ самого графа Строгонова, гравированный Клауберомъ. Изданіе это въ продажу не поступило, и нынѣ цѣнится около двухсотъ пятидесяти рублей.

Чрезвычайно рѣдко изданное въ 1861 году Львомъ Жемчужниковымъ собраніе офортовъ «Живописная Украйна». Эти офорты выходили въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Основа». Но тонкая художественность этихъ офортовъ уже давно обратила на себя вниманіе собирателей, и много лѣтъ какъ цѣна на офорты Л. Жемчужникова, въ полномъ числѣ ихъ съ обложкой и фронтисписомъ, держится въ размѣрѣ нѣсколько сотъ рублей. Самый дорогой экземпляръ этого изданія былъ проданъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ собранія

извѣстнаго историка Малороссіи А. М. Лазаревскаго, съ собственноручными помѣтками Жемчужникова на поляхъ каждаго листа офорта за сумму свыше пятисотъ рублей.

Къ цѣннымъ изданіямъ, все рѣже и рѣже встрѣчающимся у антикваровъ, надо причислить «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», «Собраніе портретовъ знаменитыхъ россіянъ Бекетова», «Пантеонъ россійскихъ государей Филипповскаго» и др.

Какъ рѣдкія и въ высшей степени курьезныя изданія, надо отмѣтить произведенія Николая Струйскаго, а именно: «Эпистола» 1879 года, «Апологія къ потомству» 1788 г. ч. I. Хотя эти изданія въ художественномъ отношеніи значенія не имѣютъ, но они очень цѣнимы, такъ какъ печатались тайнымъ образомъ въ собственной типографіи Н. Струйскаго, находившейся при усадьбѣ «Рузаевка» Инсарскаго у. Печатались они въ чрезвычайно маломъ числѣ экземпляровъ кустарнымъ образомъ, въ продажу не поступали и раздавались только друзьямъ и единомышленникамъ Н. Струйскаго.

Русскія иллюстрированныя изданія, имѣютъ художественный интересъ, повторяю, только лишь до половины прошлаго вѣка. Начиная съ 1860-хъ гг., изящество и своеобразность художественнаго убранства книги все

больше вытѣсняется аляповатымъ, шаблоннымъ и почти всегда грубымъ и неряшливымъ, механическимъ, «художественнымъ» печатаніемъ, въ которомъ лишнее искать хотя крупицу подлиннаго искусства. Только за послѣдніе годы къ типографскому дѣлу привлечены лучшіе наши художники, и внѣшность русскихъ иллюстрированныхъ изданій стала подниматься на большую высоту.

Нѣтъ сомнѣнія, пройдетъ какое-нибудь десятилѣтіе и вниманіе нашихъ коллекціонеровъ будетъ привлечено ко многимъ теперешнимъ художественнымъ изданіямъ, уже нынѣ составляющимъ библіографическую рѣдкость, какъ то мы видѣли доселѣ по отношенію къ иллюстрированнымъ изданіямъ первой половины прошлаго вѣка.

Среди рѣдкостей, привлекающихъ нашихъ библіофиловъ, интересны книги, ставшія рѣдкими и очень цѣнными благодаря разнымъ случайностямъ, а также и тому, что онѣ сгорали полными изданіями или, напечатанныя за границей, погибали при катастрофахъ во время перевозки ихъ на корабляхъ.

Къ такимъ книгамъ относится рѣдчайшее въ русской библіографіи изданіе «Новый Завѣтъ» «Het Nieuw Testament Cravenhage 1717». Онъ напечатанъ былъ по приказанію императора Петра Великаго, въ Голландіи въ количествѣ шестисотъ экземпляровъ. Каждая страница состояла изъ двухъ столбцовъ: голландскаго текста и русскаго. При печатаніи книги въ Голландіи часть страницы для русскаго текста оставалась чистой. Русскій

текстъ должны были оттиснуть въ Россіи. Корабль, на которомъ былъ отправленъ грузъ съ этимъ изданіемъ, потерпѣлъ крушеніе. Спасти его не удалось. Какимъ-то образомъ уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, что сухопутнымъ путемъ были доставлены императору для образца.

Недавно одному библіофилу, г. А. В. П., удалось пріобрѣсти экземпляръ этого изданія съ двумя параллельными текстами—русскимъ и голландскимъ. Рѣдкость усугубляется тѣмъ, что послѣ смерти Петра Великаго духовенство распорядилось уничтожить даже то ничтожное количество, которое имѣлось «для пробы», такъ какъ этотъ «Новый Завѣтъ» былъ отпечатанъ въ свое время безъ надлежащаго разрѣшенія духовной власти. Всего до насъ дошло не болѣе пяти экземпляровъ этого изданія. Цѣнность его на книжномъ рынкѣ очень высока; ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ за много лѣтъ антикварныхъ каталоговъ о немъ не упоминалъ.

Затѣмъ во время пожара, случившагося въ Академіи, Наукъ въ 1747 г. сгорѣло изданіе «Museum Imperialis Petropolitani, Vol I. et II»; этотъ академическій каталогъ былъ отпечатанъ въ 1742 г., но за пять лѣтъ разошелся, повидимому, въ очень маломъ количествѣ, чѣмъ и

объясняется большая рѣдкость его, сравнительно съ другими изданіями той же эпохи.

Такой же участи подверглась книга Сахарова «Исторія общественнаго образованія Тульской губ.» часть первая (больше не издано). Книга эта была отпечатана въ Москвѣ въ 1832 году, но все изданіе было перевезено въ Тулу, гдѣ и погибло во время грандіознаго тамошняго пожара 1837 года.

Доселѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о шестой части книги Свиньина «Достопамятности Петербурга». Вопросъ о ней весьма интересуетъ библіофиловъ. Книга печаталась въ періодъ между 1816 и 1828 годами. Изданіе было украшено многими гравюрами на стали, исполненными за границей и уже въ отпечаткахъ привезенныхъ въ Россію. О немъ существуетъ такая легенда.

Приготовленныя для шестого выпуска «Достопамятностей Петербурга», гравюры были отправлены на корабль, который потерпѣлъ крушеніе, и всѣ гравюры погибли. Такъ шестой части этого изданія и не вышло, хотя въ собраніи П. Ефремова были подобраны почти всѣ гравюры изъ числа пробныхъ оттисковъ. Старые антиквары-книгопродавцы говорятъ, что имъ попадались много лѣтъ назадъ подобранные оттиски шестого выпуска, но ни одно книгохранилище не насчи-

тываетъ въ своихъ каталогахъ этой шестой части «Достопамятностей Петербурга».

Много русскихъ изданій погибло во время московскаго пожара двѣнадцатаго года. Остатки ихъ очень цѣнимы нашими собирателями книгъ. Изъ изданій, которыя вышли въ тотъ памятный годъ, особенно рѣдки слѣдующія— «Историческое сказаніе о вьѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи дворянъ Левшиныхъ», Богдановича «Душенька» (шестое изданіе) и «Жизнь знаменитаго Астраханца или странныя приключенія Улабира».

Наиболѣе рѣдки послѣднія два изданія. По свѣдѣніямъ старыхъ библіографовъ, отъ шестого изданія «Душеньки» осталось послѣ московскаго пожара всего 15 экземпляровъ; на антикварномъ рынкѣ ихъ почти никогда не встрѣчается и оцѣнить ихъ трудно. «Приключенія Улабира» цѣнятся чрезвычайно высоко, такъ какъ все изданіе сгорѣло и осталось только нѣсколько случайно проданныхъ. до поступленія въ общую продажу, экземпляровъ.

Къ числу большихъ книжныхъ рѣдкостей, чисто библіофильскаго характера, а не научнаго или художественнаго, относится забавное изданіе— «Донъ Педро Прокудеранте или наказанный бездѣльникъ», напечатанное въ

Москвѣ въ 1794 году; оно имѣется только въ очень немногихъ книжныхъ собраніяхъ. Книга написана Я. Чаадаевымъ. Это былъ обличительный памфлетъ на одного администратора того времени, нѣкоего Прокудина, игравшаго замѣтную роль въ жизни тогдашней Москвы. Онъ былъ неуменъ, чваненъ и заносчивъ. Чаадаевъ высмѣялъ его безпощадно. Тогда Прокудинъ скупилъ все изданіе, выискивая его даже у частныхъ лицъ, и торжественно сжегъ на дворѣ своего дома.

Извѣстно не болѣе пяти экземпляровъ книги В. Алова—«Ганцъ Кюгельгартенъ—идиллія въ стихахъ».

Издана она въ Петроградѣ, въ 1829 году. Аловъ—это псевдонимъ Гоголя. «Ганцъ Кюгельгартенъ» представлялъ собой первый опытъ Гоголя въ стихотворной формѣ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Московскомъ Телеграфѣ» появились на него довольно рѣзкія рецензіи; онѣ такъ повліяли на Гоголя, что онъ собралъ свою книжку и цѣликомъ ее сжегъ. На антикварномъ рынкѣ не встрѣчалось ни одного экземпляра «Ганца Кюгельгартена». Извѣстно, что Гоголь подарилъ книжку только Плетневу и Погодину, да какъ-то, случайно, проскользнуло къ библіографамъ того времени два, три экземпляра ея.

Очень рѣдки двѣ книги Некрасова—

«Мечты и звуки. Стихотворенія Н. Н. Спб. 1840 г.» и «Статейки въ стихахъ. 1-я и 2-я часть СПБ. 1843 г.» Некрасовъ не былъ доволенъ ни тѣмъ, ни другимъ своимъ произведеніемъ; критическая печать того времени тоже не поддержала ихъ, и поэтъ рѣшилъ изъять изъ продажи обѣ книжки. Но денегъ свободныхъ у Некрасова въ то время было не такъ много и онъ не могъ сразу скупить изданія, а дѣлалъ это постепенно и потому на книжномъ антикварномъ рынкѣ ихъ еще можно иногда встрѣтить, хотя и очень рѣдко.

Къ первокласснымъ книжнымъ рѣдкостямъ относятся два изданія, которыя мнѣ никогда не приходилось встрѣчать у антикваровъ; они находятся только въ самыхъ изысканныхъ книжныхъ собраніяхъ. У П. Я. Дашкова они были въ экземплярахъ чудесной сохранности. Я говорю о двухъ изданіяхъ, руководимыхъ Жуковскимъ. Первое «Für wenige. Для немногихъ. 1818 года». Вышло всего шесть тетрадокъ этого полужурнала - полуальманаха. Тетрадочки небольшого изящнаго формата страничекъ по тридцати въ каждой. И второе—«Муравейникъ» литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей. 1831 г »; ихъ вышло пять книжекъ, тоже листовъ около тридцати въ каждой.

Оба эти журнала составлялись при

Дворѣ и авторами большинства статей и замѣтокъ были члены Царствующаго Дома и приближенныя ко Двору лица. Затѣяны они были главнымъ образомъ для пособія Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ при изученіи русскаго языка. Самъ Жуковскій, бывшій, какъ извѣстно, учителемъ русскаго языка у Императрицы, очень интересовался обоими журналами и умѣлъ придать имъ тонкую литературную внѣшность. Печатались оба журнала въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ продажу не поступали и разсылались только избранному кружку лицъ.

Среди иллюстрированныхъ изданій начала прошлаго вѣка, отличались художественной работой военныя книги.

Тутъ первое мѣсто занимаетъ по степени своей рѣдкости и художественности всего изданія и по своему обширному объему капитальное изданіе Висковатаго—«Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ». Оно было начато въ 40-хъ годахъ и продолжалось печатаніемъ довольно долго. Текстъ и рисунки обнимаютъ свыше 30 большихъ фоліантовъ. Въ полномъ видѣ это изданіе имѣется лишь въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и даже Императорская публичная библіотека не можетъ похвастаться тѣмъ, что это изданіе хранится у нея полностью. Извѣстны только три полныхъ экземпляра этого изданія, а именно: въ Петроградѣ у

Ф. Г. Козлянинова и генерала П. П. Потоцкаго, и въ провинціи—у полковника Потемкина.

Все это изданіе отпечатано литографскимъ способомъ съ большой тщательностью и внимательнымъ подборомъ бумаги. Нѣкоторые экземпляры этого изданія имѣются съ раскрашенными отъ руки рисунками. Неизвѣстный художникъ такъ тонко справился со своей задачей, что нѣкоторые листы представляютъ собой большое художественное значеніе. Цѣна полнаго экземпляра съ картинками въ черномъ видѣ доходитъ до трехъ-четырехъ тысячъ рублей. Опредѣлить цѣнность полнаго раскрашеннаго экземпляра трудно, потому что въ продажѣ его никогда не встрѣчается; что же касается отдѣльныхъ томовъ съ раскрашенными листами, то они продавались по цѣнѣ отъ трехсотъ до восьмисотъ рублей за томъ.

Очень цѣнимы Аракчеевскія изданія, и всѣ они относятся къ большимъ библіографическимъ рѣдкостямъ. Среди нихъ особенно рѣдко изданіе рисунковъ, изображающихъ разные виды одежды и аммуниціи артиллеристовъ; оно издано «инспекторомъ всей артиллеріи графомъ Аркачеевымъ» въ 1807 году. Это изданіе, съ довольно удачно раскрашенными рисунками, единственное изъ всѣхъ аракчеевскихъ

изданій, снабженное иллюстраціями. Художникъ тщательно вырисовалъ всѣ детали обмундировки. Эти рисунки были проредактированы самимъ Аракчеевымъ; только послѣ тщательнаго осмотра онъ пропускалъ ихъ къ печати. Цѣна такого экземпляра достигаетъ до четырехсотъ рублей и въ продажѣ за послѣдніе годы его совсѣмъ не встрѣчается.

Очень цѣнимо всѣми изслѣдователями военной исторіи Россіи интересное, но, къ сожалѣнію, не оконченное изданіе «Галлерея гравированныхъ портретовъ генераловъ и офицеровъ». СПБ., 1833». Изданіе это оборвалось на шестой тетради; въ каждой тетради было по пяти портретовъ, гравированныхъ Вендрамини; въ полномъ числѣ эти тридцать листовъ встрѣчаются настолько рѣдко, что за послѣднія 10—15 лѣтъ ни одинъ изъ антикварныхъ каталоговъ не могъ упомянуть о нихъ. Къ числу рѣдкихъ и интересныхъ изданій съ портретами военныхъ дѣятелей надо отнести изданіе «Военная галлерея Зимняго Дворца». СПБ. 1845—48 гг.» Это изданіе въ шести томахъ съ 152 портретами, исполненными литографированнымъ способомъ съ оригиналовъ, писанныхъ Доу, въ полномъ видѣ встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Также рѣдки въ полномъ видѣ и красивы

съ художественной стороны портреты изданія: «Изображенія лицъ, отличившихся заслугами въ 1853—56 гг.». Это изданіе, состоящее изъ 36 тетрадей, съ пятью портретами въ каждой изъ нихъ, разошлось полностью еще по подпискѣ и на антикварномъ рынкѣ съ перечнемъ всѣхъ листовъ совершенно не встрѣчается.

Среди курьезныхъ военныхъ изданій на первое мѣсто надо поставить картины, гравированныя при участіи Карделли и даже порой исполненныя имъ самимъ съ рисунковъ извѣстнаго Скотти, а именно: «Двѣнадцать картинъ, представляющихъ побѣды россійской арміи надъ непріятелемъ въ 1812 году. Москва. 1814». Изданіе этого года чрезвычайно рѣдко и цѣнится антикварами до трехсотъ рублей. Но надо сказать, что въ 1839 году изданіе этихъ картинъ было повторено, и любители не разъ попадались, пріобрѣтая новое изданіе за старое.

Кавказскія кампаніи иллюстрированы нѣсколькими интересными изданіями. Очень цѣнится изданіе С. Новоселова «Кавказцы или подвиги изъ жизни замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ. Петербургъ. 1857». Всѣхъ портретовъ и рисунковъ, исполненныхъ литографированнымъ способомъ, свыше шестидесяти. Въ полномъ видѣ это изданіе чрезвычайно

рѣдко, и цѣна его доходитъ до 400 рублей. Почти совсѣмъ не встрѣчается въ продажѣ довольно красивое изданіе 132 рисунковъ, изображающихъ обмундированіе россійской Императорской арміи. Оно выпущено въ свѣтъ въ 1830 г. въ Петербургѣ Бѣлоусовымъ и Александровымъ. Изданіе поступило въ продажу въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ. И нынѣ полный экземпляръ его представляетъ собою большую рѣдкость.

Къ числу очень рѣдкихъ изданій, касающихся костюмовъ русской арміи, относятся воинскіе уставы времени Елисаветы Петровны, Екатерины I и II и Павла I. Это сравнительно небольшія по размѣрамъ, въ восьмерку и шестнадцатую долю листа, книжки, въ концѣ которыхъ приложены современныя военныя формы, въ большинствѣ случаевъ тщательно раскрашенныя.

Онѣ издавались съ такимъ вниманіемъ къ художественной части, которое въ пору и спеціальнымъ художественымъ изданіямъ. Заставки, концовки—все это выбиралось тщательно, и нерѣдко выдающіеся художники того времени приглашались принять участіе въ нарядномъ убранствѣ этихъ уставовъ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ уставовъ въ библіографическомъ отношеніи является

уставъ, составленный и посвященный Петру Великому генераломъ Вейде въ 1698 году. Онъ былъ напечатанъ въ Петроградѣ въ 1841 году въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и стоитъ нынѣ свыше полутораста рублей.

Изданія старинныхъ военныхъ уставовъ въ настоящее время въ продажѣ у антикваровъ совсѣмъ нельзя встрѣтить. Въ свое время они въ продажу не поступали, печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и потому только самыя старинныя библіотеки дворянскихъ военнослуживыхъ родовъ насчитываютъ ихъ въ ряду своихъ книгъ.

Трудно опредѣлить даже приблизительную ихъ антикварную цѣну. Пишущій эти строки вспоминаетъ, что лѣтъ восемь тому назадъ изъ старинной родовой библіотеки потомка героя 1812 года, орловскаго дворянина Матвѣева, былъ проданъ экземпляръ воинскаго устава времени Павла I одному высокопоставленному собирателю за 500 съ чѣмъ-то рублей. Экземпляръ былъ отличной сохранности и иллюстрированъ рядомъ раскрашенныхъ рисунковъ, изображающихъ артиллерійское обмундированіе того времени.

Большой цѣнности достигаютъ въ настоящее время коллекціи карикатуръ, иллюстрирующихъ войну 1812 го-

да. Листы, исполненные такими художниками, какъ Теребеневъ, Венеціановъ и Ивановъ, и хорошо раскрашенные, цѣнились всегда довольно высоко. Но съ пробужденіемъ интереса къ эпохѣ Отечественной войны цѣнность ихъ еще возросла, и теперь на антикварномъ рынкѣ не только нѣтъ полныхъ коллекцій подобныхъ рисунковъ и шаржей, но почти не встрѣчаются даже ихъ отдѣльные листы.

Къ военному отдѣлу надо отнести маленькую забавную книжку, нынѣ чрезвычайно рѣдкую, а именно: «Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года». Это не что иное, какъ азбука въ картинкахъ, исполненныхъ съ извѣстныхъ карикатуръ на французовъ и на Наполеона Ивановъ Теребеневымъ. Подлинный экземпляръ такой книжечки цѣнится любителями чрезвычайно высоко и достигаетъ 350 рублей. Но надо замѣтить, что Д. И. Ровинскій въ концѣ прошлаго вѣка перепечаталъ эту книжку и перепечаталъ настолько удачно, такъ внимательно подобралъ новую бумагу подъ старую и вообще достигъ почти факсимильной копіи; даже большіе знатоки-библіофилы попадались, и новое изданіе Ровинскаго пріобрѣтали за подлинное.

Нерѣдко русскія военныя изданія, которыя, какъ видно, издавались съ чрезвычайной внимательностью съ

точки зрѣнія ихъ внѣшней художественности, печатались за границей. Среди такихъ изданій особенно охотно пріобрѣтаются коллекціонерами рисунки Верне-Дюбюкура, Габлера, Эккертъ-Монтенъ, Вебера и др. Всѣ эти рисунки въ сохранномъ и полномъ видѣ цѣнятся довольно высоко и антиквары рѣдко отмѣчаютъ ихъ въ своихъ каталогахъ.

Въ русской литературѣ, относящейся къ масонству, которой наши библіофилы начинаютъ интересоваться все болѣе и болѣе, трудно оріентироваться: памятники этой литературы, во-первыхъ, издавались въ очень ограниченномъ количествѣ, во-вторыхъ, сразу же разбирались многочисленными братьями столичныхъ и провинціальныхъ масонскихъ ложъ. Вѣдь въ послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка и почти во всей первой половинѣ девятнадцатаго вся Россія была покрыта сѣтью масонскихъ ложъ; въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ нерѣдко можно было встрѣтить тогда

яраго, убѣжденнаго масона. Но вскорѣ къ масонамъ стали относиться все съ большей подозрительностью, и, наконецъ, дѣятельность ихъ признана была для государства вредной и навсегда прекращена. А вмѣстѣ съ этимъ повальные и энергичные обыски съ конфискаціей всего находимаго, какъ въ ложахъ, такъ и у отдѣльныхъ масоновъ, сожженіе всѣхъ книгъ и иныхъ печатныхъ матеріаловъ и рукописей, имѣвшихъ къ масонству хотя какое-нибудь отношеніе, сдѣлали собирательство по исторіи масонства въ Россіи чрезвычайно труднымъ, хотя тѣмъ самымъ и еще болѣе занимательнымъ.

Во главѣ издателей всѣхъ печатныхъ матеріаловъ, касающихся масонства во всевозможныхъ его проявленіяхъ во время расцвѣта масонства въ Россіи, былъ Н. И. Новиковъ. Онъ отдалъ масонству лучшую часть своей жизни, всѣ свои силы и знанія и погибъ, твердо оставаясь вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ. Его типографія была главнымъ разсадникомъ масонскаго ученія въ Россіи; изъ-подъ ея станковъ вышла большая часть всѣхъ русскихъ книгъ по масонству восемнадцатаго вѣка. Но и помимо типографіи Новикова, масонскія изданія печатались въ типографіи извѣстнаго масонскаго дѣятеля Лопухина, а по многимъ губернскимъ городамъ и даже по разнымъ

имѣніямъ богатыхъ сторонниковъ масонства были разбросаны типографіи, которыя работали очень дѣятельно. Всѣ эти типографіи, были тайными; даже современники о мѣстѣ ихъ настоящаго нахожденія знали не твердо, и для теперешняго историка русскаго масонства собрать о нихъ точныя свѣдѣнія почти невозможно. Понятно, что въ такихъ типографіяхъ не велось никакихъ реестровъ выходящихъ изданій, никто изъ крупныхъ масоновъ не подумалъ такъ же о томъ—какъ важно было бы для потомства составленіе подобнаго списка всѣхъ русскихъ печатныхъ изданій о масонствѣ, и поэтому до нашего времени свѣдѣнія объ изданіяхъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ масонства, имѣются самыя отрывочныя.

Перечисляя ниже нѣсколько выдающихся по своему значенію изданій о масонствѣ, я нисколько не претендую на полноту своего перечисленія, и дать хоть сколько-нибудь систематическій списокъ русскихъ масонскихъ изданій— не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Я только дѣлюсь свѣдѣніями о нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ и мало извѣстныхъ масонскихъ изданіяхъ, которыя мнѣ попадались.

Первое мѣсто, по степени рѣдкости въ библіографическомъ отношеніи, среди русскихъ масонскихъ книгъ за-

нимаетъ въ продажѣ сейчасъ почти никогда не встрѣчаемая книга—«Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей, открытое чрезъ Д. І. П.»—въ трехъ частяхъ. Эта книга была впервые напечатана на англійскомъ языкѣ еще въ семнадцатомъ столѣтіи нѣкіимъ докторомъ Пердэйчъ; потомъ она появилась на нѣмецкомъ языкѣ, и уже съ этого языка она была переведена на русскій. «Божественная метафизика», имѣвшая очень большое значеніе въ исторіи русскаго масонства, была напечатана въ тайной типографіи, скрывавшейся въ селѣ Пехлицы Рязанской губерніи; закончена печатаніемъ она была въ 1787 году; въ продажу не поступала; число экземпляровъ ея было настолько ограничено, что только самые выдающіеся дѣятели масонства имѣли возможность ее получить. Полиція, уже въ то время внимательно слѣдившая за тайными типографіями, сумѣла напасть на вѣрный слѣдъ и нѣсколько экземпляровъ этого изданія были захвачены, конфискованы и сожжены. Долгое время она совершенно не выходила на антикварный рынокъ; потомки прежнихъ масоновъ, хотя сами относились къ дѣлу масонства холодно, не разставались съ ней, памятуя то значеніе, которое она имѣла

въ жизни ихъ отцовъ и дѣдовъ. Теперь у антикваровъ экземпляры этого изданія, всегда въ дорогихъ кожаныхъ переплетахъ, встрѣчаются очень рѣдко; цѣна ихъ колеблется отъ четырехсотъ до пятисотъ рублей. Не менѣе цѣнится изслѣдователями масонства въ Россіи и собирателями о немъ памятокъ небольшая книжка въ 59 страницъ—«Духовный рыцарь, или ищущій премудрости. 5791». Печаталась она въ неизвѣстной тайной типографіи. Эта книга содержитъ въ себѣ нравоучительный катехизисъ франкъ-масоновъ; интересъ ея заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ ней изложена вся сущность ученія франкъ-масоновъ и еще потому, что это—единственное оригинальное сочиненіе одного изъ русскихъ масоновъ восемнадцатаго вѣка. Правительство считало эту книжку особенно вредной, тщательно, гдѣ только могло, ее выискивало, сжигало и поощряло денежными наградами всякаго, представившаго властямъ экземпляръ ея. Въ настоящее время получить ее чрезвычайно трудно.

Масонами считалось почти священнымъ изданіе—«Должность братьевъ З. Р. К. (то-есть Злоторуннаго Креста). Древнія системы, говоренныя Хризофирономъ въ собраніяхъ Юніоратскихъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣ-

чей двухъ братьевъ».—Всѣ масоны при первомъ же появленіи какой-либо опасности уничтожали эту книгу. Напечатана она въ Москвѣ въ 1784 году, въ типографіи масона Лопухина и по причинамъ, которыя доселѣ не удается выяснить, печатаніемъ не была окончена и обрывается на 128-й страницѣ. Многія наиболѣе крупныя и значительныя собранія масонскихъ памятокъ не имѣютъ этой книги, и мнѣ самому въ теченіе почти пятнадцатилѣтняго наблюденія за книжно-антикварнымъ рынкомъ не попадалось случая ея покупки. Стоимость ея произвольная. Помнится только, что извѣстный собиратель книгъ и рукописей по масонству двинскій старообрядческій дѣятель г. К-въ предлагалъ за нее лѣтъ пять тому назадъ петроградскимъ букинистамъ-антикварамъ до тысячи рублей, и никто не смогъ ему ее достать.

Большое вниманіе вызываетъ среди собирателей очень рѣдко встрѣчающаяся книга «Ѳеофраста Парацельса химическая псалтирь или философскія правила о камнѣ мудрыхъ». Тотчасъ по отпечатаніи этой книги въ знаменитой Вольной московской типографіи Лопухина ее арестовали и сожгли безъ остатка. Цѣнность ее у антикваровъ колеблется отъ ста до двухсотъ рублей.

Эти четыре книги—все, что встрѣ-

чалось мнѣ самаго значительнаго и самаго рѣдкаго въ библіографіи русскаго масонства. Немногіе изъ коллекціонеровъ могутъ похвалиться тѣмъ, что онѣ находятся на полкахъ ихъ библіотекъ. Въ приводимомъ мною небольшомъ спискѣ всѣ интересующіеся масонствомъ и его памятками, встрѣтятъ указанія на очень мало извѣстныя изданія, и каждое изъ нихъ представляетъ собой серьезную библіографическую цѣнность.

1) «Карманная книжка для вольныхъ каменщиковъ». Москва, 1783 г. 2) «Апологія или защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ». Москва, 1784 г. 3) «Братскія увѣщеванія нѣкоторымъ братьямъ свободныхъ каменщиковъ». Москва, 1784 г. 4) «Gemma Magica или магическій драгоцѣнный камень». Москва, 1784 г. 5) «Духъ масонства», напечатанный въ 1792 году безъ обозначенія мѣста печати. 6) «Колыбель камня мудрыхъ». Москва, 1783 г. 7) «Лучъ благодати или писанія Н. А.К.», безъ обозначенія мѣста и года печати. 8) «Магазинъ Свободно-Каменщицкой». Москва, 1784 г. 9) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Спб., 1826 г. Сочиненіе масона И. Лопухина. 10) «Масонъ безъ маски». Спб., 1784 г. 11) «Chrisiosophia или путь ко Христу». Твореніе І. Бема. Спб., 1815 г. Очень рѣдко встрѣчается все то, что относится къ сочиненіямъ Эккарст-

гаузена, въ особенности «Ключъ къ таинствамъ натуры», «Наука чиселъ», «Важнѣйшіе іероглифы», «Облако надъ святилищемъ». Рѣдки и цѣнны всѣ уставы и уложенія масонскихъ ложъ; среди нихъ почти не встрѣчается въ продажѣ и очень цѣнно «Уложеніе великой масонской ложи Астреи на Востокѣ». С.-Петербургъ, 5815».

Одинаково рѣдки сборники масонскихъ пѣсенъ и хоровъ; они печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ продажу не поступали и раздавались только членамъ и братьямъ масонскихъ ложъ; эти сборники никогда не отмѣчались, гдѣ, кѣмъ и когда были напечатаны.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о важномъ для исторіи масонства рукописномъ матеріалѣ. Особенно цѣнны среди такихъ масонскихъ рукописей расцвѣченныя акварельными рисунками масонскихъ символовъ, эмблемъ, сценъ, ритуаловъ, ученія Розенкрейцеровъ. Въ нѣкоторыхъ, еще уцѣлѣвшихъ, старинныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ средней полосы Россіи есть и доселѣ старинные дѣдовскіе архивы, а въ нихъ много матеріаловъ по масонству. Нѣтъ, нѣтъ, да и проскользнетъ на рынокъ такое собраніе, и внимательные коллекціонеры тотчасъ его расхватаютъ. Такъ, одному изъ самыхъ солидныхъ и знающихъ въ Россіи ан-

тикваровъ - букинистовъ, нынѣ покойному В. И. Клочкову, въ 1907 г. продано было наслѣдниками Аносова, извѣстнаго въ свое время масона, прекрасное собраніе масонскихъ книгъ и рукописей, теперь уже давно распроданное цѣликомъ. Въ числѣ рукописей была «Мистическая библіотека», обнимавшая около тридцати томовъ; она относилась къ первой четверти прошлаго вѣка. Трудно сказать, былъ ли это подготовленный матеріалъ для печати или просто масонъ переводилъ и вписывалъ мистическія сочиненія въ одну серію; но только всѣ эти матеріалы никогда изданы не были. Вся рукопись одного типа in folio, написана превосходнымъ Александровскимъ почеркомъ и украшена многими акварельными рисунками и портретами; все въ переплетахъ чудеснаго стариннаго maroquin. Эта рукопись была въ 1907 году куплена владивостокскимъ собирателемъ Леоновымъ, но по смерти его снова попала въ Петроградъ и теперь находится въ собраніи молодого коллекціонера Л. Жевержеева.

Среди коллекціонеровъ памятокъ масонства на первомъ мѣстѣ стоитъ Д. Г. Бурылинъ, чье собраніе, хранящееся въ Иваново-Вознесенскѣ и нынѣ все прекрасно каталогизированное, считается однимъ изъ первыхъ во всей Европѣ. Затѣмъ идутъ собранія П. И.

Щукина, а среди петроградскихъ собирателей можно отмѣтить Д. М. Остафьева, А. Е. Бурцева, М. Е. Синицина, Н. В. Ефимова, Т. О. Соколовскую и Л. И. Жевержеева.

Исторія русскаго театра привлекаетъ особенное вниманіе нашихъ собирателей и, такъ какъ большинство изданій, посвященныхъ театру, всегда украшено иллюстраціями, то почти все, относящееся къ театру, можно отнести и къ области русскихъ иллюстрированныхъ изданій. У насъ, несмотря на многихъ собирателей, интересующихся театромъ, можно назвать только двухъ-трехъ, которые бы посвятили себя всецѣло этому роду коллекціонерства, и среди нихъ, конечно, первое мѣсто занимаетъ А. А. Бахрушинъ—въ Москвѣ, затѣмъ извѣстны въ Петроградѣ И. Ф. Мануйловъ и В. В. Протопоповъ и въ провинціи В. Л. Лашковъ (въ Кишиневѣ). Кромѣ нихъ еще рядъ собирателей старается подобрать коллекціи русскихъ те-

атральныхъ изданій. Работать имъ всѣмъ приходится совершенно въ потемкахъ. Библіографія театральнаго отдѣла находится у насъ въ первобытномъ состояніи. Даже такіе библіографы, какъ Сопиковъ, Смирдинъ или Плавильщиковъ, не выдѣляли въ своихъ трудахъ книги, посвященныя театру, въ самостоятельный отдѣлъ, а упоминали о нихъ или въ общемъ литературномъ отдѣлѣ или въ отдѣлѣ драматической литературы или, наконецъ,—и это большей частью—въ отдѣлѣ «Смѣсь». Отъ Смирдина до нашихъ дней не появлялось ни одного изданія, которое могло бы заполнить этотъ пробѣлъ, если не считать каталога библіотеки В. В. Протопопова.

Отсутствіе справочныхъ и библіографическихъ работъ въ области русскаго издательства театральныхъ книгъ заставляетъ нашихъ собирателей довѣряться, при опредѣленіи степени рѣдкости и цѣнности театральнаго изданія, только каталогамъ антикваровъ, гдѣ цѣны бываютъ случайны, а полнота или дефекты часто умышленно скрываются, вводя тѣмъ собирателей въ заблужденіе и сбивая съ толку.

Сейчасъ дѣло обстоитъ такъ, что въ отдѣлѣ библіографіи русскихъ театральныхъ изданій нельзя не только достать точныхъ свѣдѣній, но нельзя

и представить себѣ болѣе или менѣе ясную картину того, что въ этомъ отдѣлѣ есть рѣдкаго и что рядового. А между тѣмъ именно въ этомъ отдѣлѣ существуетъ много изданій высоко интересныхъ, порой замѣчательно художественныхъ или мило забавныхъ и наивныхъ, совершенно неизвѣстныхъ или рѣдко упоминаемыхъ, или даже попросту основательно теперь забытыхъ.

О такихъ-то изданіяхъ, встрѣчавшихся мнѣ, я и хочу разсказать.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ было издано нѣсколько книгъ, посвященныхъ театру. Сочиненія эти хотя и были не столь значительны по содержанію, но представляютъ собой большой интересъ для собирателя; между ними есть нѣсколько такихъ изданій, о которыхъ приходится только слышать, не встрѣчая ихъ ни на антикварномъ рынкѣ, ни въ частныхъ книгохранилищахъ коллекціонеровъ.

Таково первое изъ такихъ изданій по степени рѣдкости «Письма о россійскомъ театрѣ, нынѣшняго состоянія»—сочиненія Струйскаго; оно напечатано 1794 года, въ типографіи (о ней я уже велъ рѣчь въ моихъ очеркахъ), находившейся въ имѣніи автора селѣ Разуваевкѣ; типографія Н. Струйскаго печатала только одни сочиненія господина Струйскаго, въ продажу они

не поступали и на антикварномъ рынкѣ теперь почти никогда не встрѣчаются; Н. Струйскій, богатый пензенскій помѣщикъ, былъ мало даровитымъ человѣкомъ, но любилъ пофилософствовать по вопросамъ искусства. «Письма о россійскомъ театрѣ» были обращены къ знаменитому актеру И. Дмитревскому и весьма забавны по своему содержанію.

Къ числу очень рѣдкихъ, почти полностью растерянныхъ теперь, изданій восемнадцатаго вѣка надо отнести разныя оды, пѣсни, приношенія и прологи на открытіе театровъ, поздравленіе разныхъ лицъ, бывшихъ причастныхъ къ театру и т. д., какъ напримѣръ «Прологъ на открытіе въ городѣ Тамбовѣ театра» (Тамбовъ 1786 г.); «Прологъ на открытіе новопостроеннаго Петровскаго театра въ Москвѣ» (Москва 1780 г.); прологъ «Господскія имянины» съ хоромъ и балетомъ, представленный въ селѣ Петровскомъ 15 іюля 1791 г.», прологъ «Кусковская нимфа», представленный въ селѣ Кусковѣ 29 іюня 1782 г., «Стихи въ честь актера И. Дмитревскаго» А. Волкова, напечатанные въ началѣ прошлаго вѣка на одномъ листѣ, «Стихи придворной пѣвицы г-жи Синьковской» (Петроградъ 1763 г.) и «Описаніе маскарада и другихъ увеселеній, бывшихъ въ приморской дачѣ Л. А. Нарышкина» (Петроградъ 1772 г.).

Какъ видно по самымъ заголовкамъ этихъ изданій, они напечатаны были въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ продажу не поступали, а потому дошли до насъ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, почему-либо сохранившись въ старинныхъ помѣщичьихъ библіотекахъ.

Въ области рѣдкихъ русскихъ изданій восемнадцатаго вѣка, имѣющихъ отношеніе къ театру, надо упомянуть о двухъ сочиненіяхъ, относящихся больше къ работамъ, посвященнымъ архитектурѣ,—это «Эрмитажный театръ Екатерины II, построенный Гваренги» и «Планы и фасады театра и маскарадной залы въ Москвѣ, построенныхъ англичаниномъ Михаиломъ Медоксомъ» (Москва 1797 г.). Второе изданіе мнѣ не приходилось видѣть въ полномъ видѣ, а первое—это красивое изданіе, художественно выполненное, со многими гравюрами; оно имѣется въ нѣсколькихъ лучшихъ петроградскихъ собраніяхъ старинной книги, но на антикварномъ рынкѣ уже много лѣтъ не встрѣчалось и цѣнится высоко.

Изъ театральныхъ изданій восемнадцатаго вѣка рѣдки и представляютъ собой не только антикварный интересъ слѣдующія книги, о которыхъ въ каталогахъ книгопродавцевъ давно не упоминается; достать ихъ теперь

весьма трудно, а именно: «Драматическій словарь или показаніе по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій» Москва 1787 г., «Танцовальный словарь, содержащій въ себѣ исторію и правила танцовальнаго искусства» Москва 1790 г., «Танцовальный учитель» сочин. И. Кускова, Спб. 1790 г. (тутъ забавны рисунки пяти танцующихъ фигуръ), «Гаррикъ или англійскій актеръ—переводъ Левшина» Москва 1781 г.

Помимо отдѣльныхъ сочиненій, посвященныхъ театру, какъ, напримѣръ, «Общія правила театра» Петроградъ 1805 г. и Павла Сумарокова—«Нѣкоторыя разсужденія о А. П. Сумароковѣ и началѣ россійскаго театра» Петроградъ 1806 г., въ началѣ прошлаго вѣка было нѣсколько журналовъ, гдѣ вопросамъ театра отводилось не мало мѣста, и коллекціонеръ, увлекающійся книжными памятками по исторіи театра въ Россіи, не можетъ не считать ихъ желанными въ своихъ собраніяхъ. Эти журналы, какъ вѣрное отраженіе жизни и духа театра начала прошлаго вѣка, навсегда останутся значительнѣйшими памятниками далекаго прошлаго русскаго театра.

Тутъ вспоминаются: «Талія»—журналъ для любителей театра, изданіе Вельяшева-Волынцева въ Москвѣ въ періодъ отъ 1810 до 1812 года, «Жур-

налъ драматическій» на 1811 годъ, въ изданіи М. Макарова въ Москвѣ, «Драматическій Вѣстникъ» на 1808 годъ и иныя изданія журнальнаго типа болѣе позднаго времени и не столь рѣдкія.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія выходили журналы—«Репертуаръ русскаго театра» (Песоцкаго) и «Репертуаръ и Пантеонъ 1844 года», они весьма цѣнны въ полномъ видѣ и встрѣчаются рѣдко, но отдѣльные нумера попадаются довольно часто; любительской цѣны разрозненные номера не имѣютъ никакой.

Собиратели книгъ, посвященныхъ русскому театру, какъ-то обходятъ вниманіемъ отдѣлъ старинныхъ изданій различныхъ пьесъ. Такія изданія восемнадцатаго и самаго начала девятнадцатаго вѣка достойны занять видное мѣсто на полкахъ любительскихъ библіотекъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, начиная съ Елизаветинскаго времени, вышло не мало забавнѣйшихъ изданій такого рода. Во главѣ художественно напечатанныхъ пьесъ восемнадцатаго вѣка, конечно, стоитъ «Начальное управленіе Олега», сочиненіе Екатерины II; оно издано въ 1791 году и замѣчательно по своей изящной внѣшности. Коллекціонерамъ можетъ нравиться еще болѣе этого изданія чудесная книжка, изданная въ

1806 году—«Душенька», опера въ пяти дѣйствіяхъ съ превращеніями, хорами и балетомъ. Не только въ области театра, но и въ области вообще русскихъ иллюстрированныхъ изданій эта книга занимаетъ первенствующее мѣсто; на антикварномъ рынкѣ она почти не встрѣчается и цѣнится очень высоко.

Затѣмъ забавны изданія — опера комическая — «Февей», изданная въ 1789 году, «Волшебный стрѣлокъ» романтическая опера Княжнина (1824 г.), «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба» (1809 г.), «Гусарская стоянка или плата тою же монетою» (1836 г.). Эта послѣдняя пьеса издана съ гравированнымъ Галактіоновымъ рисункомъ Брюллова, изображающимъ портреты Сосницкаго и Асенковой въ костюмахъ садовника и юнкера.

Есть пьесы, исторія изданія которыхъ весьма интересна и мало кому извѣстна. Въ 1793 году вышла трагедія Княжнина—«Вадимъ Новгородскій»; тутъ воспользовался случаемъ свести съ авторомъ личные счеты гр. И. П. Салтыковъ, московскій военный губернаторъ; онъ донесъ кому слѣдуетъ, что въ монологахъ проводятся идеи, противныя монархической власти, и книга Княжнина была уничтожена. Но все же любителямъ того времени удалось спасти нѣсколько экземпляровъ

ея, которые теперь на антикварномъ рынкѣ, попадаясь чрезвычайно рѣдко, цѣнятся очень высоко. Эта трагедія была напечатана, кромѣ того, въ тридцать девятомъ томѣ изданія Академіи Наукъ—«Россійскій Ѳеатръ». Оттуда ее приказали вырвать, и томъ этотъ продавался въ искалѣченномъ видѣ. Всѣ хлопоты Княжнина спасти свое дѣтище не увѣнчивались успѣхомъ, не спасло даже заступничество кн. Е. Р. Дашковой. Не лучшая судьба постигла и комедію Капниста «Ябеда», напечатанную въ Петроградѣ въ 1798 г.; по повелѣнію императора Павла Петровича, книгу уничтожили, а автора выслали въ Сибирь, но какъ извѣстно, въ тотъ же день вернули обратно и даже повысили въ чинѣ. Я видѣлъ изданіе «Ябеды» 1798 года въ собраніи П. Ефремова. Куда оно попало потомъ, мнѣ неизвѣстно.

Мнѣ никогда не удалось встрѣтить рѣдчайшую книжку восемнадцатаго вѣка «Четыре арлекина»; издана она въ Петроградѣ въ 1733 году. Это маленькія комедіи или, вѣрнѣе, интермедіи переводилъ В. К. Тредіаковскій. Книжка была издана въ количествѣ всего ста экземпляровъ и сейчасъ на антикварномъ рынкѣ не встрѣчается.

Я велъ тутъ рѣчь объ изданіяхъ, выходившихъ въ восемнадцатомъ и въ

началѣ девятнадцатаго вѣка въ столицахъ. И въ провинціи за это время выходило не мало театральныхъ изданій и пьесъ, но печатались они въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и если сохранились до нашего времени, то только по шкафамъ помѣщичьихъ библіотекъ. Мнѣ извѣстны слѣдующія изданія того времени:

«Олинька или первоначальная любовь» опера сочиненія князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, напечатанная въ 1796 году въ помѣщичьей типографіи села Яснаго; «Свадьба господина Волдырева» опера комическая, напечатанная въ Калугѣ въ 1793 году.

Не только пьесы, но и книги другихъ отдѣловъ русской библіографіи, изданныя въ провинціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, считаются наиболѣе рѣдкими и цѣнимыми значительно выше московскихъ и петроградскихъ изданій.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ и въ началѣ девятнадцатаго на ряду съ театральными изданіями было не мало изданій, посвященныхъ музыкѣ; ихъ нельзя миновать молчаніемъ тѣмъ болѣе, что всѣ эти изданія теперь очень рѣдки и цѣнны. Какъ мила и забавна небольшая книжечка, изданная въ Петроградѣ въ 1773 году—«Куріозная музыкальная штучка, состоящая изъ одного минуета, который на клавесинѣ, скрыпкѣ и басѣ играть можно». Затѣмъ

идутъ—«Карманная книжка для любителей музыки на 1795 годъ», «Музыкальныя увеселенія 1774 года въ Москвѣ», «Магазинъ музыкальныхъ увеселеній, издаваемый въ Москвѣ» (въ 1795 году). Сколько доподлинно вышло выпусковъ этого «Магазина» — неизвѣстно, но одна только первая часть его, отмѣченная каталогами антикваровъ, очень цѣнится, какъ рѣдкое изданіе. Наравнѣ съ нимъ по рѣдкости считается «Журналъ гитарный на 1810 годъ» изданный нѣкіимъ Васильемъ Алферовымъ. Затѣмъ идутъ журналы—«Отечественной музыки на 1806 годъ», издававшійся Д. Кашинымъ, и «Журналъ для фортепіано на 1811 годъ», изданный Нерлихомъ.

Интересъ и вниманіе къ театру росли въ Россіи быстро и параллельно росло развитіе книжнаго театральнаго издательства. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ уже появляются серьезныя изданія, къ тому же по внѣшности большей художественности.

Театральныя изданія первой половины прошлаго вѣка порой достигали такой артистичности въ своей внѣшности, что нынѣ могутъ вполнѣ покойно занять мѣсто среди лучшихъ художественно - иллюстрированныхъ русскихъ изданій. Театральнымъ изданіямъ того времени отдавали свои силы лучшіе представители литера-

турнаго и художественнаго міра. Эти изданія имѣютъ особый отпечатокъ изящества, выдержанности и тонкаго пониманія книжныхъ украшеній. Можно опредѣленно сказать, что ни одинъ художникъ того времени, ни одинъ писатель не былъ чуждымъ театру и всѣ они оставили слѣдъ въ русскихъ театральныхъ изданіяхъ. Уже двадцатые годы дали богатую серію тетральныхъ альманаховъ, этихъ миніатюрныхъ, такихъ милыхъ книжекъ, которыя въ настоящее время являются завидной приманкой для каждаго собирателя книги.

Увлеченіе собираніемъ альманаховъ и не только театральныхъ, но и общелитературныхъ (тутъ я позволю себѣ небольшое отступленіе отъ темы моего очерка), растетъ съ каждымъ годомъ. Цѣна на нихъ возросла неимовѣрно, рынокъ антикваровъ насчитываетъ ихъ все меньше и меньше, и пройдетъ еще немного времени и ни одного такого альманаха нельзя будетъ найти, кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ. И сейчасъ уже не найти такихъ альманаховъ какъ: «Сѣверные цвѣты», «Невскій альманахъ» и «Полярная звѣзда», особенно въ хорошемъ состояніи и со всѣми гравюрами. Что касается спеціально театральныхъ альманаховъ, то они еще рѣже литературныхъ.

Интереснѣе иныхъ театральныхъ альманаховъ слѣдующіе: «Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ», съ пятью портретами, въ числѣ этихъ портретовъ—изображенія Истоминой, Семеновой, Телешовой и Каратыгина; «Букетъ», карманная книжка для любителей и любительницъ театра на 1829 годъ съ портретомъ Каратыгина; «Терпсихора» альманахъ музыки и танцевъ на 1827 годъ съ рисунками, изображающими танцующихъ, и съ нотами; «Драматическій альманахъ» для любителей и любительницъ театра на 1828 годъ съ портретами Семеновой и Сосницкаго; «Талія — репертуаръ домашнихъ театровъ». Сп. 1833 года съ пятью забавными гравюрами; «Драматическій альбомъ театра и музыки на 1826 годъ» съ шестью портретами Сабуровой, Львовой, Синецкой, Мочалова, Щепкина и др.; «Театральный альманахъ на 1830 годъ» и болѣе поздній — «Театралъ», карманная книжка для любителей театра, изданный въ Петроградѣ въ 1853 году съ красивыми литографіями, изображающими Большой и Александринскій театры и съ портретами Самойлова, Гризи, Лаблашъ, Вольнисъ и др.

Я нарочно перечислилъ всѣ альманахи, наиболѣе рѣдкіе и цѣнные, такъ какъ

съ каждымъ годомъ такую «перекличку» составлять будетъ все труднѣе.

Первое мѣсто среди театральныхъ книгъ, первой половины 19-го вѣка, по степени рѣдкости и цѣнности, занимаетъ изданный въ 1842 году: «Театральный альбомъ». До сихъ поръ неизвѣстно ни одного полнаго экземпляра этого интереснѣйшаго театральнаго сборника, изданнаго А. Башуцкимъ, въ литографіи Поля. Въ немъ помѣщены портреты артистовъ, виды сцены и декорацій, и все это исполнено съ рисунковъ такихъ художниковъ, какъ Брюлловъ, Басинъ, Тиммъ и другихъ интересныхъ ихъ современниковъ. Даже отдѣльные листы его чрезвычайно рѣдки и цѣнятся очень высоко. Странна судьба единственно мнѣ извѣстнаго неполнаго экземпляра.

Къ кому ни попадалъ этотъ альбомъ, всѣ владѣльцы его въ скоромъ времени умирали. За послѣднее время онъ переходилъ послѣдовательно изъ собранія въ собраніе такихъ библіофиловъ, какъ Ефремовъ, Александровъ, Синягинъ, и всѣ они вскорѣ послѣ покупки умирали. Теперь онъ находится въ собраніи наслѣдниковъ Синягина.

Очень большой рѣдкостью считается сборникъ-альманахъ «Московскій театралъ», изданный въ 1845 году съ восемью рисунками, всего въ количествѣ 90 экземпляровъ.

Помимо этихъ двухъ изданій весьма рѣдкими въ библіографіи русскаго театра считаются слѣдующія:

Красиво изданный сборникъ «Драматическій букетъ» (1859 года); встрѣчается очень рѣдко. Въ немъ собрано 13 большихъ литографій, отпечатанныхъ въ Парижѣ; то были изображенія артистокъ—Снѣтковой, Лядовой, Муравьевой, Стрѣльской, Леоновой и др. Затѣмъ: «Петербургскій театралъ. Куплеты В. Зотова»; эту забавную книжечку украшаютъ восемь превосходно исполненныхъ Тиммомъ литографій. «Нѣсколько словъ о госпожѣ Медвѣдевой и объ игрѣ главныхъ артистовъ московской драматической сцены»; издана она въ Москвѣ въ 1859 году. Изданіе это очень рѣдко; оно не понравилось самой г-жѣ Медвѣдевой и послѣ выхода изъ печати было почти цѣликомъ скуплено ею и уничтожено. Мнѣ не приходилось видѣть экземпляра этой книжки. Рѣдко встрѣчается книжка Григорьева — «Въ память столѣтія русскаго театра», изданная въ Петроградѣ въ 1856 году съ видомъ Александринскаго театра и съ 26 портретами русскихъ актеровъ.

Легкомысленныя, но красиво исполненныя литографіи въ забавнѣйшемъ сборникѣ «Сильфиды по ремеслу» сдѣлали его довольно рѣдкимъ; къ тому

же онъ изященъ по внѣшности. Мнѣ не приходилось видѣть, но мнѣ сообщали, что въ собраніи Е. Н. Тевяшова есть рѣдчайшее нынѣ изданіе—«Музыкальный альбомъ съ карикатурами Степанова», онъ отпечатанъ въ типографіи Поль Пти; въ альбомѣ интересны карикатуры на Глинку, Даргомыжскаго, Варламова, Одоевскаго, Львова, Алябьева и др.

Небольшая брошюра Горчакова — «Опытъ вокальной или пѣвческой музыки въ Россіи», напечатанная въ Москвѣ въ 1808 году, почти совершенно неизвѣстна коллекціонерамъ, и я видѣлъ только однажды экземпляръ ея у покойнаго П. Я. Дашкова.

Красивы виньетки въ «Сѣверномъ музыкальномъ альбомѣ на 1832 годъ».

Въ 1844 году въ формѣ книжки была издана складная литографія около аршина длины и вершковъ пять ширины, озаглавленная по печатному картонажу— «Карикатурныя изображенія съ текстомъ». Эта интересная литографія сложенная въ восьмую долю листа, исполнена довольно изящно въ московской литографіи В. Лонгинова и была красиво раскрашена. Изображала она большую группу въ видѣ шествія артистовъ того времени во главѣ съ Рашелью; всѣхъ лицъ было приблизительно изображено до пятидесяти. Насколько мнѣ извѣстно, описаніе

этой литографіи доселѣ не издано, видѣть ее мнѣ не приходилось, но она есть и въ собраніи П. Я. Дашкова и была въ собраніи Ваулина.

Помимо этихъ книгъ нельзя обойти молчаніемъ два изданія съ рисунками Боклевскаго—«Рисунки къ сочиненіямъ Островскаго», изданные въ Москвѣ въ 1860 году, и «Бюрократическій катехизисъ, пять сценъ изъ «Ревизора», изданныхъ также въ Москвѣ въ 1863 году

Изъ курьезныхъ театральныхъ изданій, не имѣющихъ значенія ни въ литературномъ, ни въ художественномъ отношеніи и занятныхъ только по степени ихъ рѣдкости на антикварномъ книжномъ рынкѣ, должно упомянуть объ альбомѣ «Безсмертные или великіе драматическіе артисты на дорогѣ къ потомству» — это альбомъ карикатуръ-литографій, исполненныхъ въ литографіи Лонгинова въ Москвѣ, и еще о книжкѣ Левальда «Берегитесь, рецензенты» съ рисунками Бируста, изданія 1844 года.

Послѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка библіографическое значеніе изданій, посвященныхъ театру, падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не вызываетъ къ себѣ вниманія собирателей.

Мои бѣглыя замѣтки, не претендующія на полноту, конечно, не исчерпываютъ всей исторіи русскихъ те-

атральныхъ интересныхъ изданій восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго вѣка. Я отмѣтилъ только то, что попадалось мнѣ въ библіографіи русскихъ изданій о театрѣ, которая еще ждетъ своего изслѣдователя.

Раньше чѣмъ закончить мои замѣтки о старыхъ книгахъ, хочется разсказать о полузабытыхъ нынѣ бродячихъ антикварахъ-книжникахъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія они имѣли большое значеніе для книжнаго рынка, а главнымъ образомъ для нашихъ библіофиловъ.

О такихъ книжникахъ, почему-то называвшихся «холодными букинистами», никто не вспоминалъ доселѣ, и мнѣ удалось собрать о нихъ свѣдѣнія частью благодаря сообщеніямъ антикваровъ-библіофиловъ Н. М. Волкова и покойнаго нынѣ В. И. Клочкова, частью благодаря воспоминаніямъ старыхъ собирателей книгъ, которымъ еще памятны эти оригинальные типы.

Такіе бродячіе букинисты—высшая ступень офеней- главнымъ образомъ были извѣстны въ обѣихъ столицахъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка; къ концу восьмидесятыхъ годовъ они уже исчезаютъ. Ихъ было немного и они были извѣстны всему литературному и собирательскому мірку; нѣкоторые изъ такихъ книжниковъ знали наперечетъ всѣ значительныя библіотеки и умѣли всегда принести такое изданіе, какое у даннаго лица въ каталогѣ не встрѣчалось.

Бродячій книжникъ своего постояннаго угла-лавченки не имѣлъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера бродилъ онъ съ холщевымъ мѣшкомъ на плечѣ. Эти мѣшки, очень длинные, съ зашитыми концами, лишь съ большой прорѣхой въ серединѣ, куда и вкладывались книги, представляли собой походную лавку такого книжника. Кто являлся покупателемъ у этихъ бродячихъ антикваровъ?

Кругъ этотъ былъ очень широкъ.—«Холоднаго антиквара» въ длиннополомъ сюртукѣ, смазныхъ сапогахъ, съ характернымъ высокимъ треухомъ-картузомъ можно было встрѣтить и въ хоромахъ знати, и въ богатыхъ домахъ собирателей, и гвардейскаго офицерства того времени, и въ неказистыхъ квартиркахъ литераторовъ и

ученыхъ. Они знали вкусы и потребности своихъ покупателей; и всегда находили чѣмъ заинтересовать, а порой и обрадовать ревниваго собирателя. Большинство такихъ антикваровъ (ярославскіе уроженцы, смѣтливые и изворотливые) прежде служили приказчиками въ книжныхъ лавкахъ, но почему-либо не уживались въ подневольномъ трудѣ и шли на самостоятельную торговлю. Достатки и барыши «холодныхъ букинистовъ» для того времени были болѣе чѣмъ приличные. Тогдашняя дешевизна жизни, невысокія цѣны на антикварныя изданія со стороны продавцовъ давали возможность нѣкоторымъ изъ такихъ «холодныхъ антикваровъ» составить значительные капиталы.

«Трудомъ праведнымъ не наживешь палатъ каменныхъ», и не всѣ «холодные антиквары» отличались честностью и безупречностью своей торговли, особенно, когда дѣло касалось случайныхъ покупателей. Въ большинствѣ случаевъ практиковался слѣдующій способъ провести довѣрчиваго покупателя. Доставались книги сравнительно рѣдкія и высоко цѣнившіяся, но не въ полномъ видѣ, а съ вырванными страницами, потомъ подбирались подходящія по формату и пагинаціи страницы новыхъ изданій, съ артистической ловкостью вклеивались вмѣсто не-

достававшихъ, и поддѣлка была готова. Такими книгами «холодные букинисты» награждали порой и опытныхъ библіофиловъ. Конечно, болѣе серьезные изъ холодныхъ букинистовъ къ подобнымъ продѣлкамъ не прибѣгали; у нихъ кліентура была солидная, постоянная, и имъ не для чего было одной случайной продажей поддѣлки терять богатаго покупателя.

Коллекціонеры того времени и вообще всѣ люди, интересовавшіеся книгой и пользовавшіеся услугами «холодныхъ букинистовъ», весьма цѣнили ихъ. И по заслугамъ. «Холодные» букинисты, зная перечень той или иной библіотеки, зная, чего въ ней не хватаетъ, и, съ другой стороны, хорошо знакомые съ тѣмъ товаромъ, который находился у первобытныхъ рыночныхъ книжныхъ торговцевъ, всегда имѣли возможность притти на помощь доставленіемъ нужныхъ изданій; они знали еще, у кого то или иное изданіе есть въ дублетѣ и мѣняли его, получивъ подходящій заказъ.

Доставали и расширяли кругъ покупателей такіе «холодные букинисты» оригинальнымъ способомъ. Наложивъ полный мѣшокъ книгъ, они отправлялись въ мѣста гуляній и вообще туда, гдѣ могли встрѣтить подходящую публику; они высматривали, кто, по ихъ мнѣнію, могъ заинтересоваться

книгами и, подходя, перечисляли все, что у нихъ бывало интереснаго. Если удавалось привлечь вниманіе, то букинисты старались узнать адреса, ссылаясь на то, что тутъ, молъ, людно и вынимать товаръ изъ мѣшка не удобно. Въ большинствѣ случаевъ имъ въ адресахъ не отказывали, и такимъ образомъ, завязывалось постоянное знакомство, и кліентура такихъ «холодныхъ букинистовъ» росла и росла. Лѣтомъ столицы пустѣли; но «холодные букинисты» переносили свою дѣятельность въ лагери. Особенно гвардейскіе офицеры того времени давали имъ изрядный доходъ и часто не только однимъ пріобрѣтеніемъ книгъ, но и займами, расплачиваясь за оказанныя одолженія по-барски широко и нерѣдко случалось, что такими операціями въ теченіе мѣсяца — двухъ бродячій букинистъ наживалъ себѣ деньги куда большія, чѣмъ своей торговлей.

«Холодные букинисты» крѣпко держались другъ за друга, представляя собой нѣчто въ родѣ корпораціи. Они никогда не конкурировали между собой, не сбивали цѣнъ. Собираясь ежедневно въ петроградскомъ трактирчикѣ около Апраксина рынка, теперь уже давно несуществующемъ, они дѣлились между собой пріобрѣтеннымъ товаромъ, сообразуясь со вкусами и требованіями своихъ покупателей. Когда предстояла

довольно крупная покупка, то почти всегда она дѣлалась сообща, и сообразно взносамъ каждаго, распредѣлялась полученная прибыль. По вечерамъ они опять собирались, обмѣнивались впечатлѣніями дня, указывали, что тотъ или иной кліентъ просилъ достать, или распредѣляли барыши, коль скоро сдѣлка была совершена на товарищескихъ началахъ.

Однимъ изъ дольше всѣхъ державшихся въ Петроградѣ «холодныхъ букинистовъ», и притомъ едва ли не самой характерной фигурой среди нихъ, былъ петроградскій «холодный букинистъ» старикъ Семенъ Андреичъ, по прозвищу Гумбольдтъ. Многіе изъ старыхъ любителей книгъ обѣихъ столицъ (онъ и въ Москву наѣзжалъ) помнятъ его и до сихъ поръ.

Это былъ презанимательный типъ. Откуда онъ родомъ, какъ были его настоящее имя и фамилія, никто не зналъ. Вѣроятнѣе всего, что и самъ старикъ точно не смогъ бы отвѣтить на эти вопросы. Гумбольдтомъ его назвалъ кажется Салтыковъ-Щедринъ (онъ былъ поставщикомъ всѣхъ членовъ редакціи «Современника»); и дѣйствительно по внѣшности онъ очень походилъ на знаменитаго ученаго. Онъ выдѣлялся среди товарищей большой начитанностью, пытливымъ, саркастическимъ умомъ; любилъ поговорить

со «стоющими людьми» о политикѣ и разныхъ государственныхъ вопросахъ, нерѣдко высказывая столь здравыя мысли, что можно было дивиться, какъ можетъ такъ судить простой полуобразованный букинистъ.

Гумбольдтъ презиралъ, какъ онъ самъ говаривалъ, «регламентацію жизни». По тогдашнему строгому времени прожить въ Петроградѣ безъ паспорта нельзя было и дня, а Гумбольдтъ прожилъ, никому не предъявляя своего вида, въ теченіе восьми лѣтъ. Онъ такъ поступалъ не оттого, что не имѣлъ паспорта, а просто-напросто, потому, что считалъ это лишнимъ, какъ находилъ лишнимъ имѣть квартиру или какое-либо имущество, кромѣ книгъ. Если онъ ходилъ въ баню, что случалось съ нимъ не такъ часто, то тогда онъ покупалъ новое бѣлье, а заношенное оставлялъ въ банѣ. Гдѣ проводилъ онъ ночи, не имѣя, даже постояннаго угла,—неизвѣстно; вѣроятно, въ гостиницахъ, гдѣ его знали, на постоялыхъ дворахъ, а лѣтомъ прикурнувъ гдѣ-либо на садовой скамейкѣ.

Кругъ своихъ покупателей, главнымъ образомъ, состоявшій изъ литераторовъ того времени, ученыхъ и самыхъ видныхъ собирателей, онъ не расширялъ, работая только среди знакомыхъ лицъ. Но, вѣроятно, доходы его были не малы. У него была страсть

игры на билліардѣ и посѣщенія первыхъ театральныхъ спектаклей. Въ одинъ вечеръ онъ свободно проигрывалъ сотню рублей и не было ни одного, хоть сколько-нибудь выдающагося спектакля, который бы не посѣтилъ Гумбольдтъ, не стѣсняясь платя за мѣста. И странно бывало, расказываютъ старые собиратели, встрѣчать его въ своей обычной одеждѣ въ первыхъ рядахъ партера среди нарядной публики.

Старыя книги Гумбольдтъ зналъ, дѣйствительно, превосходно. Зналъ, гдѣ и какъ можно достать, и то, что другимъ во вѣкъ не удалось бы пріобрѣсти, онъ всегда получалъ.

Гумбольдтомъ интересовались и въ высшемъ кругу столицы; онъ имѣлъ доступъ во дворцы великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича. И онъ не терялся, держалъ себя равно съ достоинствомъ какъ въ бѣдной квартиркѣ литератора, такъ и въ блестящихъ дворцахъ знати. Въ литературѣ о Гумбольдтѣ нѣтъ ни одного упоминанія, кромѣ извѣстнаго стихотворенія Некрасова «букинистъ и библіографъ». Помните:

БУКИНИСТЪ.

А вотъ еще изданье. Страсть
Какъ грязно. Впрочемъ, ваша власть—
Взять или не взять. Мнѣ все равно:
Найти купца не мудрено.

Одно замѣтилъ я давно,
Что, какъ зазубрина на плугѣ,
На книгѣ каждое пятно
Нѣмой свидѣтель и заслуга.

БИБЛЮГРАФЪ.

Ай, Гумбольдтъ, сказано умно.

БУКИНИСТЪ.

А публика, небось, не цѣнитъ,
Она тогда свой судъ измѣнитъ,
Когда пойметъ, что изъ огня
Попало ей черезъ меня
Двѣ-три хорошихъ книги въ руки.

БИБЛЮГРАФЪ.

Цѣна?..

Некрасовъ вообще очень дружелюбно относился къ Гумбольдту. Они выручали другъ друга во время проигрышей, и это чаще дѣлалъ «холодный букинистъ», нежели поэтъ.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда «холодные букинисты» перестали торговать, Гумбольдтъ исчезъ изъ Петрограда такъ же таинственно, какъ и появился...

ПАМЯТИ АНТИКВАРА.

Въ маѣ 1915 года умеръ въ Петроградѣ Василій Ивановичъ Клочковъ.

Имя это говоритъ много всѣмъ тѣмъ, кто любитъ книгу, собираетъ ее или посвящаетъ себя тщательному изученію той или иной науки.

Магазинъ В. И. Клочкова на Литейномъ проспектѣ въ Петроградѣ знаютъ не только любители книгъ и ученые обѣихъ столицъ, но по всей Россіи со вниманіемъ слѣдили за дѣятельностью его по тѣмъ каталогамъ, которые Клочковъ выпускалъ періодически, и которые служатъ важную службу, какъ справочный матеріалъ и какъ матеріалъ для исторіи цѣнности русскихъ книгъ.

Въ Москвѣ, среди московскихъ собирателей, имя В. И. Клочкова не менѣе популярно, чѣмъ на берегахъ Невы. Можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго книжнаго собранія въ Москвѣ, которое составилось бы помимо участія В. И. Клочкова.

Это былъ влюбленный въ свое дѣло человѣкъ, выросшій на книгѣ и знавшій исторію русской книги такъ, какъ мало кто теперь ее знаетъ.

В. И. Клочковъ вышелъ изъ семьи стариннаго книжнаго торговца, началъ свою дѣятельность, еще торгуя въ ларѣ на Невскомъ проспектѣ, около Аничковскаго моста, которыхъ уже не существуетъ болѣе четверти вѣка, постепенно расширялъ ее и довелъ до того, что сталъ однимъ изъ первыхъ книжныхъ антикварныхъ торговцевъ и изъ ларя перешелъ въ просторный магазинъ.

Въ его магазинѣ на Литейномъ можно было встрѣтить и ученыхъ, и любителей книги и книжныхъ рѣдкостей, и скромнаго студента, и почтеннаго государственнаго дѣятеля, имя котораго извѣстно всей Россіи.

А за его уютнымъ столикомъ въ зимніе вечера почти всегда собирался весь цвѣтъ петроградскихъ ученыхъ, собирателей, журналистовъ и просто друзей В. И. Клочкова.

Тутъ раздавались горячіе споры и толки, цѣлые ученые диспуты, любители приходили и дѣлились своими впечатлѣніями и разсказами о цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ, устраивались импровизированные аукціоны, когда на одну книжную рѣдкость, попавшую къ В. И. Клочкову, находилось нѣсколько претендентовъ.

Писатели, журналисты, актеры, словомъ, всѣ, хоть сколько-нибудь причастные къ книгѣ, съ удовольствіемъ проводили вечерній часокъ-другой въ магазинѣ В. И. Клочкова. А ужъ пріѣзжій ученый или коллекціонеръ изъ Москвы ли или изъ провинціи прямо шелъ къ Клочкову и находилъ тамъ нужныхъ людей, особенно въ прежнее время, когда телефоны не были такъ распространены, какъ теперь, и сношенія не были столь просты.

Перечислять ли постоянныхъ и дружественныхъ посѣтителей магазина «антиквара» Клочкова? Если приняться за это, то придется перечислить буквально всѣхъ, хоть сколько-нибудь выдающихся ученыхъ, писателей, журналистовъ, книговѣдовъ и любителей книгъ—коллекціонеровъ.

Къ В. И. Клочкову шли за указаніями самые изощренные русскіе книговѣды и всегда находили у него нужную справку, указаніе или совѣтъ.

В. И. Клочковъ былъ купцомъ, но самый фактъ продажи книги интересовалъ его всего менѣе.

Часто бывало, что въ его магазинъ кто-нибудь приносилъ рѣдкостный экземпляръ изданія, въ присутствіи заинтересованнаго въ пріобрѣтеніи коллекціонера, и Клочковъ, купивъ книгу, тотчасъ перепродавалъ ее, наживъ нѣсколько рублей, когда могъ нажить,

если не сотню, то многіе десятки рублей. И сознаніе того, что книга попала въ «надежныя» руки, въ отличное собраніе, составляемое съ большой любовью и знаніемъ, ему было во-сто кратъ дороже наживы.

На глазахъ Клочкова русскія старинныя изданія, въ особенности русскія иллюстрированныя изданія прошлаго вѣка, главнымъ образомъ, первой половины и четверти его, возросли въ своей цѣнѣ во много разъ, но это его нисколько не радовало и онъ говаривалъ, что ему было куда пріятнѣе торговать книгой, когда на нее цѣна не была такъ вздута состоятельными коллекціонерами, какъ въ теперешнее время.

В. И. Клочковъ умеръ еще нестарымъ человѣкомъ.

Хворалъ онъ давно, но такого скораго конца никто не ждалъ.

О немъ добромъ и теплымъ чувствомъ помянутъ всѣ тѣ, кто въ теченіе его жизни сталкивался съ нимъ.

Да будетъ ему легка земля, доброму, хорошему человѣку, такъ любившему русскую книгу...

На Симеоновской улицѣ, въ Петроградѣ, какъ разъ противъ Моховой, въ старинномъ громадномъ домѣ до весны 1913 года ютилась лавка старѣйшаго въ Петроградѣ букиниста, Николая Ивановича Герасимова.

Не одинъ десятокъ лѣтъ онъ торговалъ въ ней, и нѣтъ въ Петроградѣ любителя книги, который не обращался бы къ его помощи. Всѣ привыкли видѣть въ окнѣ лавки нѣкогда русую, а потомъ уже сѣдую голову букиниста, слышать его размѣренную, образную рѣчь, которую старикъ часто пересыпалъ незлобливыми шутками. Любители прежняго времени особенно охотно захаживали въ лавку Герасимова поговорить о миломъ прошломъ, когда цѣны на антикварныя изданія были настоящія, а не теперешнія, вздутыя, пото-

сковать о минувшемъ и побранить нынѣшнее.

Но вотъ въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней 1913 года двери лавки не открылись въ обычный часъ и на нихъ забѣлѣла записка, извѣщавшая, что хозяинъ ея скончался.

Для собирателей послѣдняго времени, привыкшихъ къ богатымъ магазинамъ новыхъ антикваровъ, умѣющихъ покупать только готовое и брезгающихъ рыться и искать по маленькимъ лавченкамъ, имя Н. И. Герасимова почти ничего не говоритъ. Но всѣ собиратели, составлявшіе свои библіотеки двадцать-тридцать лѣтъ назадъ, съ благодарностью вспомнятъ о немъ. Н. И. Герасимовъ дѣйствительно зналъ старую книгу, страстно любилъ свое дѣло и честно и строго относился къ нему. Немудрено, что кругъ его покупателей былъ большой и прочный. Въ его маленькой лавочкѣ, гдѣ двоимъ трудно повернуться, можно было встрѣтить и виднѣйшихъ собирателей, какъ напримѣръ, Д. Ф. Кобеко, Е. Н. Тевяшова, Г. К. Рѣпинскаго, П. А. Ефремова, В. И. Яковлева, писателей и ученыхъ— Н. Страхова, В. Стасова, Ап. Майкова, А. С. Суворина, Д. В. Григоровича, Н. Шильдера и многихъ иныхъ ихъ современниковъ. Гончаровъ, кажется почти никуда не показывавшійся въ послѣдніе годы своей жизни, превозмогалъ свою

лѣнь, брелъ въ лавку стараго букиниста и просиживалъ у него часокъ-другой.

А. С. Суворинъ очень любилъ Н. И. Герасимова и часто захаживалъ къ нему, нерѣдко даже совѣтуясь съ нимъ, коль скоро дѣло касалось издательскаго начинанія. Познакомились они лѣтъ сорокъ назадъ. А. С. Суворинъ какъ-то зашелъ къ Герасимову и предложилъ ему купить лишнія книги.

— «Я пошелъ по указанному адресу,— разсказывалъ мнѣ Герасимовъ.—Самого Алексѣя Сергѣевича не засталъ дома, только одна ихняя супруга. Показали мнѣ кучку книгъ; книгъ было много, но все не важныя,—новыя, не мой товаръ. Однако, захотѣлось, какъ по нашему говорится, «знакомство заключить»,— ужъ тогда Алексѣя Сергѣевича зналъ весь городъ, фельетонами его зачитывались. Сторговался, помню, за тридцать рублей, забралъ покупку и вернулся въ лавочку. Только успѣлъ разобраться въ купленномъ и разставить по полкамъ, какъ входитъ запыхавтись Алексѣй Сергѣевичъ.

— Послушайте, говоритъ, господинъ Герасимовъ, вы у меня только что книги купили?

— Такъ точно, отвѣчаю, и вашей супругѣ деньги отдалъ.

— Не въ томъ дѣло, перебиваетъ онъ меня, а не нашли ли вы сейчасъ въ

одной изъ книжекъ такой небольшой пакетецъ.

А самъ на меня смотритъ такъ зорко, такъ испытующе.

— Нѣтъ, говорю, Алексѣй Сергѣевичъ, ничего посторонняго не нашелъ, а вотъ не потрудитесь ли сами просмотрѣть книжечки, и показалъ, гдѣ я ихъ примостилъ.

Алексѣй Сергѣевичъ эдакъ быстро схватилъ одну книжку, другую—хлопъ, хлопъ переплетомъ, все не можетъ найти, что искалъ. Чуть ли не въ послѣдней книжонкѣ нашелъ сѣрый конвертъ и такъ радостно схватилъ его и тряхнулъ имъ. Вылетѣло нѣсколько кредитныхъ бумажекъ и много исписанныхъ листковъ. Не помню, какую сумму сказалъ тогда Алексѣй Сергѣевичъ, только онъ замѣтилъ, что эти деньги ему страшно нужны, а особливо тѣ листки ему дороги, что тамъ же съ деньгами были.

Оказалось, что Алексѣй Сергѣевичъ передъ уходомъ изъ дому получилъ деньги и поскорѣе засунулъ ихъ въ переплетъ книги, да забылъ о томъ своей супругѣ сказать. Съ того знакомство наше и началось».

За послѣдніе годы Н. И. Герасимовъ торговалъ мало. Дѣла его пошатнулись, и онъ поддерживалъ свою торговлю ранѣе накопленнымъ небольшимъ капиталомъ. Лѣтъ съ десять

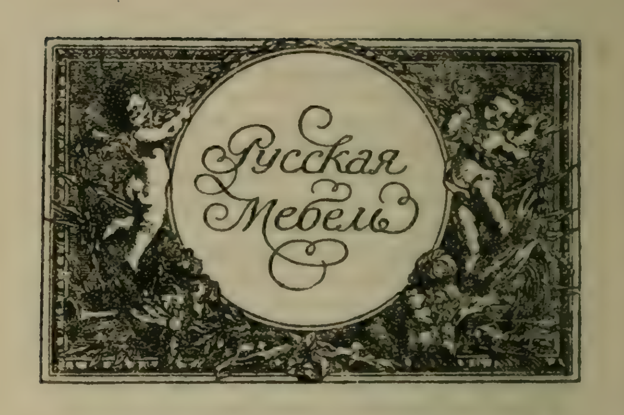
какъ Герасимовъ почти совершенно пересталъ торговать антикварными книгами.

«Знаете,—говаривалъ старый букинистъ,—не могу я спрашивать теперешнія бѣшеныя деньги за то, что десять лѣтъ назадъ продавалъ по настоящимъ цѣнамъ, не могу да и только, а продавать дешевле другихъ тоже не фасонъ, такъ вотъ я просто и отказываюсь отъ покупокъ и посылаю къ новымъ книжникамъ въ ихъ шикарные магазины—тамъ цѣны такія загнутъ съ покупателя, что мнѣ-то и не выговорить никогда».

Умеръ Герасимовъ тихо, почти не хворая.

Старые годы подошли и взяли свое.

За послѣдніе годы къ собирательству русской старинной мебели, преимущественно краснаго дерева второй половины восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго вѣка, примыкаетъ все большій кругъ людей. Старинная мебель была такъ красива, удобна, такъ характерна она для возсозданія уюта близкаго, но невозвратно минувшаго прошлаго, что вполнѣ понятно увлеченіе, съ которымъ стали ее собирать.

На нашу старинную мебель накинулось особенно много любителей. Даже люди, которымъ совершенно непонятна страсть ревниваго и терпѣливаго коллекціонера, и тѣ идутъ къ анти-

кварамъ и присматриваютъ себѣ широкое креселЬце, пузатый комодикъ или съ гнутой крышкою бюро съ безконечнымъ числомъ занятныхъ ящичковъ съ хитрыми замками. Теперь въ каждой мало-мальски культурной семьѣ не желающей «отставать отъ вѣка», вы найдете нѣсколько предметовъ такой мебели—и не имѣть ихъ считается признакомъ почти «дурного тона».

Исторія русской старинной мебели послѣ петровскаго періода такъ же ждетъ своего историка, какъ и иныя отрасли художественной промышленности. Вопросъ о развитіи мебельнаго мастерства, о вліяніи на русское мебельное искусство иностранныхъ образцовъ, наконецъ о производствѣ мебели мастерскими крѣпостныхъ мебельщиковъ—все это еще совершенно не разработано.

И между тѣмъ русское мебельное искусство прошлаго оставило намъ много превосходнѣйшихъ памятокъ, свидѣтельствующихъ о большомъ вкусѣ и пониманіи задачъ художественности—невѣдомыхъ намъ по именамъ мебельщиковъ.

Въ сущности говоря, русское мебельное искусство стало самостоятельно процвѣтать со времени императрицы Елизаветы Петровны. Дотолѣ русскіе баре, перейдя отъ дѣдовской мебели,

изгнанной изъ обихода велѣніемъ царя-преобразователя, пользовались почти исключительно привозной изъ-за границы мебелью и рабски копированной съ иностранныхъ образцовъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично не приходилось встрѣчать интересной мебели времени первой половины восемнадцатаго вѣка, въ которой бы рельефно не отражались западные образцы. Въ семьѣ Тютчевыхъ, въ Петроградѣ, доселѣ хранится забавная Елизаветинская мебель, исполненная едва ли не крѣпостными мастерами, хотя и побывавшая въ какомъ-либо изъ дворцовъ, такъ какъ на нѣкоторыхъ креслецахъ и стульяхъ виденъ оттискъ выжженнаго клейма царской короны. Въ этой мебели невѣдомый намъ мебельщикъ свободно справился съ той основной темой, которая даетъ мебель стиля Людовика XIV-го. Въ грифахъ украшеній ручекъ креселъ, въ рисункѣ небольшого типичнаго для той эпохи диванчика для двоихъ, въ линіяхъ ножекъ и ихъ размѣщеніи—видно, что мастеръ только приблизительно держался мотивовъ стиля Людовика XIV; онъ произвольно варьировалъ темы и создалъ красивый и типичный для своего времени ансамбль мебели.

Елизаветинской мебели въ частныхъ собраніяхъ до насъ дошло очень мало. Кромѣ мебели краснаго дерева того времени, очень интересны остав-

шiеся въ самомъ незначительномъ числѣ отдѣльные предметы мебели, исполненной изъ желѣза и стали. На Елизаветинской выставкѣ въ Петроградѣ было нѣсколько такихъ креселъ; въ собранiи Н. Охочинскаго есть небольшой кругленькiй столикъ и премилый стуликъ со спинкой въ видѣ лиры. Есть свѣдѣнiя, что такая мебель выдѣлывалась въ тульскихъ мастерскихъ; она покрывалась красивымъ чеканнымъ орнаментомъ часто въ томъ стилѣ, которымъ прославились тульскiя издѣлiя изъ черни. Вѣроятно это и даетъ поводъ предполагать, что такая металлическая мебель выдѣлывалась въ Тулѣ, хотя документальныхъ данныхъ о томъ нѣтъ никакихъ. Въ собранiи Н. М. Миронова, въ Москвѣ, я видѣлъ металлическiй диванъ Елизаветинскаго времени, но по линiи и по детали работы указываютъ, что онъ исполнялся не въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ готовились креселъца и стулья, о которыхъ я выше велъ рѣчь. Вѣроятно, такiя металлическiя мебельныя мастерскiя были не только въ одной Тулѣ.

Расцвѣтъ мебельнаго искусства въ Россiи, при чемъ почти исключительно старинная мебель выдѣлывалась изъ краснаго, тиковаго или палисандроваго дерева, рѣже изъ корельской березы, орѣха или дуба, и совсѣмъ

рѣдко изъ березы, относится къ концу восемнадцатаго вѣка. Памятниковъ русскаго мебельнаго искусства павловскаго времени особенно примѣчательныхъ мнѣ не приходилось встрѣчать, кромѣ мебели въ Павловскомъ дворцѣ, но ея русское происхожденіе весьма гадательно, да еще чудеснаго ассортимента въ собраніи В. О. Гиршманъ въ Москвѣ. Напуганные строгостью Павла І-го, люди того времени старались имѣть мебель возможно болѣе простую по внѣшности и не заботились о художественности ея. Александровское время съ его увлеченіемъ ложно классическими тенденціями, оставило намъ много интересныхъ памятниковъ. Въ собраніи Н. Д. Шубина-Поздѣева есть, напримѣръ, небольшой столикъ, ножки котораго переплетаются по типу античныхъ жертвенниковъ-кадильницъ. Эта бездѣлка, исполненная несомнѣнно крѣпостнымъ мастеромъ, очаровательна по изяществу и архитектурности. Александровское время—эпоха длинныхъ кушетокъ «chaise-longe», орнаментированныхъ скульптурой изъ дерева шкафовъ, такъ называемыхъ креселъ «дорадоровъ»—одинъ кусокъ мебели изъ двухъ креселъ; почти всегда такія кресла изготовлялись спинкой другъ къ другу «для болѣе укромнаго и тайнаго поцѣлуя», какъ говорится

въ одномъ альманахѣ того времени; но есть и расположенные другъ противъ друга, для «чинной бесѣды и покойнаго обмѣна разсудительными разговорами», какъ продолжаетъ разсказывать альманахъ. Такія кресла особенно рѣдки.

Николаевская мебель такъ же, какъ и Александровская, строга по стилю; но въ ней больше свободы въ орнаментировкѣ, въ композиціи украшеній, въ изгибахъ ножекъ и ручекъ, въ формахъ шкафовъ. Въ сущности говоря мебелью николаевскаго времени и только самыхъ первыхъ годовъ царствованія Александра II-го исчерпывается интересъ и значеніе русской мебели прошлаго. Со времени Александра II-го начинается упадокъ характерности русской мебели, она изготовляется по образцу обще-европейскому и, понятно, что вниманіе къ ней ревнителя и поклонника русскаго прикладного искусства совершенно исчезаетъ.

Сейчасъ я въ самыхъ общихъ чертахъ набросалъ исторію развитія русскаго мебельнаго искусства. Въ одной изъ дальнѣйшихъ ближайшихъ книжекъ моихъ замѣтокъ я подробно опишу, на основаніе сохранившихся образцовъ, исторію русскаго мебельнаго искусства. Тутъ надо будешъ отдать должное забытымъ мастерамъ мебельщикамъ изъ крѣпостныхъ. Мальчиш-

ками посланные въ столицы, они въ совершенствѣ постигали хитрую науку мебельнаго производства. Вернувшись въ усадьбы, къ своимъ господамъ, работая подолгу надъ одной вещью, прилаживая отдѣльныя части съ такой тщательностью и вниманіемъ, о которыхъ нынѣ и понятія не имѣютъ, они создавали очаровательныя вещи. Они изготовляли не только простую мебель, но и мудреную со вставками изъ бронзы, золоченой мѣди и вышивокъ бисеромъ или украшеніями изъ ткани. Эта область русскаго мебельнаго искусства еще совершенно не использована ни изслѣдователями, ни собирателями. А между тѣмъ, судя по немногимъ извѣстнымъ предметамъ, исполненнымъ крѣпостными мебельщиками, въ ней безъ конца интереснаго и увлекающаго. Какъ, напримѣръ, своеобразно красивъ небольшой преддиванный круглый столъ краснаго дерева, покоящійся на трехъ золоченыхъ грифахъ, украшенный инкрустированными орнаментаціями и даже цѣлой сложной миѳологической сценой въ центрѣ стола у В. П. Козловскаго въ Петроградѣ; или какъ трогательно простъ по рѣзьбѣ и привлекателенъ березовый туалетъ въ собраніи И. Ф. Мануйлова; рѣзьба чуть почернена и это незатѣйливое украшеніе безконечно мило и придаетъ всей вещи много характер-

наго. Такъ часто мастера-мебельщики изъ крѣпостныхъ самыми простыми и несложными пріемами умѣли придавать своимъ издѣліямъ много красоты и типичности. И не представляется ли, въ самомъ дѣлѣ, увлекательнымъ изслѣдовать эпоху крѣпостныхъ мебельщиковъ. Вотъ новая область для нашихъ собирателей...

Спросъ на русскую старинную мебель превышаетъ предложеніе и тутъ поддѣлка раскинулась широко и свила себѣ прочное гнѣздо. Даже больше сказать, пожалуй ни въ одной иной области собирательства не приходится быть столь осмотрительнымъ и недовѣрчивымъ ко всякимъ увѣреніямъ средней руки антикваровъ, какъ именно въ коллекціонерствѣ старинной мебели. И откуда, на самомъ-то дѣлѣ, взяться такому громадному числу старинной мебели, чтобы удовлетворить теперешній спросъ? Мало того, что въ свое время ее изготовляли не въ столь-то большомъ количествѣ, она просто-напросто варварски уничтожалась въ періодъ между пятидесятыми годами и половиной девяностыхъ прошлаго столѣтія. Къ тому же, надо замѣтить, городская мебель прошлаго цѣнится далеко не такъ, какъ мебель, которая была раскинута по помѣщичьимъ усадьбамъ или хранилась въ покояхъ знати того времени.

Вниманіе къ старинной русской мебели вспыхнуло лѣтъ пятнадцать тому назадъ, не больше. А развилось и окрѣпло это собирательство всего на всего какихъ либо лѣтъ семь-восемь. Но и теперь, когда такъ много желающихъ украсить старинной мебелью свои жилища, когда антиквары внимательно слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что можно достать для рынка, извѣстны случаи вандальскаго отношенія къ памятникамъ мебели нашихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

Художникъ К. Коровинъ какъ-то разсказывалъ, что подъ самой Москвой игуменьей одного изъ пригородныхъ монастырей былъ недавно устроенъ громадный костеръ, на которомъ со спокойной совѣстью сожгли массу чудеснѣйшей мебели краснаго дерева начала прошлаго и конца восемнадцатаго вѣка. Дѣло въ томъ, что какая-то жертвовательница отказала по завѣщанію монастырю свою усадьбу съ полной богатой обстановкой. Недвижимость ликвидировали, а съ движимостью, со старинной мебелью, рѣшили не стѣсняться и попросту хжечь, потому, какая, молъ, корысть можетъ получиться отъ стараго улама. И, когда К. Коровинъ искренно сжаснулся этому варварству, ему замѣтили съ милой наивностью, что оттого такъ поступили, что предполагали продажей въ городѣ всей старой ме-

бели не выручить и перевозки ея до столицы. А столица буквально въ двухъ шагахъ отъ монастыря. По кое-какимъ оставшимся крохамъ К. Коровинъ предполагаетъ, что тамъ было мебели на многія тысячи рублей. И это произошло подъ самой Москвой, гдѣ постоянно рыскаютъ агенты-перекупщики столичныхъ антикваровъ. Можно себѣ представить, какъ истреблялась старинная мебель гдѣ-нибудь въ глуши! Какъ шли на дрова или отсылались въ застольныя избы колоссальные диваны самосоны, громадныя кресла, или съ точеными ножками и старомодными спинками стулья. Вся эта красота замѣнялась разной современной мерзостью изъ городскихъ мебельныхъ магазиновъ, чтобы имѣть «модную» обстановку.

Пройдитесь сейчасъ по антикварнымъ лавкамъ обѣихъ столицъ—всюду старинной русской мебели, привлекательнѣйшей по внѣшнему виду, много въ самомъ разнообразномъ выборѣ; но стоитъ болѣе внимательно разобраться въ ней, какъ полное разочарованіе смѣнитъ радостное чувство удачной находки. Да и сами антиквары, изъ числа серьезныхъ и не гоняющихся за грошевой прибылью, укажутъ, что вещи или вновь сдѣланы или такъ ремонтированы, что отъ прежняго, подлиннаго предмета, осталась незначительная часть.

Но какъ же разобраться въ подделке и кто занимается этимъ деломъ? И тутъ опять старый ответъ. Въ книге научиться разбираться въ подделке можно меньше всего. Надо видеть самому, стараться посещать частныя и общественныя собранія и воспитать свой глазъ. Книга можетъ дать указанія только въ самыхъ общихъ вопросахъ.

Чаще всего подделка исполняется съ такой тщательностью, вниманіемъ къ оригиналу и съ такой къ нему близостью, что не разъ попадались въ просакъ даже самые изощренные коллекціонеры. Плохая подделка не пройдетъ, да при теперешнихъ ценахъ нетъ и основанія работать спустя рукава. Къ подделкамъ привлечены хорошіе мастера, отличные рисовальщики и даже архитектора, которые тонко чертятъ по точнымъ обмерамъ подлинниковъ своеобразныя «выкройки». А по нимъ работаютъ столяры. Въ Петрограде есть большая мастерская, где подделка идетъ полнымъ ходомъ, и руководитъ этой мастерской человекъ, много видавшій, образованный, съ большимъ вкусомъ и пониманіемъ и изъ его мастерской выходятъ вещи отменной тонкости.

Съ новымъ деревомъ подделки не исполнить. Идутъ на следующее: скупаютъ старые рояли или піанино (знаете

такія низкія, въ родѣ длинныхъ ящиковъ на ножкахъ) и изъ нихъ творятъ дѣдовскую мебель. Кромѣ того, путемъ долгаго труда и ряда поисковъ нашли секретъ составлять такой лакъ и политуру, которые даже относительно не особенно старому дереву придаютъ тонъ подлинной старинной вещи.

Русскій мастеръ хитеръ и догадливъ. Въ области поддѣлки старинной мебели, руководимый опытными людьми, онъ достигъ большого совершенства. Въ Вологдѣ поддѣлка старинной мебели—едва ли не самая крупная отрасль кустарнаго промысла. Особенно развито тамъ производство наборнаго дерева. Вологжане соберутъ такой Екатеринскій «бобикъ», съ такимъ хитрымъ казалось бы несомнѣнно подлиннымъ рисункомъ орнамента или даже цѣлой сцены или вида какого-либо подгородняго дворца, что только диву даешься. Понятно, на наборномъ деревѣ коллекціонера провести труднѣе и потому поддѣлка тутъ особенно тщательна.

Чтобы провѣрить поддѣлку лучше всего поступать такимъ образомъ. Вечеромъ вооружившись сильной электрической лампой, почти горячей суконкой протрите нѣсколько разъ поверхность наборнаго дерева; послѣ этого, поставивъ свѣтъ какъ можно ближе къ дереву, посмотрите не вскро-

ются ли мало замѣтные каналы между кусочками наборнаго дерева. Если они показались,—то въ поддѣлкѣ нѣтъ никакого сомнѣнія. Затѣмъ, если можно отвести или плинтусикъ или рамку наборной доски, когда наборный рисунокъ доведенъ до края, то тогда поддѣлка обнаружится слѣдующимъ образомъ. Какъ ни хитры современные поддѣлыватели, они доселѣ не сумѣли уяснить себѣ секретъ стариннаго скрѣпленія кусочковъ—въ поддѣлкахъ наборъ всегда скрѣпленъ снаружи, въ старину же наборъ былъ только рѣзной.

Поддѣлокъ—тысячи варіацій, и все зависитъ отъ изобрѣтательности и смѣтливости руководителя поддѣлочной мастерской, большей частью мелкаго антиквара. Прослѣдить ихъ не только всѣ, но и въ возможно исчерпывающемъ числѣ, положительно нѣтъ никакой возможности. Понятно, большинство поддѣлывателей берутъ образцомъ работы иностранныхъ собратьевъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ навострились до виртуозности въ своемъ своеобразномъ искусствѣ. Можно съ точностью сказать, что въ лавкахъ иностранныхъ антикваровъ девять десятыхъ собранныхъ вещей—поддѣлка.

Забавный, милый и уютный диванчикъ времени Екатерины II-ой, съ затѣйливыми изгибами ножекъ, локотни-

ковъ и рамки спинки, украшенныхъ прихотливымъ рѣзнымъ деревомъ, даже въ лавкѣ антиквара не вызываетъ никакихъ сомнѣній—дерево старое, рѣзьба глубокая, чудесная, какой теперь почти не встрѣтишь, стиль выдержанъ безукоризненно. Подлинная вещь, да и только. И антикваръ приводитъ тысячи доказательствъ своей честности въ этой продажѣ. Вѣришь, покупаешь и довольный, устанавливаешь покупку у себя въ облюбованномъ мѣстѣ. А все-таки оказывается, что пріобрѣлъ поддѣлку! Ножки, локотники, изгибы рамки спинки—вѣдь это самое замысловатое, самое трудное въ поддѣлкѣ. Хитрецы-поддѣлыватели поступаютъ такимъ образомъ. Достанутъ подлинное кресло, распилятъ его поперекъ, снимутъ украшенія середины спинки и основанія сидѣнья около подушки, разставятъ эти половинки, свяжутъ ихъ новыми, но внимательно и хорошо исполненными продолженіями рамокъ спинки и сидѣнья, примостятъ подлинныя серединныя украшенія, и вотъ изъ кресла получился диванъ. А, какъ извѣстно, диванъ въ три, четыре, а то и больше разъ дороже кресла.

Хочется порой купить простую вещь—туалетное зеркало, знаете съ такими привлекательными колонками изъ ящиковъ, съ небольшимъ пузатымъ комодцемъ. Вы не ищете никакихъ осо-

бенно сложныхъ украшенiй, рѣзьбы или набора, а простую дѣдовскую вещь. Стоитъ ли поддѣлывать такую штуку, да и какъ это сдѣлать, думаете и покупаете, какъ говаривали встарину коллекцiонеры, «отентичную» вещь. И что же? Въ результатѣ опять поддѣлка. Поддѣлывателями берется одно такое подлинное зеркало, и, такъ какъ вещь относительно дешевая, то поддѣлываютъ сразу дюжинами, чуть-чуть, варьируя каждую копiю.

Вы встрѣчаете на рынкѣ, казалось бы, безусловно стараго дерева шкафы, комоды, бюро. Толстыя стѣнки боковинъ проѣли черви... Видны черныя точки ходовъ, продѣланныхъ червями. Сомнѣнiй въ подлинной старинѣ дерева нѣтъ никакихъ. Антикваръ съ сожалѣнiемъ говоритъ, что никакъ не могъ задѣлать этихъ слѣдовъ червей. А, между тѣмъ, какъ просто открывается ларчикъ...

Поддѣлыватели выпускаютъ въ дерево зарядъ дроби,—и готово...

А стулья? Что можетъ быть трагичнѣе покупки молодымъ, неискушеннымъ собирателемъ большого количества стульевъ одного образца, якобы изъ стариннаго дома, разоренной усадьбы и изъ тысячи подобныхъ мѣстъ, не оставляющихъ никакихъ сомнѣнiй въ подлинности прiобрѣтаемаго. Хорошо, если два, три стула подлинны,

остальное поддѣлка по ихъ образцу; это одинъ случай на 200 такихъ покупокъ. Въ лучшемъ случаѣ (и тогда ужъ по самой высокой цѣнѣ) поддѣлки изъ стараго дерева, въ большинствѣ только изъ дерева, приведеннаго разными манипуляціями въ «старый» видъ.

Кто не очаровывался старинными русскими бюро? Положительно русскіе мастера-столяры ни въ чемъ не достигали такой красоты, самобытности и уюта, какъ въ этихъ чудесныхъ бюро съ откидными крышками—то гнутыми изъ громадныхъ досокъ, съ удивительно подобраннымъ рисункомъ наслоеній дерева, то плоскими, закидывающимися на ремняхъ или на тонкихъ полоскахъ стали. Какъ умѣли они, эти безыменные мастера, расположить цѣлый лабиринтъ самыхъ затѣйливыхъ ящиковъ съ разными забавными и такими хитрыми тайничками, какъ комбинировали они размѣры этихъ ящиковъ! Диву нынѣ только даешься и не налюбуешься ими. Понятно, и ихъ не забыли своимъ вниманіемъ поддѣлыватели старой мебели.

Они тутъ дѣйствуютъ съ самыми разнообразными ухищреніями. Большей частью по какому-либо оригиналу изготовляютъ копіи изъ новаго дерева. Человѣкъ, сторонній коллекціонерству, можетъ простодушно спросить: «а что, въ сущности, плохого въ такой

подделкѣ—копія исполнена точно, дерево подготовлено подъ старое, какъ сами говорите, съ завиднымъ искусствомъ?» Да какъ бы копія совершенна ни была, она никогда не замѣнитъ подлинной вещи. Въ тѣхъ старыхъ вещахъ такъ изумительны детали, такъ подогнаны всѣ части, съ такой тщательностью собраны онѣ, такъ чувствуется солидная добротность всего издѣлія, которыхъ не достичь самой «добросовѣстной» копіи...

Можно безъ конца писать о подделкахъ старинной мебели и все не исчерпаешь темы.

Я веду рѣчь исключительно о русской старинной мебели. Русскіе мастера - мебельщики, интересующаго насъ времени, почти совсѣмъ не вырабатывали мебели въ стилѣ «Jacobe» или «Boulle». Хотя долженъ указать, что въ интересномъ собраніи А. А. Брокара въ Москвѣ я видѣлъ диванъ «Boulle» значительно болѣе грубой, чѣмъ во французскомъ производствѣ отделки, съ деревянными рѣзными украшеніями (le bois sculpté); какъ извѣстно, въ подлинныхъ французскихъ предметахъ мебели эпохи «Boulle» такихъ украшеній не встрѣчается. И Дени Рошъ, этотъ большой знатокъ старинной мебели, отнесъ диванъ собранія Д. Брокара къ производству русскаго мастера. Быть можетъ и кромѣ брокаровскаго дивана

есть иныя подобныя работы, но мнѣ онѣ неизвѣстны.

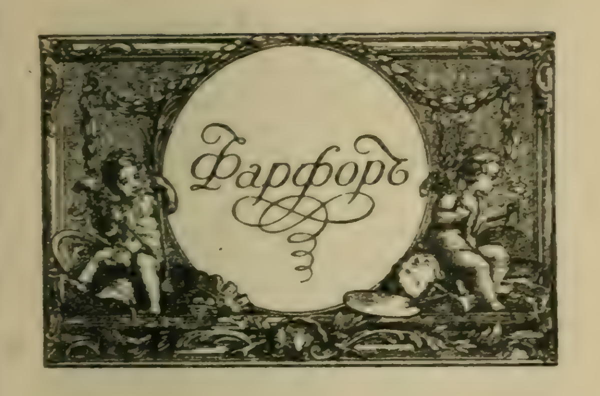
Легче разобраться въ поддѣлкѣ, когда мебель украшена бронзой. Старая бронза, пожалуй, еще болѣе рѣдка, чѣмъ подлинные старинные предметы меблировки, а вѣдь извѣстно, что поддѣлать старую бронзу съ большой тонкостью никакъ не могутъ. Стоитъ осторожно провести рукой по внѣшнимъ краямъ бронзовыхъ украшеній, и всегда на вещахъ новаго производства будутъ края нѣсколько царапающіе, на новой бронзѣ не ощутите никогда той бархатистости, которая присуща старой подлинной бронзѣ.

Собирать теперь предметы старинной мебели тѣмъ труднѣе, что очень мало большихъ собраній безусловно подлинныхъ образцовъ; а то, что сохранилось доселѣ въ дворцахъ придворнаго вѣдомства или знатныхъ родовъ,—почти совсѣмъ недоступно для осмотра и изученія. Чтобы вѣрнѣе собрать коллекцію несомнѣнно подлинныхъ вещей, лучше пріобрѣтать ихъ въ самомъ плачевномъ состояніи, найти подходящаго краснодеревца-столяра и, самолично имъ руководя, добиваться конечной отдѣлки. А итти къ антиквару и покупать радостно блестящій новой полировкой и отдѣлкой какой-нибудь предметъ старинной мебели—это на сто случаевъ—одинъ, что попадете

на подлинную вещь, а не на тонкую поддѣлку. Собирательство—искусство не легкое. Ходить по антикварамъ и стараться подобрать хорошее собраніе старинной мебели по готовымъ и принаряженнымъ экземплярамъ—въ настоящее время занятіе праздное.

Только путемъ внимательнаго и кропотливаго труда надъ возсозданіемъ того, что попадется въ разгромленномъ видѣ, можно еще теперь создать себѣ обстановку изъ старинныхъ настоящихъ вещей. Тогда не узнаете горечи разочарованія при открытіи поддѣлки той вещи, къ которой уже успѣли привыкнуть, полюбить... А поддѣлка всегда обнаружится. Работа ея хотя и тонка, но не солидна и прочна и больше двухъ-трехъ лѣтъ въ покоѣ собирателя не оставитъ. Послышится трескъ, начнетъ пузыриться фанера, расхлябаются клепки, нагло выступятъ куски внутренняго новаго дерева, незамаскированные поддѣлкой, и обманъ обнаружится.

Такой конецъ—не лучшее ли предупрежденіе увлекающимся собирателямъ?

Какихъ-нибудь еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ русскимъ фарфоромъ восемнадцатаго и первой половины прошлаго вѣка интересовались очень немногіе, цѣна на него держалась низкая, и во всѣхъ антикварныхъ лавкахъ его было сколько угодно. Но какъ только стали глубже заинтересовываться памятками прошлаго, обихода нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, когда поняли всю притягательность громоздкой старинной мебели, милыхъ вышивокъ изъ бисера, старой русской, нѣсколько манерной, но часто такой красивой бронзы и прелесть тысячи иныхъ предметовъ, тревожащихъ думы о быломъ, невозвратно минувшемъ времени, тогда фарфоровыми про-

изведеніями стали увлекаться едва ли не болѣе всего.

Въ разнообразныхъ фарфоровыхъ издѣліяхъ, во всѣхъ милыхъ типичныхъ статуэткахъ, въ миніатюрныхъ бездѣлушкахъ, въ красивыхъ и безконечно разнообразныхъ по формѣ и раскраскѣ чашкахъ, тарелкахъ, блюдахъ и прочихъ предметахъ украшеній стола съ наибольшей яркостью и силой рисуется жизнь того прошлаго, о которомъ мы часто почти безсознательно грустимъ и тоскуемъ въ сумятицѣ современности.

Къ русскому фарфору обратилось вниманіе весьма многихъ коллекціонеровъ и за послѣднее десятилѣтіе возникли превосходныя собранія; въ нихъ широко развернулась картина фарфороваго производства въ Россіи, стоявшаго на высокой ступени развитія и, что особенно важно, бывшаго очень характернымъ и типичнымъ для Россіи. Такія собранія русскихъ фарфоровыхъ издѣлій, какъ великаго князя Николая Николаевича, кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова, А. Коровина, И. Ф. Мануйлова, П. П. Барышникова — въ Петроградѣ, а въ Москвѣ собранія А. В. Морозова, Н. М. Миронова, Н. И. Тютчева и другихъ, но менѣе крупныхъ и значительныхъ, рисуютъ намъ картину привлекательнѣйшаго, достигавшаго часто высокой художествен-

ности прикладного искусства, равнаго которому по самобытности и отраженію національныхъ чертъ не найдется въ исторіи фарфороваго производства иныхъ государствъ.

И въ то же самое время, когда интересъ къ русскому старинному фарфору великъ не только среди нашихъ собирателей, но и среди иностранцевъ, платящихъ теперь неслыханныя прежде деньги за хорошо сохранившіеся предметы стараго нашего фарфора, преимущественно Екатерининскаго времени и времени Александра I, у насъ почти совсѣмъ нѣтъ изслѣдованій по исторіи этой промышленности, нѣтъ указателя для молодыхъ неискушенныхъ собирателей. За послѣднія пять-шесть лѣтъ вышли отдѣльныя изслѣдованія по исторіи русскаго фарфора—напримѣръ «Исторія Императорскаго фарфороваго завода», А. А Тройницкаго объ Эрмитажныхъ коллекціяхъ фарфора, В. Н. Казнакова о пакетовыхъ табакеркахъ Елизаветинскаго времени, превосходное изслѣдованіе А. Селиванова о маркахъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ и мастерскихъ (единственный наиболѣе исчерпывающій вопросъ трудъ книга), описанія частныхъ собраній фарфора, какъ напримѣръ Лукутина и Сомова и нѣсколько иныхъ, заслуживающихъ меньшаго вниманія. Но всѣ эти изслѣдо-

ванія, очень цѣнныя въ отдѣльности, не даютъ общей картины развитія фарфороваго художественнаго производства въ Россіи и эта область ждетъ еще своего изслѣдователя.

Замѣтки, которыя я имѣю смѣлость предложить вниманію коллекціонеровъ, не претендуютъ на полноту. Въ наше время, когда исторія русскаго фарфороваго производства еще такъ неясна, думается, каждое свѣдѣніе о развитіи его въ Россіи можетъ имѣть извѣстное значеніе, какъ для самихъ собирателей, такъ и для того, кто возьметъ на себя трудъ составленія подобной исторіи. Мнѣ пришлось видѣть много собраній частныхъ лицъ, слѣдить за антикварнымъ рынкомъ въ продолженіе ряда лѣтъ и если кое-что изъ вынесенныхъ мною впечатлѣній и представитъ собой интересъ—я буду считать свое дѣло исполненнымъ.

Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ зарожденія у насъ художественно-фарфороваго производства, наименѣе изслѣдованъ, особенно что касается времени императрицы Елизаветы Петровны. Въ то далекое время, когда только что зародился Императорскій фарфоровый заводъ, а частныхъ мастерскихъ и заводовъ не насчитывалось и десятка, выдѣлывались предметы большого интереса и даже большой художественности. Судя по немногимъ до-

шедшимъ до насъ памятникамъ, невѣдомые мастера того времени легко справлялись со сложными композиціями, умѣли придавать своимъ издѣліямъ красивую своеобразную форму, такъ раскрасить ихъ, что имъ позавидуетъ и современный изощренный живописецъ.

Немногіе изъ нашихъ собирателей могутъ похвастаться Елизаветинскимъ фарфоромъ. Тутъ несомнѣнно первое мѣсто принадлежитъ коллекціи великаго князя Николая Николаевича въ его новомъ дворцѣ на Петровской набережной въ Петроградѣ. Множество собранныхъ фигурокъ, чашекъ, тарелокъ, вазочекъ и т. п. вещей Елизаветинскаго фарфора даютъ ясную картину производства этой эпохи. Трудно, хотя бы примѣрно, оцѣнить это собраніе и съ точки зрѣнія чисто матеріальной, когда отдѣльныя Елизаветинскія чашки, фигурки, блюдца, бездѣлушки цѣнятся буквально на вѣсъ золота, ибо тысяча рублей за статуэтку или иной какой предметъ фарфороваго производства этой эпохи теперь цѣна совсѣмъ обычная и никого не смущающая.

Разсматривая собраніе великаго князя Николая Николаевича, изумляешься тонкости мастерства, пониманію чувства архитектоники, умѣнію создать привлекательнѣйшія по про-

порціямъ вещи, которыя такъ выдѣляютъ издѣлія Елизаветинскихъ мастеровъ. И когда видишь Елизаветинскій фарфоръ въ отдѣльныхъ предметахъ, чашечку, тарелку, вазочку и рѣже всего фигурку, такой характерной нѣсколько удлиненной формы, то не получаешь и сотой доли впечатлѣнія, какъ при видѣ его въ столь большой коллекціи. Пересматривая собранный съ такой удачей Елизаветинскій фарфоръ, переходя отъ одной витрины къ другой, не знаешь на чемъ остановить свое вниманіе, съ чего начать подробный осмотръ. То захватитъ изумительная легкость и красота какой-нибудь кружевной корзиночки для лакомствъ или ягодъ, то обаятельной формы вазочка, или тонко изваянныя шахматныя фигурки, то занятный флаконъ, то милая чашечка съ замысловатымъ орнаментомъ чудесной окраски, то нѣсколько подражательная по внѣшности саксонскому фарфору, но все же безконечно привлекательная, тарелка, и такъ и разбѣгаются глаза.

Замѣчательны двѣ вазы этого собранія, вѣроятно позднѣйшаго Елизаветинскаго времени, сплошь украшенныя тонко и художественно изваянными гирляндами изъ красивыхъ и типичныхъ по окраскѣ полевыхъ цвѣтовъ. Окраска самихъ вазъ, переходы отъ

цвѣтного фарфора къ бѣлому и золоченому безподобны. Золото немножко отливаетъ столь для Елизаветинскаго фарфора типичной блестящей металлической глазурью. Подобная этимъ чудеснымъ фазамъ есть въ собраніи Б. И. Ханенко. А вотъ корзиночка для печенья, мелкихъ фруктовъ или конфетъ, вся плетеная съ чудесно ритмически поставленнымъ въ середкѣ четыреугольникомъ со стѣнками по формѣ напоминающими стѣнки боскетовъ съ милыми шишечками на столбикахъ угловъ. Эта тонкая по линіямъ и по всей своей композиціи вещица отмѣчена рѣдкимъ Елизаветинскимъ клеймомъ—золотымъ орломъ.

Фигурокъ Елизаветинскаго времени до нашихъ дней дошло очень немного. Большинство изъ нихъ довольно скупо и не столь красиво раскрашены, форма ихъ большею частью удлиненная, но встрѣчаются и низкія, приземистыя фигурки, главнымъ образомъ, изъ числа русскихъ типовъ. Елизаветинскіе мастера увлекались и болѣе сложными задачами, о чемъ свидѣтельствуютъ находящіяся въ Эрмитажѣ фигурки негровъ изъ разрозненной цѣлой ихъ съюты. Большею частью, Елизаветинская глазурь довольно гусiая, масса фарфора не всегда чистая и удачная; въ вещахъ болѣе старыхъ глазурь прозрачна и удачна,

въ позднѣйшихъ она все улучшается. Мѣтились фигурки такъ же, какъ и иной Елизаветинскій фарфоръ, типичными и всѣмъ извѣстными клеймами, разбросанными гдѣ попало. Вообще Елизаветинскія клейма ставились не только на днищахъ предметовъ, а гдѣ придется, и поэтому найти клеймо часто очень трудно.

Въ собраній В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова есть милая фигурка кобзаря—одна изъ самыхъ характерныхъ изъ имѣющихся въ частномъ собраніи. Вообще коллекція Елизаветинскаго фарфора у кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова весьма примѣчательна. Кромѣ великокняжеской коллекціи, ни одна изъ частныхъ не имѣетъ столь большого числа предметовъ Елизаветинскаго фарфора и въ столь хорошихъ его образцахъ. Въ собраніи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова есть, напримѣръ, стопка бѣлаго фарфора рѣдчайшей марки «W» съ мѣткою 1751 г.—это марка талантливаго, безпутнаго пропойцы, русскаго самородка Виноградова, 13 лѣтъ работавшаго надъ опытами составленія массы, глазури, обжига и въ началѣ 50-хъ годовъ XVIII столѣтія добившагося полнѣйшаго успѣха. «Такимъ образомъ, какъ свидѣтельствуетъ К. Спиліотти, русскій фарфоръ ни откуда не заимствованъ: это изобрѣтеніе русскаго чело-

вѣка, притомъ не случайное, а результатъ научныхъ знаній и упорнаго труда». («Художествен. Сокровища Россіи» 1904 г.) Помимо стопки съ маркой Виноградова, въ коллекціи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова есть табакерка 1752 г. съ той же маркой «W». Всѣхъ вещей Елизаветинскаго фарфора въ этой коллекціи—девятнадцать. Большая часть—мелкія вещи, но есть одна довольно большая декоративная фигура «Вакхъ» изъ бѣлаго фарфора; она очень интересна по формѣ и по тонкой отдѣлкѣ деталей, напримѣръ, гроздей винограда.

Очень интересны двѣ фигурки, удлиненнаго типа, имѣющіяся въ собраніи великаго князя Николая Николаевича, особенно фигурка китайца; по лѣпкѣ одежды она типичная фигурка монгольскихъ божковъ; другая фигурка изображаетъ какого-то азіата въ чуть тронутомъ раскраской халатѣ и съ довольно тонкою живописью лица. Въ московскомъ собраніи А. В. Морозова я видѣлъ очень похожую на эту фигурку, только болѣе блѣдную по раскраскѣ. А. В. Морозовъ со свойственной ему осторожностью боится съ точностью указать, что эта фигурка изъ его собранія—Елизаветинская,. но послѣ сравненія съ фигуркой великокняжеской коллекціи она не можетъ оставлять сомнѣнія въ своей

подлинности. Къ фигуркамъ, конечно, надо отнести очень тонко изваянныя шахматы; въ великокняжескомъ собраніи ихъ больше десяти штукъ и раскрашенныхъ и бѣлыхъ. Кромѣ нихъ мнѣ извѣстна только одна фигурка въ собраніи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова. Особенно типична фигура слона съ сидящей на немъ турчанкой и фигура короля—турецкаго султана, полнаго надменной важности и величавости. Работа почти ювелирная, раскраска красива и своеобразна, видимо надъ ними работалъ мастеръ недюжиннаго таланта. Фигуры животныхъ Елизаветинскаго времени рѣдки, хотя имѣются онѣ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, напримѣръ, у А. В. Морозова въ Москвѣ есть фигура собаки—бѣлой, чуть тронутой краской поливы.

Чашки, табакерки, сервизы—вотъ область, гдѣ осталось сравнительно много памятниковъ Елизаветинскаго фарфора. Тутъ едва ли не на первое мѣсто должно поставить жалованный роду графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ столовый сервизъ, находящійся теперь въ домѣ гр. В. А. Орлова-Давыдова въ Петроградѣ. Масса фарфора этого сервиза великолѣпна, хороша и глазурь и вся тщательная и художественная его орнаментація. Орнаментъ исполненъ червоннымъ золотомъ, котораго,

по преданію, пошло около пятнадцати червонцевъ на каждую тарелку, не говоря о большихъ блюдахъ и мискахъ. Обычный для Елизаветинскаго времени стиль рококо въ орнаментѣ этого сервиза очень красивъ и своеобразенъ. Отмѣченъ сервизъ маркою—черная стрѣлка съ кружкомъ и точкой.

Въ собраніи великаго князя Николая Николаевича чашекъ, вазочекъ, флаконовъ и тарелокъ очень много. Не перечисляя ихъ подробно, остановлюсь на показавшихся мнѣ наиболѣе примѣчательными. Елизаветинскіе мастера, чаще всего беря оригиналомъ произведенія Мейсенскаго фарфора, строго ихъ не придерживались и варьировали безъ конца данныя темы, внося много своего, характернаго и оригинальнаго. Еще столь мало изощренные въ своемъ мастерствѣ, обучаясь больше въ наглядку, они справлялись съ сложнѣйшими мотивами и ювелирно-тонкими скульптурными работами. Вотъ, напримѣръ, небольшая чашечка, изъ какихъ въ то старое время пивали душистый зеленый чай, съ изображеніемъ любимой собаки императрицы; живопись вполнѣ хороша; изумительно изваянъ маленькій амуръ на крышкѣ этой чашки; лѣпка ручекъ, ножекъ, раскраска его до такой степени артистична и, повторяю, ювелирно тонка, что просто диву даешься. Въ орнаментѣ Елизаветинскіе ма-

стера были чрезвычайно разнообразны и умѣли сочетать красивость тоновъ съ оригинальнымъ и всегда интереснымъ, рисункомъ орнамента; часто повторяются въ орнаментѣ мотивы китайщины, но они всегда разработаны по-своему и въ результатѣ получились очаровательные типичные памятники прошлаго. Съ какимъ мастерствомъ выработаны для украшенія чашекъ (ихъ нѣсколько въ великокняжескомъ собраніи) копіи работъ Теньера, какъ красиво умѣли помѣстить живописныя украшенія, напримѣръ въ чашкѣ, посвященной графу Орлову-Давыдову: на одной сторонѣ изображеніе графа, ѣдущаго, правя, на своемъ рысакѣ; на другой—сценка охоты. И тутъ живопись превосходна. Глубина и красота синей поливы въ Елизаветинскихъ вещахъ заслуживаетъ большого вниманія, и одна чашечка изъ того же собранія по тонкости поливы кобальтоваго тона—это маленькое сокровище своего рода. Вообще мастера того времени отличались красками поливы. Вспоминаешь изъ того же собранія милую корзиночку тонкаго плетенія, украшенную незабудками; мало того, что она исполнена съ большой художественностью, она безконечно привлекательна по краскамъ; какъ красивъ небольшой кашпо своей раскраской блестящаго прозрачно-зеленаго тона,

какъ интересны и многія иныя краски тогдашняго фарфора. Невольно эти краски сравниваешь съ красками работъ нашихъ дней въ предметахъ даже наиболѣе внимательно и художественно выдѣланныхъ—какая разница. Тогда густой красивый тонъ, полный благородства, а теперь рѣзкость раскраски и сравнительная немалая грубость самыхъ красокъ. Секретъ ли утерянъ, фабричное ли производство тому виной—какъ знать. Только ни одна изъ самыхъ блестящихъ современныхъ работъ не замѣнитъ милой интимной красоты фарфоровыхъ издѣлій того далекаго прошлаго.

Тутъ я велъ рѣчь исключительно объ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода. О частныхъ заводахъ того времени многаго не скажешь. Во-первыхъ, они были чрезвычайно малочисленны и только къ концу восемнадцатаго вѣка ихъ появилось болѣе значительное число; во-вторыхъ, такъ мало сохранилось до нашихъ дней памятокъ тогдашнихъ издѣлій и, наконецъ, исторія фарфороваго производства въ Россіи того времени, поистинѣ, какъ и исторія мидянъ, «темна и непонятна». Извѣстны случаи, что люди, изощренные на собирательствѣ фарфора, долгое время приписывали невѣрное происхожденіе разнымъ предметамъ стараго русскаго фарфора.

Такъ, въ собраніи К. Сомова есть статуэтка, изображающая Діану; она пріобрѣтена на аукціонѣ Лукутина и въ каталогѣ этого собранія значилась какъ произведеніе Елизаветинскаго времени, а въ результатѣ внимательныхъ изысканій обнаружилось, что это издѣліе англійской фабрики Боу первой эпохи завода.

Издѣлія Императорскаго фарфороваго завода Елизаветинскаго времени не могли быть многочисленными; въ продажу этотъ фарфоръ почти совсѣмъ не поступалъ и только жаловался отъ Двора или шелъ на дворцовыя нужды. Спросъ же на фарфоръ росъ, и естественно, что частные предприниматели обратили на эту отрасль промышленности свое вниманіе. Начиная со второй половины восемнадцатаго вѣка, одинъ за другимъ открываются частные фарфоровые заводы; но все же къ концу восемнадцатаго вѣка ихъ едва ли было больше десяти.

О большинствѣ изъ этихъ заводовъ до насъ дошли свѣдѣнія весьма отрывочныя, а предметы ихъ производства не встрѣчаются ни на антикварномъ рынкѣ, ни въ собраніяхъ частныхъ коллекціонеровъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ и то всегда при весьма большой сомнительности въ ихъ подлинности. Исключеніе составляютъ ра-

боты завода Гарднера и нѣсколькихъ заводовъ, пооткрывавшихся въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, завода кн. Чарторыжскаго на Волыни.

Гарднеровскій заводъ, едва ли не старѣйшій русскій частный фарфоровый заводъ, производство котораго сразу стало очень высоко. Въ дальнѣйшемъ оно все болѣе развивалось подъ руководствомъ самого основателя завода и его потомковъ. Надо считать за лучшее время этого завода—первую четверть прошлаго вѣка; затѣмъ производство Гарднеровскаго фарфора теряетъ свою тонкую художественность и привлекательность. Выпуская очень много фарфора, фабрика относится къ дѣлу уже не съ тѣмъ вниманіемъ и тщательностью въ отдѣлкѣ, какъ прежде, и первенствующее мѣсто уступается издѣліямъ фабрики А. Попова, основанной въ 1806 г. К. Миллемъ. А. Поповъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ не знаетъ себѣ соперниковъ среди русскихъ фарфоровыхъ заводчиковъ.

Основанная англичаниномъ Гарднеромъ въ пятидесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка, въ селѣ Вербилкахъ Дмитровскаго у., Московской губ., первая въ Россіи большая частная фарфоровая фабрика сразу заняла видное мѣсто; масса фарфора, благодаря отличной мѣстной глинѣ, была хороша

и позволяла вырабатывать фарфоръ очень тонкій и изящный, и, кромѣ того, на художественность издѣлій было обращено серьезное вниманіе. Уже къ восьмидесятымъ годамъ гарднеровскія работы достигаютъ такого совершенства, что, по свидѣтельству современника, гарднеровскій фарфоръ «можетъ равняться добротою со всякимъ иностраннымъ, тотъ только въ немъ порочитъ-недостатокъ, что глазурь на немъ не столь бѣла, какъ на Саксонскомъ. Сіе правда, однако жъ, стараются поправить сей недостатокъ и, кажется, уже далеко въ томъ успѣли». И дѣйствительно, заводъ настолько преуспѣвалъ, что, изготовивъ, по заказу Двора, большой орденскій Георгіевскій сервизъ, удостоился благодарности и признанія совершенства глазури, раскраски и всѣхъ украшеній сервиза. Кромѣ предметовъ сервировки стола, Гарднеровскій заводъ съ первыхъ лѣтъ своего существованія выдѣлывалъ и статуэтки, беря оригиналомъ главнымъ образомъ статуэтки Мейссенскаго производства.

Но уже къ концу восемнадцатаго вѣка Гарднеръ начинаетъ больше обращать вниманія на русскіе типы и въ теченіе первой четверти прошлаго вѣка даетъ рядъ замѣчательныхъ статуэтокъ русскихъ типовъ.

Гарднеровскій фарфоръ первыхъ де-

сятилѣтій существованія завода рѣдокъ чрезвычайно. Старѣйшія мѣтки этого завода, рѣже всего встрѣчающіяся—это большое латинское «G» иногда съ кружкомъ около него (на подобіе мѣтки Императорскаго завода Елизаветинскаго времени), крупныя русскія буквы «М. Ф. Г.», въ видѣ клейма саксонскаго королевскаго фарфора, но только со звѣздочкой надъ рукоятками скрещенныхъ шпагъ и, наконецъ, на манеръ рядомъ расположенныхъ двухъ римскихъ цифръ десять (—XX—). Всѣ эти мѣтки синія подъ глазурныя: иногда на предметахъ того времени безъ клеймъ встрѣчается какая-то отмѣтка краснаго цвѣта наподобіе латинскаго «T». Изъ всѣхъ этихъ марокъ самая рѣдкая—послѣдняя. Мнѣ пришлось ее видѣть только на одномъ предметѣ собранія великаго князя Николая Николаевича. Въ этомъ же собраніи есть нѣсколько плосковатыхъ бѣлыхъ чашекъ, украшенныхъ золотымъ плетеніемъ и отмѣченныхъ большимъ «G». Масса фарфора этихъ чашекъ прозрачна и тонка, глазурь бѣла и замѣчательно ровна. Очень хороша и раскраска стараго гарднеровскаго фарфора—тона благородны, сочетаніе ихъ полно декоративности и художественности. Среди фигурокъ этого завода мнѣ пришлось видѣть въ собраніи Ал. В. Морозова въ Москвѣ

нѣсколько замѣчательныхъ по оригинальности и красотѣ раскраски, относящихся къ самымъ первымъ годамъ существованія завода. Фигурки эти слѣдующія:—фигурка какого-то экзотическаго господина въ цвѣтистомъ платьѣ, напоминающемъ одежду полишинеля, съ перьями на головѣ. Она такъ архитектонична, столь гармоничны ея пропорціи и красива раскраска, что по полному праву ее можно было бы причислить къ отличнѣйшимъ работамъ мейссенскаго фарфора. Замѣчательно жизненны и ритмичны три статуэтки арлекиновъ, превосходна по глубокому синему тону платья статуэтка женщины, играющей на какомъ-то музыкальномъ мудреномъ инструментѣ въ родѣ цитры, много экспрессіи въ чудесной статуэткѣ, изображающей амура и, наконецъ, очаровательна статуэтка бѣднаго мальчика въ заплатанномъ костюмѣ съ безподобно переданнымъ выраженіемъ лица—приниженно просящимъ.

Большинство фигуръ первыхъ годовъ гарднеровской фабрики—это все копіи мейссенскаго производства; отъ подлинниковъ онѣ отличаются нѣсколько иной поливой и часто гарднеровскіе мастера варьировали темы, только въ деталяхъ придерживаясь общей схемы. Слѣдуетъ отмѣтить, для свѣдѣнія собирателей, что старин-

ныя гарднеровскія издѣлія мѣтились не очень тщательно, и потому много предметовъ того времени безъ клеймъ. Къ нимъ надо относиться съ большой осторожностью, такъ какъ теперь подлинныя вещи рѣдки чрезвычайно.

Какіе же фарфоровые заводы существовали въ восемнадцатомъ вѣкѣ, кромѣ Гарднеровскаго. Извѣстны заводы Фишера, Шкурина, Волкова, Гусева, Бахметьева и нѣсколько заводовъ въ западныхъ губерніяхъ, среди которыхъ выдѣлялся заводъ Чарторыжскаго. Мнѣ неизвѣстны издѣлія первыхъ пяти заводовъ. Заводъ Фишера находился въ Гатчинѣ, заводъ полковника Шкурина въ Петроградѣ на Петроградской сторонѣ, существованіе завода Волкова весьма апокрифично, равно какъ и существованіе завода Гусева. Заводъ Бахметьева едва ли не первый русскій фарфоровый заводъ, основанный въ далекой провинціи — въ имѣніи Бахметьевыхъ (нынѣ кн. А. Д. Оболенскаго) Городищенскаго у. Пензенской губ. Заводъ былъ разрушенъ Пугачевымъ, потомъ снова возстановленъ. Лѣтъ десять тому назадъ въ собраніи Д. Н. Шеншина мнѣ извѣстно было блюдо, орнаментированное довольно грубо и не очень хорошей фарфоровой массы съ клеймомъ—«Работана Бахметьевскимъ заводомъ цѣной 10 рублей». Больше мнѣ никогда не встрѣ-

чались издѣлія этого завода. Нѣкоторые коллекціонеры считаютъ вещи своихъ собраній, отмѣченныя маркой, похожей на начертаніе «Гребен», издѣліями старѣйшаго русскаго завода Гребенщикова. Но теперь выяснено безспорно, что на этомъ заводѣ, прекратившемъ свою дѣятельность въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, фарфороваго производства не было, и выдѣлывались только одни фаянсовые предметы. Что это за марка «Гребен», выяснить еще не удалось. Не отмѣчена она и въ трудѣ А. Селиванова— «Фарфоръ и фаянсъ».

Какъ и всѣ заводы въ западныхъ губерніяхъ заводъ кн. І. Чарторыжскаго, въ мѣстечкѣ Корецъ Новоградволынскаго у. Волынской губ., выдѣлывалъ, хотя и очень хорошіе предметы, но для исторіи русскаго производства совсѣмъ не характерные; если я и упоминаю о немъ, то только оттого, что имъ руководили талантливые мастера бр. Мозеръ, изъ которыхъ одинъ, Михаилъ, основалъ превосходный заводъ въ Барановкѣ, особенно развившійся въ половинѣ XIX вѣка, и оттого еще, что вещей Корецкаго завода много въ нашихъ собраніяхъ. Корецкій заводъ выдѣлывалъ главнымъ образомъ посуду, достигая большого совершенства въ тонкости формъ и красотѣ раскраски. Марки Корецкаго завода—око про-

видѣнія съ надписью наименованія завода по-русски или по-польски. Старѣйшая марка завода, восемнадцатаго вѣка, тиснена золотомъ, при чемъ око провидѣнія имѣло видъ треугольника или простого или съ лучами, выходящими изъ него съ двухъ сторонъ; подъ окомъ надпись имени завода, но иногда эта надпись отсутствуетъ.

Вотъ и все немногое, что можно сказать о производствѣ русскаго фарфора въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

Я не касался Императорскаго фарфора времени императрицы Екатерины второй, какъ не буду касаться дѣятельности императорскаго завода и послѣдующаго времени. Онъ описанъ съ достаточной подробностью въ юбилейномъ изданіи этого завода сравнительно недорогомъ и доступномъ каждому собирателю.

Отмѣчу только, что идею не только копировать иностранныя фигурки, а искать оригиналы среди окружающаго далъ Императорскій фарфоровый заводъ. Во главѣ его находились такіе просвѣщенные люди своего времени, какъ А. А. Вяземскій, Г. Н. Тепловъ, или кн. Н. Б. Юсуповъ, люди любившіе свое родное и понимавшіе, что надо прилагать всѣ силы для отраженія національнаго духа одинаково—въ предметахъ чистаго или прикладного искусства.

Императорскимъ заводомъ впервые была выпущена серія статуэтокъ «народы Россіи»; онъ же вырабатывалъ отдѣльныя группы и типы русскихъ. Изъ такихъ издѣлій особенно рѣдки группы. Мнѣ пришлось видѣть только одну такую группу въ собраніи великаго князя Николая Николаевича. Она изображаетъ торговца, опустившагося на одно колѣно и предлагающаго свой товаръ барынѣ въ простомъ домашнемъ платьѣ-капотѣ, но съ царственной осанкой, по облику нѣсколько напоминающей императрицу Екатерину Вторую; около торговца еще фигурка молодой дѣвушки. Группа эта чрезвычайно красива, характерна и проста по композиціи.

Это начинаніе императорскаго фарфороваго завода было подхвачено частными фарфоровыми заводами и въ особенности заводомъ Гарднера. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка на фарфоровыхъ статуэткахъ ярко и типично отражается русскій бытъ того далекаго времени, и онѣ тѣмъ особенно привлекательны для теперешняго собирателя.

Въ теченіе восемнадцатаго вѣка заводъ Гарднера удѣлялъ статуэткамъ сравнительно немного вниманія, главнымъ образомъ расширяя и совершенствуя выдѣлку посуды. Въ этомъ направленіи гарднеровское производство

дошло до результатовъ изумительныхъ; фарфоровая посуда этого завода отличалась замѣчательной тонкой выдѣлкой, разнообразіемъ и оригинальностью формъ какъ въ отдѣльныхъ предметахъ, такъ и въ цѣлыхъ сервизахъ; орнаментъ, раскраска—все это было высокой художественности, обличая въ неизвѣстныхъ художникахъ, работавшихъ на заводѣ Гарднера, большой вкусъ, богатство фантазіи и пониманіе задачъ декоративности. Разсказывать объ издѣліяхъ Гарднера въ области предметовъ сервировокъ, хотя бы съ относительной полнотой, нѣтъ возможности; приходится констатировать только, что въ эпоху конца восемнадцатаго вѣка и начала девятнадцатаго этотъ заводъ былъ лучшимъ въ Россіи и могъ поспорить съ производствомъ значительнѣйшихъ иностранныхъ заводовъ.

Но вотъ заводъ Гарднера начинаетъ все больше и больше обращать вниманіе на издѣлія различныхъ статуэтокъ. Вѣроятно, во главѣ художественной части завода стоялъ человѣкъ, обладавшій большимъ художественнымъ чутьемъ; онъ понялъ, что нельзя пробавляться одними иностранными образцами и что тотъ путь, на который еще въ Екатерининское время вступилъ Императорскій фарфоровый заводъ, беря оригиналами русскіе типы, и есть

правильный. Оглянулись вокругъ себя и увидѣли, что всюду непочатый уголъ самыхъ интересныхъ, самыхъ типичныхъ оригиналовъ, воспроизведеніе которыхъ дастъ картину быта своего времени, полную отраженія національныхъ чертъ. Такъ и произошло на самомъ дѣлѣ. Статуэтки Гарднера, изображающія русскіе типы, замѣчательны не только по своей художественности, не только по умѣлому подбору оригиналовъ, но и яркимъ отраженіемъ быта своего времени, милыхъ забавъ нашихъ предковъ, ихъ покойнаго, тихаго уклада жизни.

Много коллекцій произведеній русскаго фарфора: фигуръ, сервизовъ и ихъ частей собрано съ величайшимъ вниманіемъ и тщательностью и все же постоянно встрѣчаешься съ новыми и новыми образцами и дать полный обзоръ производства того или иного фарфороваго завода—пока еще трудъ непосильный. То же самое и съ производствомъ завода Гарднера. Казалось бы, въ собраніяхъ кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова, А. А. Коровина, А. В. Морозова, И. Ф. Мануйлова собрано все, что было интереснаго и характернаго въ области русскаго фарфороваго производства, но нѣтъ-нѣтъ и встрѣчаешь то на рынкѣ, то въ отдѣльныхъ небольшихъ собраніяхъ все новые и новые образцы. Пожалуй,

изъ всѣхъ фарфоровыхъ русскихъ производствъ — производство Гарднера наиболѣе точно изслѣдовано. Вполнѣ понятно то влеченіе къ производству этого завода, какое мы видимъ. Ни одинъ изъ русскихъ заводовъ, кромѣ А. Попова, не достигалъ такого художества въ моделировкѣ фигуръ статуэтокъ, въ красивости планировки ихъ, умѣньи поставить самымъ выгоднымъ и красивымъ образомъ, а главное, придать типичность и отраженіе національнаго характера. Я не говорю уже о раскраскѣ, часто настолько артистично выполненной, столь красивой по композиціи и сочетанію красокъ, что просто не налюбуешься ею и не надивишься, какъ до такихъ результатовъ достигали простые, рядовые заводскіе художники, имена которыхъ затерялись и которыхъ не считали нужнымъ выдѣлять изъ общаго состава рабочихъ завода.

Замѣчательныя фигуры гарднеровскаго производства находятся въ собраніи А. В. Морозова. Вотъ статная дѣвушка, такъ легко и граціозно раскинувшая руки по изгибу коромысла, почтальонъ, приложившій одну руку къ козырьку кивера и какъ бы читающій номера дома, и въ другой рукѣ держащій письмо, «человѣкъ» изъ трактира средней руки въ характерной позѣ выжидающаго приказаній, или

какая-то прелестная дѣвушка съ корзинкой цвѣтовъ въ одной рукѣ и съ цвѣткомъ въ другой, «барышня-крестьянка» (собраніе кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова и П. П. Барышникова). Нѣсколько группъ рельефно воспроизводятъ жизнь нашихъ предковъ—вотъ какой-то военный, изящно изогнувъ перетянутый станъ, читаетъ мадригалъ своей дамѣ, вотъ пара, увлеченная танцемъ, вотъ группа извозчиковъ въ темно-синихъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ, которыя доселѣ остались у московскихъ извозчиковъ, и такъ безъ конца проходятъ передъ нами типы и образы прошлаго въ произведеніяхъ Гарднеровскаго завода. Гарднеровскія статуэтки, всегда немного удлиненныя, отличаются отъ фигуръ иныхъ заводовъ густой, блестящей поливой, всегда удивительно ровно и красиво ложившейся позолотой, чеканностью украшеній и ювелирной тонкостью въ деталяхъ.

Гарднеровское производство достигло своего наивысшаго расцвѣта въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Затѣмъ оно начинаетъ не то что опускаться, а получаетъ налетъ шаблона. Производство завода, достигшее очень большого по тогдашнему времени оборота, уже не позволяетъ той тщательности въ отдѣлкѣ, той изысканности въ обработкѣ формъ, которая

такъ привлекала въ Гарднеровскихъ статуэткахъ, и въ тридцатыхъ годахъ заводъ уступаетъ, какъ я уже отмѣчалъ, свое первенствующее мѣсто произведеніямъ завода А. Попова.

Въ то время, когда возникъ заводъ А. Попова, кромѣ завода Гарднера работало, съ большимъ и меньшимъ успѣхомъ, около сорока заводовъ. Производство ихъ съ каждымъ годомъ все развивалось и къ дѣлу устройства фарфоровыхъ заводовъ примыкалъ все большій кругъ промышленниковъ. Не только купечество, не только наиболѣе изъ удачливыхъ мастеровъ заинтересовались фарфоровымъ производствомъ, извѣстны нѣсколько заводовъ, принадлежавшихъ богатымъ дворянамъ того времени: кн. Долгорукому, кн. Юсупову, Всеволожскому и Поливанову и др. Особенно интересны для собирателей издѣлія завода кн. Н. Б. Юсупова, въ продажѣ почти совсѣмъ не встрѣчающіяся.

Кн. Н. Б. Юсуповъ, одно время руководившій Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ и вкладывавшій въ это дѣло много вниманія и истиннаго увлеченія, обладалъ большимъ вкусомъ и художественнымъ чутьемъ; его совѣтами и указаніями не брезговали пользоваться выдающіеся художники того времени не только въ Россіи, но и за границей. Отдалившись въ самомъ

началѣ прошлаго вѣка отъ управленія Императорскимъ заводомъ, кн. Н. Юсуповъ переѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе, въ село Архангельское, и тутъ затѣялъ образцовый фарфоровый заводъ. Недовольный тѣмъ, какъ сталъ работать безъ него Императорскій заводъ, князь не жалѣлъ средствъ, чтобы поставить свой заводъ возможно лучше и имѣть возможность показать, «какъ» надо работать. Онъ выписалъ мастеровъ съ заводовъ севрской мануфактуры и долгими обозами, на своихъ лошадяхъ, привозилъ оттуда же глину. Когда такой глины не хватало, онъ прикупалъ ее у сосѣдей, большей частью у Попова, а то поступалъ такимъ образомъ—выписывалъ съ севрскихъ заводовъ не отдѣланные предметы и раскрашивалъ и орнаментировалъ ихъ въ своихъ мастерскихъ. Въ продажу фарфоръ завода кн. Н. Юсупова никогда не поступалъ. Главнымъ образомъ издѣлія завода расходовались для подарковъ гостямъ, посѣщавшимъ Архангельское. Наилучшія издѣлія дарились Высокимъ особамъ, а потомъ, сообразно чинамъ и положенію гостей—кому получше, кому поплоше. Но плохой выдѣлки Юсуповскій заводъ не знавалъ и наименованіе «поплоше» было весьма относительнымъ. Фарфоръ завода кн. Н. Юсупова изготовлялся подъ наблюденіемъ самого князя. Само-

лично князь выбиралъ въ чудесной библіотекѣ Архангельскаго старинные увражи, откуда и брались рисунки украшеній и орнаментацій; объ этомъ всегда упоминалось на оборотной сторонѣ вещи надписью золотыми буквами, а ниже ставилась и подпись иногда порусски, иногда по-французски: «Архангельское». Кромѣ украшеній, заимствованныхъ изъ старинныхъ изданій, фарфоръ Юсуповскаго завода изготовлялся съ портретами героевъ 12 года; въ московскомъ собраніи Н. И. Тютчева есть чрезвычайно интересная тарелка Архангельскаго завода съ изображеніемъ по краямъ тарелки участниковъ вѣнскаго конгресса; затѣмъ было много предметовъ этого завода съ видами городовъ, преимущественно имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ роду Юсуповыхъ, наконецъ съ гербами родовъ, родственныхъ княжескому роду. Кн. Н. Юсуповъ почему-то очень любилъ изготовлять на своемъ заводѣ «tête à tête» и въ этомъ направленіи особенно изощрялась его фантазія. Въ частномъ собраніи я знаю только одинъ «tête à tête»—это въ коллекціи А. В. Морозова въ Москвѣ. Художниками очень тонко и красиво изображены виды села Архангельскаго, а чудесная, полная изящества и благородства орнаментація дополняетъ впечатлѣніе. Заводъ просуществовалъ

недолго. Вообще предпріятія такого рода, руководимыя людьми не торговыми, широкаго развитія не получали. Такъ очень недолго просуществовалъ заводъ кн. Долгорукаго, а фабрика Всеволожскаго и Поливанова, извѣстныхъ баръ и меценатовъ своего времени, просуществовала всего лѣтъ шесть, закрывшись въ 1820 году «по бездоходности», при чемъ Поливановъ задолго отдѣлился отъ своего компаніона, видимо, наскучивъ этимъ дѣломъ. Издѣлія фабрики Всеволожскаго и Поливанова очень рѣдки и мнѣ только разъ пришлось видѣть милый черепокъ этого завода съ маркой изъ соединенныхъ буквъ «В» и «П» въ собраніи великаго князя Николая Николаевича. Въ двадцатомъ году фабрика Всеволожскаго возродилась подъ фирмой его внука В. Н. Сипягина, сына М. В. Сипягиной, рожденной Всеволожской. Но и подъ новымъ руководствомъ фабрика просуществовала недолго и закрылась, чтобы вновь дѣйствовать въ пятидесятыхъ годахъ. Произведенія завода Всеволожскаго очень рѣдки, въ особенности бисквитныя вещи. Мнѣ извѣстны нѣсколько предметовъ, отмѣченныхъ маркой «Fabrique de Wsewolossky» маркой «W»; въ небольшомъ собраніи В. П. Козловскаго есть чудесный чайникъ, красиво орнаментированный съ послѣдней маркой, и прекрасной живописи

чашка съ маркой «S», принадлежащей раннему Сипягинскому заводу. Говорятъ, что на этихъ заводахъ выдѣлывались и фигуры, но мнѣ не приходилось встрѣчать фигуръ фабрики Сипягина ранѣе конца сороковыхъ годовъ.

Къ безконечнымъ ухищреніямъ приходилось прибѣгать бѣднымъ заводчикамъ далекаго прошлаго, чтобы получить секретъ состава массы. По преданію, заводчикъ Иванъ Копѣйкинъ въ селѣ Игнатовѣ (Московской губ.) ночью подсмотрѣлъ устройство завода Павла Куличкова, бывшаго рабочаго завода Отто, и тогда уже построилъ свой заводъ. Куличковъ — это первый мастеръ, открывшій свой небольшой, почти кустарный заводъ, и его издѣлія, по свидѣтельству А. Селиванова, уже въ 1803 году привозились въ Москву, «впрочемъ болѣе, какъ рѣдкость или новинка, нежели, какъ товаръ». Марка этого завода не извѣстна. Вообще буква «К» для фарфора того времени весьма загадочна для собирателей. То ли это — завода Куличкова, то ли Козлова, то ли Кокошкина. Хотя, помимо однѣхъ буквъ, издѣлія этихъ заводовъ мѣтились разными марками, но все-таки встрѣчавшіяся мѣтки однѣми буквами — широкое поле для споровъ и догадокъ собирателей.

Въ первой четверти прошлаго вѣка пользовались извѣстностью издѣлія

фабрики Никиты Храпунова. По преданію, и этотъ заводъ открылся послѣ того, какъ сыновья Никиты Храпунова подсмотрѣли устройство завода П. Куличкова, слѣдуя примѣру И. Копѣйкина. Заводъ Н. Храпунова выдѣлывалъ посуду и фигуры, которыя особой художественностью и красотой не отличались. Но пришлось Н. Храпунову прославиться на всю Россію и вотъ какимъ образомъ. Какъ-то мастеру завода явилась фантазія изобразить монаха, несущаго на спинѣ снопъ, а въ снопѣ—спрятанную и чуть виднѣющуюся женщину. Статуэтка успѣхъ имѣла не малый, но духовенство взволновалось, и заварилась исторія, дошедшая до комитета министровъ. Это до такой степени забавно, что я беру смѣлость перепечатать свѣдѣнія объ этой исторіи изъ немногимъ извѣстнаго второго прибавленія къ книгѣ А. Селиванова «Фарфоръ и фаянсъ». Вотъ что онъ сообщаетъ:

Въ засѣданіи комитета министровъ 18 іюля 1822 г. слушана записка министра юстиціи отъ 21 іюня за № 4916, внесенная въ журналъ комитета подъ № 1206 съ представленіемъ фарфоровой куклы монашескаго вида, взятой Саратовскимъ архимандритомъ изъ лавки у одного купца на ярмаркѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1821 г. министръ юстиціи доводитъ до свѣдѣнія комитета о послѣ-

довавшемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣленіи сдѣлать Саратовскому губернскому правленію выговоръ по дѣлу объ означенной куклѣ. Существо дѣла сего состоитъ въ слѣдующемъ: Саратовскаго монастыря архимандритъ Савва, представляя въ тамошнее губернское правленіе взятую имъ на ярмаркѣ въ лавкѣ изъ продаваемыхъ вещей форфоровую куклу монашескаго вида, имѣющую на себѣ родъ снопа съ видомъ женскимъ, просилъ о истребленіи подобныхъ куколъ, какъ служащихъ къ безчестію монашескаго сана, а прочимъ христіанамъ соблазномъ. Но губернское правленіе, разсуждая, что представленная архимандритомъ кукла не заключаетъ въ себѣ ничего соблазнительнаго, напротивъ того, изображаетъ человѣколюбіе и добродѣтель монаха, который, забывъ слабость силъ своихъ и увлекаясь состраданіемъ къ невинности, гонимой, можетъ быть, какимъ-нибудь злодѣяніемъ, старается посредствомъ снопа, скрывающаго несчастную жертву, избавить отъ предстоящей погибели, а потому признавая, что нѣтъ достаточныхъ причинъ къ истребленію подобныхъ куколъ, и что несправедливо бы было лишать собственности продавца оныхъ, положило: объявить архимандриту, чтобы онъ представилъ объясненіе, почему именно считаетъ куклу сію

соблазнительною? Асессоръ же губернскаго правленія подалъ мнѣніе, чтобы продажу таковыхъ куколъ въ Саратовѣ запретить. Но какъ губернское правленіе мнѣніе его не уважило, то онъ представилъ о семъ Правительствующему Сенату. 1-й Департаментъ Сената находилъ съ своей стороны, что разсужденіе губернскаго правленія основано на однихъ гадательныхъ и романическихъ идеяхъ, представляющихъ видъ сатиры, каковыхъ и въ частныхъ просьбахъ писать, а присутственнымъ мѣстамъ принимать законами воспрещено, тѣмъ паче несвойственно употреблять оныя въ опредѣленіяхъ самыхъ тѣхъ мѣстъ; и какъ всѣ эти безпорядки несовмѣстимы ни съ должностью, ни съ достоинствомъ такого мѣста, каково есть губернское правленіе, то Сенатъ полагалъ за сіе сдѣлать Саратовскому губернскому правленію и предсѣдательствовавшему въ ономъ, за отсутствіемъ губернатора исправлявшему должность вице-губернатору коллежскому совѣтнику Розингу, строжайшій выговоръ, предписавъ дальнѣйшее производство о куклѣ прекратить; а какъ по силѣ закона наблюденіе и надзоръ въ городахъ, дабы ничего противнаго благочинію не происходило, принадлежитъ до полиціи, то имѣлъ ли право архимандритъ самъ собою отбирать въ городѣ изъ лавки помянутую куклу и

представлять оную въ губернское правленіе? поступокъ сей предоставить разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода. Министръ юстиціи признавалъ опредѣленіе Сената правильнымъ. Съ симъ согласился и комитетъ министровъ. Но когда меморія комитета представлена была Государю Императору, то на оную послѣдовала собственноручная Высочайшая резолюція: «куклу прислать сюда, узнавъ, гдѣ она была сдѣлана? О поступкѣ архимандрита сужденіе остановить до свидѣтельства здѣсь сей куклы». Во исполненіе сего министръ юстиціи, представляя помянутую куклу, объясняетъ, что она, какъ увѣдомилъ московскій военный генералъ-губернаторъ, сдѣлана тому назадъ 4 года на фарфоровомъ заводѣ Богородскаго 3-ей гильдіи купца Храпунова, состоящемъ Московской губ. Богородскаго уѣзда, въ дер. Кузяевой, принадлежащей помѣщицѣ Власовой, — Комитетъ полагалъ: означенную куклу представить Его Императорскому Величеству, послѣдовавшее же въ Правительствующемъ Сенатѣ заключеніе оставить въ своей силѣ и привести въ исполненіе, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе. Въ засѣданіи 3 февраля 1823 года объявлено комитету, что Государь Императоръ положеніе комитета министровъ объ учиненіи строжайшаго выговора Саратовскому губернскому правленію

и тамошнему вице-губернатору коллежскому совѣтнику Розингу Высочайше утверждаетъ. Относительно же разсмотрѣнія поступка архимандрита, отобравшаго изъ лавки помянутую куклу, Его Величество не только не изволитъ согласиться съ заключеніемъ комитета, но повелѣваетъ, напротивъ, объявить ему за оный Монаршее благоволеніе и сдѣлать сіе извѣстнымъ по всѣмъ епархіямъ чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ симъ Его Величество изъявилъ волю свою, чтобы выставка и отдѣлка подобныхъ сему соблазнительныхъ фигуръ была повсемѣстно воспрещена съ истребленіемъ таковыхъ, если гдѣ оныя существуютъ; а отъ купца Храпунова, отобравъ свѣдѣнія, по чьему рисунку сдѣлана была нынѣшняя кукла на его заводѣ, представить оное на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ комитетъ гг. министровъ. Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о томъ министру юстиціи и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія къ исполненію выписками изъ журнала.

Въ Собраніи Узаконеній нѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Въ сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина (5 ч.), помѣщена только исполнительная, по московской полиціи, переписка по поводу состоявшагося Высочайшаго пове-

лѣнія о воспрещеніи выдѣлки на продажу фигуръ, изображающихъ духовныхъ особъ въ видахъ соблазнительныхъ и неприличныхъ.

Есть преданіе, что Н. Храпуновъ добромъ не отдѣлался, и его даже нѣсколько постегали въ соотвѣтствующемъ для того учрежденіи.

Въ первой четверти прошлаго вѣка въ Петроградѣ на Выборгской сторонѣ, въ Батенинскомъ переулкѣ, находился фарфоровый заводъ купцовъ Батениныхъ, основанный въ 1812 году купцомъ Сергѣемъ Батенинымъ. Старѣйшія клейма этого завода—«С. Ф. К. Б.» и «С. З. К. Б.», то есть Санктъ-Петербургскія фабрика и заводъ купца Батенина; когда скончался старшій изъ сыновей С. Батенина, заводъ перешелъ въ опекунское управленіе и послѣднія семь лѣтъ существованія завода—вплоть до 1839 года, ставилось клеймо «С. П. Б. Насл. Батенина»: у меня была еще чашка съ клеймомъ «Наслѣдники Батенина», а А. Селивановъ указываетъ, что на нѣкоторыхъ вещахъ ему попадалось клеймо—«С. Б.».

Производство этого завода отличалось большой неровностью. То выпускались вещи совсѣмъ рядовыя, при чемъ посуда выдѣлывалась больше такъ называемаго трактирнаго типа, то вдругъ выходили вещи поистинѣ замѣчательной красоты и глубокой

типичности. Особенно удавалась заводу Батениныхъ полива однимъ тономъ, который служилъ фономъ для золотого орнамента, всегда очень красиваго ампирнаго рисунка и великолѣпно чеканеннаго. Изъ того, что мнѣ пришлось видѣть среди издѣлій завода Батенина—особливо примѣчательны нѣсколько тарелокъ изъ собранія баронессы Н. Г. Мейендорфъ, приписываемыя этому заводу. Въ нихъ такъ красивъ орнаментъ, такъ ровна и чудесна полива, такъ тонко и въ тонѣ воспроизведенъ въ серединѣ тарелокъ рисунокъ, изображающій церковь и какую-то фабрику въ одномъ изъ родовыхъ имѣній предковъ бар. М. Н. Мейендорфъ въ Курск. губ., что при первомъ взглядѣ на эти тарелки невольно вспоминаешь Юсуповское «Архангельское». Помнится какъ-то мнѣ, еще совсѣмъ юношѣ, разсказывалъ Дм. В. Григоровичъ, что ему попадались свѣдѣнія, при составленіи описей дворцовыхъ сокровищъ, будто въ началѣ прошлаго вѣка нѣкоторымъ частнымъ заводамъ отпускалась иногда масса фарфора изъ Императорскаго завода. Не въ этомъ ли объясненіе неровности вещей Батенинскаго завода, и весьма возможно, что лучшія вещи его именно и выдѣлывались изъ фарфоровой массы Императорскаго завода. Одинъ изъ внимательныхъ знато-

ковъ исторіи русскаго фарфора, владѣлецъ чудесной коллекціи фарфоровыхъ вещей (находящейся нынѣ въ музеѣ бар. Штиглица) А. К. Поповъ вполнѣ подтверждаетъ такое мнѣніе и сообщаетъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на лучшихъ вещахъ Батенины или совсѣмъ не ставили своихъ клеймъ или самымъ незамѣтнымъ образомъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ помѣщали водяную букву «Б».

Что же касается фигурокъ Батениныхъ, то мнѣ никогда не приходилось ихъ встрѣчать.

Въ д. Морьѣ Шлиссельбургскаго у. въ началѣ прошлаго вѣка былъ заводъ бар. Фридрихса, вскорѣ перешедшій къ Поскочину. Поскочинъ фарфоровое производство забросилъ и все вниманіе обратилъ на фаянсовое. Но фаянсовое производство не является темой моихъ замѣтокъ. О немъ я буду вести рѣчь въ слѣдующей своей книжкѣ.

Раньше чѣмъ перейти къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка, когда съ такимъ блескомъ расцвѣло производство завода А. Попова, надо упомянуть о производствѣ фабрики Братьевъ Новыхъ. Наиболѣе старая и чаще встрѣчающаяся марка—это буква «Н» иногда съ тисненной подписью «фабрика Ивана Новыхъ». Заводъ выдѣлывалъ посуду и фигурки не особенно тонкой работы. Забавны выдѣлывавшіяся этимъ заво-

домъ кружки въ формѣ головъ турокъ, казаковъ и т. д. Большое собраніе такихъ кружекъ у И. Ф. Мануйлова. Нерѣдко производство фабрики Новыхъ марками совсѣмъ не отмѣчалось. Но ихъ не трудно узнать—масса фарфора синеватая и грубоватая, раскраска неровная и тоже грубоватыми тонами, лѣпка оставляетъ желать лучшаго.

Рѣдки произведенія фабрики Рачкова, въ особенности съ маркой «Братьефъ Рачкиныхъ» и «Фабріки Рачкін», интереснѣе всего имѣть посуду этого завода такъ называемаго типа «трактирнаго». Фигуръ этого завода мнѣ не пришлось встрѣчать. Не менѣе рѣдки произведенія первой фарфоровой фабрики въ восточномъ краѣ Россіи, устроенной братьями Фетисовыми близъ города Шадринска. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ издѣліями этой фабрики, но А. Селивановъ указываетъ, что на выставкѣ 1829 года были двѣ чашки завода бр. Фетисовыхъ съ портретами Ермака. У меня была интересная трубка съ красивымъ рисункомъ орнамента и живописнымъ изображеніемъ охотничьей сценки; на борту трубки читалась марка «Издѣл. Девятовъ». Подъ Петроградомъ въ началѣ прошлаго вѣка была фабрика купца Девятова, главнымъ образомъ поставлявшая въ столицу трубки. Такія трубки съ маркой нынѣ очень рѣдки.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта заводъ А. Попова, самый значительный и самый интересный изо всѣхъ русскихъ фарфоровыхъ заводовъ середины прошлаго вѣка. Есть нѣсколько собраній издѣлій этого завода, собраній настолько обширныхъ, что, казалось бы, они совершенно исчерпываютъ образцы всего интереснаго, изготовлявшагося заводомъ А. Попова. Но нѣтъ-нѣтъ, а все находишь новые великолѣпные образцы, красивые, оригинальные и самобытные. Заводъ Попова началъ свою дѣятельность въ первые года прошлаго вѣка; основанный Карломъ Милли, онъ наканунѣ Отечественной войны перешелъ къ московскому купцу Алексѣю Гавриловичу Попову. Поповъ единолично до конца пятидесятыхъ годовъ велъ свое дѣло.

А. Поповъ былъ человѣкъ большой смѣтки и большого художественнаго чутья. Онъ не только наладилъ техническую часть завода до полной безупречности, но всегда самъ входилъ во всѣ мелочи художественной части своего производства, обсуждая новыя модели и, мѣткими указаніями, давая направленіе своимъ мастерамъ. До нашего времени не дошли имена тѣхъ художниковъ, которые трудились на заводѣ Попова. Но, повидимому, Поповъ умѣлъ собирать вокругъ себя дарови-

тыхъ людей и создавать обстановку, въ которой дружная и плодотворная работа спорилась какъ нельзя лучше. Просматривая коллекціи фарфора Попова, любуешься отдѣльными фигурами и цѣлыми группами, въ столь большомъ числѣ выходившими съ его марками, замѣчательными по художественности исполненія и по передачѣ характерности типовъ, или своеобразной Поповской «трактирной» посудой, въ которой художники достигали значительныхъ эффектовъ въ орнаментировкѣ, украшеніяхъ и раскраскѣ. Безконечно удивляешься тому чувству художественности, пониманію красоты формъ, линій, чувства ритма, умѣнью придать статуэткѣ правдивое, жизненное положеніе, которыми такъ отличались мастера этого завода. Сороковые и тридцатые годы вообще,—періодъ расцвѣта русскаго фарфороваго производства. Кромѣ завода А. Попова, былъ рядъ иныхъ, выдѣлывавшихъ весьма примѣчательныя вещи, но ни одинъ изъ нихъ съ такой силой не отражалъ русскія національныя черты въ орнаментѣ ли, въ фигурахъ или группахъ, какъ то мы видимъ въ произведеніяхъ поповскаго завода. Особенно интересенъ фарфоръ А. Попова въ фигурахъ и группахъ, преимущественно въ безконечно разнообразныхъ русскихъ типахъ. Подлинно можно сказать, что

русскій бытъ того далекаго времени проходитъ въ статуэткахъ А. Попова въ яркихъ типахъ, созданныхъ невѣдомыми ваятелями завода. Трудно перечислить все то, что исполнилъ заводъ въ этомъ направленіи: тутъ и деревенскіе типы и горожане, типы военныхъ того времени и такъ далѣе въ безчисленныхъ варіантахъ. Наиболѣе красивы и удивительно ритмичны фигуры танцующихъ простолюдиновъ; съ наибольшей полнотой онѣ представлены въ собраніяхъ А. В. Морозова, И. Ф. Мануйлова и А. А. Коровина; въ собраніи Н. Д. Шубина-Поздѣева есть фигурка пляшущаго въ присядку мужика — она безподобна по выраженію лихости и разудалости немного подвыпившаго мужичка; а вотъ очаровательная дѣвушка въ синемъ сарафанѣ такого глубокаго тона, до котораго доходили только Гарднеръ и Поповъ, закинувъ граціозно надъ головой руки, какъ въ старину говаривали «калачикомъ», пристукивая каблучкомъ сафьяновыхъ сапожекъ, идетъ въ плавномъ, но такъ захватывающемъ темпѣ «русской». Только люди съ большими художественными задатками могли моделировать такія фигуры, полныя ритма и настоящей красоты. Понятно, что ко всѣмъ фигурамъ А. Попова, изображающимъ русскіе типы, а въ особенности въ танцахъ, вниманіе со стороны коллекціонеровъ наиболь-

шее и не только нашихъ, но и иностранцевъ, платящихъ большія деньги за подобныя фигуры, ибо онѣ, помимо ихъ художественности, столь типичны и характерны для Россіи.

Но не однѣми фигурами русскихъ типовъ выдѣлился заводъ А. Попова. Совершенствуя свое производство, онъ съ большой удачей выдѣлывалъ и сложныя группы и миніатюрныя фигурки, почти ювелирной тонкости въ отдѣлкѣ.

Группы заводъ А. Попова выдѣлывалъ въ большомъ количествѣ, достигая прекрасныхъ результатовъ, какъ въ общей композиціи ихъ, такъ и въ раскраскѣ и моделировкѣ отдѣльныхъ фигуръ. Наиболѣе удачными и наиболѣе цѣнными считаются группы: два боярина, играющіе въ шахматы (нѣкоторыми коллекціонерами эти фигуры совершенно произвольно и не основательно считаются фигурами Грознаго и Годунова), дама за клавесиномъ—по типу похожая на Императрицу Елизавету Петровну, большая сцена—группа «Демьянова уха» и, наконецъ, самая рѣдкая группа—мать лежитъ на большой богатой кровати около нея ребенокъ, отецъ встаетъ; эта группа—копія съ такой же группы Императорскаго завода, который нѣсколько видоизмѣнилъ таковую же группу Мейсенскаго производства.

Въ миніатюрныхъ статуэткахъ заводъ А. Попова неподражаемъ и далеко оставляетъ за собой такія же фигурки завода Гарднера. Диву даешься, глядя на эти миніатюры, какъ могли столь тонко работать грубыя мозолистыя руки мастеровъ того времени. Собраніе А. В. Морозова Поповскихъ миніатюръ, составленное однимъ изъ московскихъ антикваровъ, можетъ считаться самымъ полнымъ. Не больше вершка вышины эти малютки-статуэтки, а сколько выраженія сумѣли вложить въ ихъ позы. Вотъ арлекинъ стоитъ, прислонившись къ столбу, вотъ трое маскированныхъ несутся въ веселомъ танцѣ, вотъ музыканты, казакъ, французскія пейзанки и такъ десятка три или четыре фигурокъ.

Самой рѣдкой изъ нихъ надо считать фигурку, изображающую Фанни Эльснеръ. Знаменитая танцовщица схвачена въ полетѣ танца; она приподнялась на noскѣ одной ноги, другая далеко занесена. Такую же миніатюрную фигурку Фанни Эльснеръ мнѣ случалось встрѣчать завода Гарднера; но здѣсь танцовщица сидитъ и примѣриваетъ на правой ногѣ туфельку; ей помогаетъ, склонившись на колѣни, служанка; фигурка завода Попова на много тоньше и красивѣе Гарднеровской.

Чтобы покончить о миніатюрахъ завода Попова, которыя должны при-

влечь особенное вниманіе коллекціонеровъ (теперь онѣ очень рѣдко встрѣчаются у нашихъ антикваровъ), хочу разсказать о забавнѣйшей статуэткѣ, исполненной по заказу какого-то циркомана (собраніе А. В. Морозова). Статная лошадь осѣдлана широкимъ акробатическимъ сѣдломъ; на немъ миловидная наѣздница, въ ногахъ лошади путается размалеванный клоунъ; на цоколѣ этой группы, вышиной не болѣе вершка — надпись «A. M-me Lejars». Такъ капризомъ поклонника наѣздницы перешло потомкамъ ея скромное имя...

Кромѣ фигуръ и группъ, заводъ А. Попова выдѣлывалъ много посуды, преимущественно чайной «трактирнаго» типа, но такъ же и для обѣденной сервировки; сервизы эти, въ особенности не разрозненные, а также и въ отдѣльныхъ вещахъ, достигаютъ нынѣ очень большой цѣны. Посуда завода Попова выдѣлывалась съ такой же тщательностью и художественностью, конечно, въ болѣе дорогихъ сортахъ, какъ и фигуры. Преимущественно раскрашивалась она или по синему фону или коричнево-красноватому или зеленому; орнаменты были всегда оригинальные, всегда характерно русскіе и красивые. Не только въ мелкихъ вещахъ заводъ А. Попова заслуживаетъ вниманія, но и крупные предметы, трудные по раскраскѣ и по формовкѣ, уда-

вались ему, какъ нельзя лучше. Въ небольшой, но любовно собранной коллекціи С. Н. Пѣшкова есть громадное блюдо А. Попова замѣчательной красоты. По темно-синему, кобальтовому фону идетъ богатый золотой орнаментъ, переходящій на заднюю сторону блюда затѣйливымъ кружевнымъ рисункомъ. Это блюдо, равно какъ и другое изъ этого же собранія, съ изображеніемъ московскихъ Тріумфальныхъ воротъ и типичнымъ орнаментомъ по краямъ — самое красивое изъ того, что мнѣ приходилось видѣть изъ издѣлій завода А. Попова въ области посуднаго производства.

Издѣлія завода А. Попова, которыя за все время существованія его мѣтились только одной маркой—соединенными буквами «А.» и «П.» подглазурной синей краской, рѣже красной и черной, по своей артистичности исполненія и оригинальности несомнѣнно вліяли на другіе заводы того времени и давали имъ образцы, достойные подражанія.

Но слѣпая подражательность не въ свойствѣ русской натуры. Заводчики, присматриваясь къ тому, что выдѣлывалось на заводѣ Попова, только брали самыя темы, разрабатывая ихъ по своему. Ближе всѣхъ заводовъ того времени не только по качеству исполненія, но и по духу издѣлій, къ производству Попова стояли заводы, о которыхъ рѣчь ниже.

Почти равной популярностью съ заводомъ А. Попова пользовался въ сороковыхъ годахъ заводъ Терехова и Киселева. Издѣлія этого завода отличались большими достоинствами. Во главѣ дѣла стоялъ Аѳанасій Киселевъ, человѣкъ во многомъ схожій съ Алексѣемъ Поповымъ. Тотъ же умъ, та же смѣтка, то же практическое изученіе мастерства, то же неослабное наблюденіе за своимъ заводомъ. По свидѣтельству А. Селиванова, Киселевъ еще въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ большую смѣтливость, и гончарное дѣло привлекало его всего болѣе. Юношей онъ усвоилъ всѣ тонкости своего ремесла, работая на какой-то фарфоровой фабрикѣ въ Воронежской губ. и самостоятельно придумалъ разнаго рода усовершенствованія въ этомъ дѣлѣ. Вернувшись къ себѣ на родину, въ село Рѣчицы, Бронницкаго у., Киселевъ устроилъ собственный небольшой заводъ и сталъ изготовлять бронзовую посуду (желтую, расписанную золотомъ), которая очень нравилась публикѣ и которая, къ слову сказать, теперь очень рѣдка; дѣла заводчика пошли сразу хорошо. А тутъ онъ породнился съ зажиточными людьми Тереховыми; они вошли къ нему компаньонами. Дѣло развивалось все шире и шире, и вскорѣ на заводѣ стало работать болѣе 500 человѣкъ. Не-

смотря на такіе размѣры производства, каждая вещь, выходившая изъ завода, внимательно осматривалась и только тогда выпускалась въ продажу, когда отличалась безукоризненной выдѣлкой. Лично за всѣмъ наблюдалъ Киселевъ. Благодаря его предпріимчивости, на всѣхъ Гжельскихъ заводахъ стали употреблять нѣмецкіе точильные станки, взамѣнъ простыхъ ручныхъ. Онъ улучшилъ краски и составъ массы. Но стоило Киселеву выйти изъ компаніи, какъ дѣло, державшееся только имъ, быстро стало падать, и въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ заводъ насчитываетъ всего около тридцати рабочихъ. А. Киселевъ открылъ было свой заводъ; но дѣло не пошло; семейныя неудачи такъ разстроили здоровье Киселева, что онъ вскорѣ сошелъ съ ума.

Производство завода Терехова и Киселева было чрезвычайно разнообразнымъ. Киселевъ, хотя и отдавалъ дань русскимъ типамъ, но они его не особенно привлекали и онъ искалъ оригиналовъ въ разныхъ миѳологическихъ фигурахъ, въ статуэткахъ тюрингенскихъ фабрикъ, придавая имъ своеобразную раскраску и произвольно мѣняя ихъ форму и обликъ. Въ то время увлекались театромъ. Умный и внимательный Киселевъ учелъ это увлеченіе и его заводъ выпустилъ рядъ

статуэтокъ, изображающихъ артистовъ русской сцены; тутъ и Щепкинъ, и Сосницкій, и Каратыгинъ, и Мочаловъ. Теперь всѣ эти статуэтки очень рѣдки. Большое собраніе ихъ у И. Мануйлова и А. В. Морозова. Однажды, очень давно, мнѣ пришлось встрѣтить статуэтку этого завода, изображающую Семенову. Она была у Дм. В. Григоровича*). Затѣмъ Киселевъ выпустилъ нѣсколько статуэтокъ, изображавшихъ администраторовъ того времени, но это признали неудобнымъ и статуэтки уничтожили. Киселевъ добился полученія очень красивыхъ тоновъ раскраски, лучше всего ему удавались пурпуровые тона и нѣсколько блеклые, въ отличіе отъ очень опредѣленныхъ тоновъ раскраски издѣлій Попова. Особенно красива въ издѣліяхъ Киселева, позолота; тонъ золота червонный, густой, блескъ не отливалъ металлическимъ отсвѣтомъ. Въ произ-

---

*) Мнѣ извѣстно, что Дм. В. Григоровичъ составлялъ записки по исторіи русскаго фарфора. Будучи директоромъ художественно-промышленнаго музея при Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ, онъ, подбирая витрину русскаго фарфора, собиралъ свѣдѣнія по исторіи производства и заносилъ въ особую тетрадку. М. М. Савостинъ разсказывалъ мнѣ, что у вдовы писателя въ ея виллѣ подъ Вѣной онъ видѣлъ эту тетрадку. Было бы очень важно, чтобы общество поощренія художествъ, въ школѣ котораго есть теперь керамическій классъ, списалось бы съ г-жей Григоровичъ, получило бы эту тетрадку и издало записки этого увлекавшагося, но много видѣвшаго и любившаго русскій фарфоръ собирателя музея общества.

водствѣ посуды заводъ Терехова и Киселева достигъ большого совершенства. Киселева не привлекалъ типъ «трактирной» посуды, его влекла болѣе изысканная и болѣе сложная. Въ разнообразіи формъ, оригинальности своихъ издѣлій Киселевъ шелъ впереди другихъ заводчиковъ своего времени. Собирателямъ надо обращать больше вниманія на тѣ издѣлія завода Терехова и Киселева, которыя украшены цвѣтами; ихъ тонко выдѣлывали, приближаясь въ этомъ къ лучшимъ производствамъ французскихъ заводовъ. Замѣчательно красивы также флаконы этого завода, вазы, корзиночки для конфетъ и мелкихъ фруктъ. Сейчасъ трудно достать что-либо на антикварномъ рынкѣ изъ издѣлій этого завода; все подобрано внимательными коллекціонерами. Марки этого завода—фамиліи владѣльцевъ, болѣе рѣдки марки съ надписью навыворотъ.

Меньше другихъ заводовъ половины прошлаго вѣка извѣстенъ заводъ Сафронова; немногіе коллекціонеры могутъ похвастаться тѣмъ, что вещи этого завода находятся у нихъ. Заводъ Сафронова существовалъ всего около десяти лѣтъ и въ сороковыхъ годахъ былъ пріобрѣтенъ С. Кузнецовымъ. Фарфоровая масса была очень хороша, краски свѣжи и удивительно пріятны по тону, а въ моделировкѣ

фигуръ, которыя больше всего и выходили изъ этого завода, онѣ весьма напоминали статуэтки Гарднеровскаго завода первой четверти прошлаго вѣка. Руководителя завода Сафронова прельщали не русскіе типы, а типы мѣщанства того времени, купечества, чиновничества и небогатаго дворянства. Въ собраніи А. А. Коровина есть очаровательная статуэтка сидящей въ креслѣ мѣщаночки въ цвѣтистомъ ситцевомъ платьѣ. Мнѣ приходилось видѣть Сафроновскую небольшую группу—чиновникъ и проситель; это яркая жанровая сценка въ типѣ прежнихъ работъ Вл. Маковскаго. Произведенія завода Сафронова рѣдки, потому что заводъ работалъ сравнительно недолго, а, главнымъ образомъ, еще и оттого, что марка завода буква С. съ утолщенными концами—напоминаетъ марку Гарднера—латинское Г.; къ тому же по внѣшности фигурки Сафроновскаго завода походили на Гарднеровскія, и онѣ преисправно сходили за нихъ. Главное отличіе фигурокъ завода Сафронова отъ Гарднеровскихъ состоитъ въ томъ, что Гарднеровскія всегда нѣсколько удлинены, а Сафроновскія болѣе приземисты, да и полива ихъ не такая густая и плотная, какъ на фигурахъ Гарднера. Красивыя вещи по формѣ и раскраскѣ чайнаго сервиза зав. Сафро-

нова есть въ собранiи А. А. Пиленко въ Петроградѣ.

Къ заводамъ, которые незаслуженно обходятъ своимъ вниманiемъ наши собиратели, относится фабрика Петра Козлова. Фигуры этого завода не столь изящны, какъ заводовъ, о которыхъ я только что говорилъ, но въ типичности имъ отказать нельзя.

Среди многихъ, выпущенныхъ этимъ заводомъ, фигуръ забавны фигурки нагихъ женщинъ. Этотъ жанръ привлекалъ многихъ заводчиковъ того времени. Среди подобныхъ статуэтокъ презабавны статуэтки завода Кудинова. Фигурки этого завода, равно какъ и посуда, особенной тонкостью и тщательной выдѣлкой не отличались, часто приближаясь къ лубку, или, какъ теперь говорятъ коллекцiонеры, «къ примитиву». Фигурки нагихъ женщинъ особенно привлекали вниманiе этого завода, быть можетъ, отчасти потому, что заводъ велъ большую торговлю съ восточнымъ рынкомъ, приготовляя для торговли съ Персiей даже особую посуду; среди обычныхъ типовъ этихъ фигурокъ наиболѣе часто встрѣчаются—нагая женщина съ муфтой, въ ваннѣ, моющаяся, вытирающаяся простыней и т. д.—есть препотѣшная—въ прозрачной юбочкѣ изъ кружевъ.

Мнѣ уже приходилось писать о за-

водѣ Сипягина, который закрылся въ началѣ 1820 годовъ. Въ сороковыхъ годахъ В. Сипягинъ снова было открылъ его въ Екатеринбургѣ въ компаніи съ нѣкимъ Жадовскимъ; но вскорѣ онъ бросилъ это дѣло и возобновилъ заводъ на старомъ мѣстѣ, въ д. Елизаветинѣ, Богородскаго у. Издѣлія новаго Сипягинскаго завода, мѣтившіяся уже новымъ клеймомъ («Фабрика В. Н. Сипягина Моск. г., Бог. у.» подъ гербомъ Сипягиныхъ, взамѣнъ прежней марки буквы «S»), довольно занятны: тутъ— дань времени—нагія женщины и отдѣльныя фигуры, и группы—сценки, напримѣръ, священникъ въ бесѣдѣ съ прихожанами, и т. д. Самостоятельно заводъ снова долго не просуществовалъ и его сдали кому-то въ аренду.

Попадаются фигурки завода братьевъ Барминыхъ; онѣ довольно забавны, но въ большинствѣ не столь тонко и художественно отдѣланы. Мнѣ встрѣчались вещи этого завода даже близкія къ лубку и, какъ знать, быть можетъ, не малое число безымянныхъ лубочныхъ фигурокъ и небольшихъ группъ вышло изъ этого завода. Что касается чайной и иной посуды, то производство фабрики Барминыхъ интереснѣе—масса фарфора ровна и бѣла, раскраска красива. Клеймъ фабрики бр. Барминыхъ довольно много и въ нихъ разобраться

иногда очень трудно; въ моихъ запискахъ есть указаніе Дм. В. Григоровича, что самымъ рѣдкимъ и самымъ старымъ клеймомъ бр. Барминыхъ надо считать изображенную красной краской бабочку и надпись «Фабрики Бармина Моск. губ. № 1». А. Селивановъ относитъ это клеймо Барминыхъ къ ихъ самымъ первымъ клеймамъ. Отъ трехъ братьевъ Барминыхъ, Петра, Алексѣя и Ивана, въ концѣ сороковыхъ годовъ фабрика перешла къ ихъ наслѣдникамъ; произошелъ раздѣлъ; производство, къ тому времени уже успѣвшее значительно упасть, размѣнялось на ходовой товаръ, лишенный какого бы то ни было художественнаго значенія. Нѣкоторые изъ коллекціонеровъ съ интересомъ относятся къ маркѣ Барминыхъ—синяя звѣздочка, а подъ ней надпись—«фабрики Б. Р. Барминыхъ», но эта марка одна изъ позднѣйшихъ и относится къ производству фабрики сыновей Петра Бармина, основанной ими во Владимірской губ. уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Понятенъ интересъ собирателей къ произведеніямъ фабрики Вавилы Сабанина. Въ первые годы своего существованія (середина сороковыхъ годовъ), на ней выдѣлывались презанятныя статуэтки; нѣкоторыя изъ нихъ приближались къ типу лубка (напр., отлич-

ная группа Нептуна въ собраніи М. Н. Миронова); меньшая часть вырабатывалась съ большой тщательностью. На рынкѣ фарфоръ этой фабрики встрѣчается рѣдко, такъ какъ онъ, въ силу случайности, сохранился въ немногихъ образцахъ, вѣроятно, и производство фабрики не было значительно. Мнѣ не приходилось встрѣчать Сабанинской посуды утонченной формы: все ближе къ такъ называемому «трактирному» типу, по своему интересному, но совсѣмъ не художественному. Марки—«В. Сабанинъ» или «Ф. В. Сабанина», а на фигуркахъ чаще всего однѣ буквы «В. С.», иногда одна буква ниже другой; краски клеймъ синяя или коричневая и рѣже марка въ тѣстѣ безъ краски.

Къ рѣдко встрѣчаемому старому русскому фарфору относятся издѣлія фабрики Петра Фомина. Очень немногія собранія могутъ похвалиться тѣмъ, что вещи этой фабрики находятся среди ихъ рѣдкостей. Антикварный рынокъ издѣлій завода Фомина почти совсѣмъ не знаетъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось ни разу встрѣчать его на рынкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось видѣть очень красивую группу—женщину въ греческомъ хитонѣ, склонившуюся къ играющимъ у ея ногъ дѣтямъ. Эта группа, интересная по линіямъ, особенно за-

помнилась тонкостью исполненія женской фигуры—стройной, полной благородства и изящества. Художественная раскраска и прекрасная глазурь дополняли впечатлѣніе. Клеймо—въ вѣнчикѣ «Петра Фомина», а на самомъ вѣнчикѣ, внизу—«Богородскаго купца». Въ книгѣ А. Селиванова эта послѣдняя подпись приводится вверху вѣнчика, но я такой марки не видѣлъ.

Красивыя бездѣлушки, небольшія статуэтки и прекрасные предметы чайной и столовой посуды выдѣлывались фабрикой братьевъ Гулиныхъ. Лучшія вещи на этой фабрикѣ отмѣчены маркой «Ф. Братьевъ Гулиныхъ» въ кружкѣ или въ хитрой гирляндѣ цвѣтовъ, при чемъ, мнѣ думается, что старѣйшая изъ нихъ именно и есть въ гирляндѣ, такъ какъ самыя характерныя и интересныя вещи приходилось видѣть только съ такой маркой. Вѣроятно, фарфоръ этой фабрики интересовалъ какого-нибудь иностраннаго торговца; этимъ можно объяснить, что встрѣчается и такое клеймо—«Brat Gulin». Я не помню иныя клейма старыхъ русскихъ фарфоровымъ фабрикъ съ французскими переводами.

У меня была препотѣшная группа играющихъ въ свайку двухъ ребятишекъ, исполненная съ большой правдой и наблюдательностью; въ этой группѣ много движенія и красоты линій—отмѣ-

чена она была маркой «Петра Фартальнова», то есть Квартальнаго, владѣльца небольшого завода въ селѣ Рѣчицахъ, Бронницкаго уѣзда. Издѣлія этой фабрики очень рѣдки. Если и встрѣчаются вещи производства Квартальныхъ, то съ клеймомъ «Братьевъ Фартальныхъ», но эта марка уже относится къ пятидесятымъ годамъ и отмѣчаетъ издѣлія не столь интересныя.

Къ рѣдкимъ маркамъ русскаго фарфора относится марка фабрики Назарова въ Коняшинѣ Бронницкаго уѣзда; фабрика эта, основанная въ тридцатыхъ годахъ, лѣтъ черезъ пятнадцать перешла къ его сыновьямъ Ал. и Ник. Марковымъ. А. Селивановъ считаетъ старѣйшей маркой этого завода, выдѣлывавшаго порой очень художественно только посуду, надпись коричневаго тона «Ф. Маркова въ Коняшинѣ». Мнѣ встрѣчалась марка синей краской «Ф. Назаровъ, Коняшинѣ». Эту марку и слѣдуетъ, казалось бы, считать самой рѣдкой, едва ли не первой маркой завода.

Среди спорныхъ марокъ собирателей интересуетъ марка въ видѣ французской буквы «S» красной краской. Многіе относятъ ее къ издѣліямъ фабрики Сафронова. Но это заблужденіе. Можно съ точностью сказать, что Сафроновъ, кромѣ уже указанныхъ марокъ, никакими иными свои издѣлія

не мѣтилъ. Это марка не фабрики Сафронова, а одна изъ позднѣйшихъ марокъ фабрики бр. Самсоновыхъ, въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ выдѣлывавшей довольно много фигурокъ и посуды, хотя ее больше занимало фаянсовое производство. Старѣйшее клеймо этого завода—«Ф. Братьевъ Самсоновыхъ» въ небольшомъ кружкѣ синее, подглазурное.

Къ числу трудно выяснимыхъ клеймъ относится клеймо фабрикъ Ивана и Василія Жадиныхъ. Извѣстно только клеймо Василія Жадина, относящееся къ пятидесятымъ годамъ. Что касается дѣятельности фабрики Жадиныхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ (фабрика основана въ началѣ прошлаго вѣка), то доселѣ клейма неизвѣстны. А между тѣмъ издѣлій обѣихъ фабрикъ, братьевъ Ивана и Василія Жадиныхъ, выпускалось не мало. Вообще марки фарфора тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ изслѣдованы довольно хорошо, но что касается болѣе раннихъ лѣтъ, то тутъ предстоитъ еще много открытій и переоцѣнокъ. Многія фабрики на первыхъ годахъ своего производства вовсе не ставили клеймъ, какъ напримѣръ, не ставились клейма на интересныхъ, хотя и грубоватыхъ, издѣліяхъ фабрики Захара Дунашова, основанной въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, только спустя нѣсколько

лѣтъ своего существованія фабрика стала выпускать вещи съ клеймомъ въ видѣ печатной буквы «Д» и еще позже съ клеймомъ «Захаръ Д». Эти клейма для Дунашовской фабрики самыя рѣдкія и цѣнныя. Позднѣйшихъ клеймъ довольно много, напримѣръ—«Ф. М. Д.», надпись въ готическомъ стилѣ, монограмма изъ буквъ М. и Д., въ овальной рамкѣ «М. В. Дунашова въ Турыгинѣ» и т. д.

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ стала дѣйствовать фабрика Якова Храпунова Новаго; производство этой фабрики особыми качествами не отличалось, но по духу оно относится скорѣе къ типу вещей русскаго фарфора тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Вырабатывала фабрика Я. Храпунова Новаго свои издѣлія немного аляповато, часто даже лубочно, но иногда удавались и красивыя вещи—статуэтки, чашки съ замысловатыми рисунками и небольшія группы. Коллекціонеры должны обращать вниманіе только на тѣ вещи Храпуновскаго завода, которыя отмѣчены маркой—«Я. Х. Н.» синей или зеленой краской.

Я отмѣтилъ сейчасъ фарфоръ тѣхъ фабрикъ, который особенно интересенъ для выясненія картины русскаго фарфороваго производства первой половины прошлаго вѣка. Все шире и шире развивалась въ то время наша

фарфоровая промышленность и къ пятидесятымъ годамъ насчитывается уже много большихъ и малыхъ фабрикъ; тутъ издѣлія—Балашевыхъ, Зайцева, Костаревых», Люлейкина, бр. Пономаревыхъ, Таракановыхъ, Мардашевыхъ, Цѣпалина, Шмелевыхъ, Федяшина, Чаусова, Колосова, Рябова, Туркина, Акулиныхъ, Гасилиныхъ, Грузнова, Гурышева, Гусятникова и др., при чемъ послѣднія пять фабрикъ свои клейма ставили рѣдко и, большей частью, выпускали издѣлія безъ отмѣтокъ.

Производства всѣхъ этихъ фабрикъ, внѣ степени ихъ художественности и внѣшней красоты, тѣмъ представляютъ собой высокій интересъ, что въ нихъ съ большой силой запечатлѣлось отраженіе быта своего времени, оригинальность орнаментаціи, словомъ, всѣ тѣ качества русскаго фарфора, которыя нынѣ такъ къ нему влекутъ коллекціонеровъ.

Въ описываемое время русскаго фарфороваго производства съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали еще три фабрики—Миклашевскаго, Мезера и Ауэрбаха. Коллекціонеры охотно покупаютъ ихъ издѣлія, которыя нынѣ рѣдки и очень цѣнимы, особенно первыхъ двухъ. Но производство этихъ фабрикъ, несмотря на всю тонкость и художественность выработки какъ фигуръ, такъ и иныхъ предметовъ,

должно обособить отъ дѣятельности русскихъ фарфоровыхъ заводовъ средней полосы Россіи. Въ нихъ характерность отраженія національнаго духа, столь привлекающая въ русскомъ фарфорѣ первой половины прошлаго вѣка, почти совсѣмъ не проявляется, даже когда они берутся за выдѣлку фигуръ русскихъ типовъ. Въ издѣліяхъ этихъ фабрикъ нѣтъ той остроты, чего-то особенно типичнаго для русскаго фарфора, которая отличаетъ работы даже самой незначительной фабрики «московскаго» раіона того времени.

И какъ можно искать русской характерности хотя бы въ производствѣ завода, основаннаго въ 1839 году въ селѣ Волокитинѣ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ., богатымъ помѣщикомъ Андреемъ Михайловичемъ Миклашевскимъ, когда всѣмъ дѣломъ руководили французскіе и саксонскіе мастера; если они даже и брали оригиналами русскіе типы, то придавали имъ внѣшность то французскихъ фермеровъ, то нѣмецкихъ бюргеровъ. Есть между прочими статуэтками Миклашевскаго статуэтка извозчика. Такъ вѣдь это ни съ какой стороны не русскій нашъ возница, а какой-то нѣмецкій почтальонъ, только въ русскомъ кафтанѣ. Но за то, когда дѣло касалось переработки иностранныхъ, преимущественно саксонскихъ, образ-

цовъ, то тутъ производство завода Миклашевскаго, въ періодъ между сороковыми годами и половиной шестидесятыхъ, поднимается на значительную высоту. Мастера этого завода справлялись съ одинаковой легкостью и свободой какъ съ небольшими вещицами съ почти ювелирной отдѣлкой деталей, такъ и съ большими издѣліями вплоть до цѣлыхъ иконостасовъ и громадныхъ паникадилъ. Мнѣ приходилось видѣть очень крупные футляры для столовыхъ часовъ, то въ видѣ всадниковъ на ретивыхъ коняхъ (большей частью, сѣрыхъ въ яблокахъ), то въ видѣ разныхъ, свободно варьированныхъ, миѳологическихъ сценъ въ трактовкѣ, которую мы привыкли видѣть въ позднихъ мейссенскихъ произведеніяхъ. Заводу Миклашевскаго, благодаря своей отличной глинѣ, удалось выработать массу фарфора превосходной бѣлизны и красоты, полива была настолько тонко художественна, настолько разнообразіе раскрасокъ фарфора этого завода богато неожиданными, красивѣйшими сочетаніями, такъ, наконецъ, много различныхъ образцовъ издѣлій Миклашевскаго фигуръ, группъ, вазъ, посуды, флаконовъ и мелкихъ предметовъ, что вполнѣ понятенъ успѣхъ фарфора этого завода у современниковъ и у теперешнихъ собирателей.

Въ собраніяхъ баронессы Н. Г. Мейендорфъ, А. В. Морозова, А. А. Коровина и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ собирателей фарфора издѣлія завода Миклашевскаго представлены въ отличныхъ образцахъ, по которымъ ясно можно судить о внѣшнемъ его великолѣпіи.

То большія куклы въ восточныхъ одѣяніяхъ, замѣчательныя по богатству и разнообразію красокъ, по тонкости выработки лица, рукъ и иныхъ ихъ деталей, то красивое, но совершенно явное подражаніе мейссенскому образцу—актриса и актеръ, то замѣчательно красивая по линіямъ и по всей своей архитектоникѣ фигура нагой лежащей молодой турчанки, то варьянтъ дѣвушки съ разбитымъ кувшиномъ, то какой-то Мефистофель—не менѣе явное подражаніе маленькимъ тюрингинскимъ фарфоровымъ заводикамъ и такъ безъ конца и вдругъ между ними «русскій оригиналъ»; тутъ сразу полная безпомощность и отсутствіе красоты и оригинальности, какъ напримѣръ, въ извѣстной статуэткѣ, изображающей Петра Великаго. Въ собраніи бар. Н. Г. Мейендорфъ есть небольшой бюстъ княгини Гагариной; по раскраскѣ, по своей живописности—это поистинѣ маленькая жемчужина производства Миклашевскаго, подымающаяся къ тѣмъ вершинамъ, до кото-

рыхъ доходилъ мейссенскій фарфоръ лучшей своей эпохи.

Въ смыслѣ декораціонныхъ украшеній мастера завода Миклашевскаго особенно прельщались мотивами изъ различныхъ сочетаній виноградныхъ гроздей. Въ одномъ московскомъ собраніи есть характерная памятка въ этомъ родѣ, полная большой прелести, изумительно тонкая по деталямъ — небольшая статуэтка — «Лисица и виноградъ»; маленькая бесѣдочка буквально ломится подъ тяжестью массы гроздей винограда и въ сочетаніяхъ этихъ гроздей, въ простой и милой ихъ композиціи, въ тончайшей моделировкѣ ихъ и раскраскѣ бездна своеобразной красоты. Этотъ мотивъ мастера завода Миклашевскаго охотно повторяли и въ разнаго рода вазочкахъ, корзиночкахъ для конфетъ и ягодъ и во множествѣ иныхъ мелкихъ предметовъ.

Что касается посуды, то тутъ дѣятельность завода Миклашевскаго развертывается особенно широко и буквально нѣтъ никакой возможности перечислять хотя бы наиболѣе выдающееся изъ этой отрасли его дѣятельности. Сбытъ фарфора завода Миклашевскаго былъ очень великъ. А. Селивановъ разсказываетъ, что заводъ имѣлъ складъ въ Петроградѣ, лавки его были на главныхъ ярмаркахъ, фарфоръ завода въ большомъ числѣ шелъ и ко

Двору. И тутъ оригиналами для производства служили большей частью образцы саксонскаго фарфора и меньше—севрскаго. Издѣлія завода Миклашевскаго чаще всего мѣтились монограммой (красной, надглазурной, но иногда и подглазурной) изъ буквъ А. М., рѣже въ видѣ вдавленнаго въ тѣсто круглаго медальона съ гербомъ Миклашевскаго въ центрѣ кружка и надписью—«Волокитинской фабрики»; на издѣліяхъ, шедшихъ ко Двору и заграницу, ставилась мѣтка А. и М. и французская надпись—«Manufacture de Wolokitine». Мнѣ случалось видѣть на посудѣ вторую изъ этихъ мѣтокъ—золотомъ на одномъ чудесномъ tête â tête гдѣ-то въ антикварномъ магазинѣ; въ собраніяхъ я такого клейма не встрѣчалъ. Не подѣлка ли то была?

Производство завода Миклашевскаго требовало большой тщательности въ отдѣлкѣ и только при условіи крѣпостного труда заводъ могъ сводить концы съ концами. Послѣ освобожденія крестьянъ только годъ просуществовалъ этотъ заводъ и въ 1862 году онъ принужденъ былъ закрыться.

Одинъ изъ двухъ братьевъ Мезеръ, приглашенныхъ въ самомъ началѣ прошлаго вѣка гр. Чарторыжскимъ руководить его фабрикой въ Корцѣ, о которой выше я упоминалъ, Михаилъ Мезеръ, вскорѣ ушелъ отъ графа и открылъ

свою фабрику въ м. Барановкѣ, Новоградволынскаго уѣзда. Естественно, что фабрики въ м. Барановкѣ и гр. Чарторыжскаго, ведомыя двумя братьями, получившими одинаковое техническое образованіе, и повидимому, отличавшимися общностью художественнаго вкуса, выдѣлывали работы, очень походившія другъ на друга. Но съ теченіемъ времени издѣлія Барановской фабрики все утоньшаются, улучшается масса фарфора, формы принимаютъ больше разнообразія и красоты какъ въ фигурахъ, которыхъ заводъ выдѣлывалъ не столь много, такъ и въ посудѣ и, въ особенности, въ различныхъ вазахъ и сложныхъ вещахъ-горкахъ, настольныхъ украшеніяхъ и т. п. Лучшая эпоха этого завода между пятнадцатыми и сороковыми годами. Издѣлія Барановской фабрики были не только отмѣчены при Дворѣ, но даже въ 1825 году фабрикѣ было даровано право ставить на издѣліяхъ государственный гербъ. Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ художественное значеніе фабрики пошатнулось, а въ половинѣ сороковыхъ годовъ она уже перешла въ иныя руки и навсегда порвала съ художествомъ.

Фигурокъ Барановской фабрики немного и онѣ весьма цѣнимы. Въ собраніи Юр. Бѣляева есть прекурьезная парная статуэтка: великій князь

Константинъ Павловичъ ведетъ подъ руку въ какомъ-то танцѣ княгиню Ловичъ; оба въ маскарадныхъ костюмахъ—великій князь въ шотландскомъ, она въ не особенно строго выдержанномъ костюмѣ Louis XVI. Статуэтка эта рѣдка чрезвычайно. У Юр. Бѣляева она безъ клейма, мнѣ же приходилось ее видѣть съ клеймомъ трехъ звѣздочекъ и подписью «Baranowka». Эту марку надо считать самой цѣнной и самой старой: съ конца 20-хъ годовъ ставился государственный гербъ (черной краской); позднѣйшая марка государственный гербъ, подпись Барановка по-русски, дата и фамилія владѣльцевъ.

Заводъ Ауэрбаха находился въ Тверской губ. Хотя А. Селивановъ и отмѣчаетъ, что этотъ заводъ въ свое время, то есть въ періодъ между двадцатыми и сороковыми годами, пользовался значительною извѣстностью, почти наравнѣ съ гарднеровскимъ, но въ старинныхъ собраніяхъ русскаго фарфора издѣлій этого завода всегда меньше другихъ. Надо думать, что это объясняется тѣмъ, что издѣлія завода Ауэрбаха во всѣ фазисы существованія отличались меньшей характерностью, нежели издѣлія иныхъ русскихъ фарфоровыхъ фабрикъ того же времени. Къ иностраннымъ образцамъ, преимущественно къ саксонскимъ, на этомъ заводѣ всегда было очень боль-

шое тяготѣніе. Наиболѣе типичное изъ того, что выдѣлывалось на заводѣ Ауэрбаха, это рядъ кружекъ— варьированныхъ копій голландскихъ и англійскихъ кружекъ.

Старѣйшая марка—«Ауэрбахъ. Корчевъ», иногда и латинскими буквами; впослѣдствіи къ фамиліи стали прибавлять изображеніе государственнаго герба.

Конецъ сороковыхъ годовъ и начало пятидесятыхъ — это яркій переломъ въ дѣятельности русскихъ фарфоровыхъ заводовъ. Громадныя фарфоровыя производства Кузнецовыхъ и Корниловыхъ поглотили небольшія фабрики; при колоссальномъ, все возраставшемъ производствѣ, гдѣ ужъ было наблюдать за художественностью и особливой тонкостью исполненія. Штампъ и шаблонъ навсегда убили былую красоту и очаровательную привлекательность русскаго фарфора.

Большой ростъ цѣнъ, развитіе вниманія со стороны множества лицъ ко всѣмъ этимъ памятникамъ старины привлекли любителей легкой наживы, и поддѣлыватели нынѣ расплодились, какъ грибы послѣ хорошаго дождя. И всего больше ихъ около фарфора.

Вѣдь русскимъ стариннымъ фарфоромъ интересуются не одни только русскіе собиратели. И за границей поняли всю прелесть его, тонкость, изя-

щество, красивость, своеобразную характерность тѣхъ грубоватыхъ, но типичныхъ и забавныхъ по формамъ и окраскѣ вещей, которыя называютъ «художественнымъ лубкомъ»; иностранные собиратели съ увлеченіемъ коллекціонируютъ русскія фарфоровыя издѣлія до шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и платятъ высокія цѣны за подлинныя типичныя произведенія его. Интересно, что поддѣлка пошла изъ-за границы. Лишь иностранная поддѣлка опасна, такъ какъ исполнена она настолько тонко и художественно, что на нее попадаются и большіе знатоки дѣла; русскія поддѣлки грубоваты, наспѣхъ сдѣланы, и чуть повидавшій виды собиратель ими не прельстится.

За границей есть цѣлыя фабрики, поддѣлывающія русскій фарфоръ—въ Парижѣ—Бурдуа и Блокъ; около Берлина, подъ—Вѣной въ мѣстечкѣ Баденъ, кажется, въ Гамбургѣ и еще кое-гдѣ. Сначала работали осторожно. Поддѣлывали только самыя рѣдкія и дорогія марки Императорскаго фарфороваго завода и старыхъ Екатерининскихъ и Павловскихъ заводовъ. Потомъ осмѣлѣли и, подобравъ коллекцію оригиналовъ, пошли дѣйствовать во-всю. Да, какъ! Организовали дѣло продажи поддѣлокъ широко, какъ всякое иное коммерческое предпріятіе.

Стали разсылать особые прейсъ-куранты, юркіе вояжеры принялись колесить повсюду, гдѣ только можно расчитывать на сбытъ подобныхъ произведеній преступнаго искусства и самымъ циничнымъ образомъ предлагали антикварамъ—дайте намъ какую угодно статуэтку и только прикажите любую марку ввести и какъ: подъ глазурь или надъ нею. А то не хотите ли купить готовыя фигурки, чашечки и вазочки любой марки по 5—10 франковъ за штуку. Немного антикваровъ, которыхъ такія сдѣлки не соблазняютъ. Сначала тоже осторожно, а потомъ все шире и шире поддѣлка нынѣ заполонила нашъ антикварный рынокъ, и только антиквары, имѣющіе опредѣленный кругъ покупателей, антиквары старыхъ фирмъ, гнушаются такими поддѣлками.

Надо сказать правду. Весьма многіе изъ теперешнихъ собирателей являются пособниками подобному развитію торговли поддѣлкой. Сейчасъ собирать фарфоръ не только модно, но это является признакомъ несомнѣнно извѣстнаго утонченія вкуса, а кто, особенно изъ случайныхъ достаточныхъ людей, не хочетъ тѣмъ прославиться? И идутъ на рынокъ, къ антикварамъ, не изучивъ дѣла, не понаторѣвъ на ранѣе собранныхъ коллекціяхъ, не поработавъ по музеямъ и по

печатнымъ источникамъ исторіи производства. А въ результатѣ даютъ себя одурачивать юркимъ мелкимъ антикварамъ.

Забавны тѣ ухищренія, къ которымъ прибѣгаютъ сбытчики поддѣлки, чтобы вѣрнѣе пустить свой товаръ въ оборотъ. Находятъ разныхъ опустившихся господъ когда-то хорошихъ фамилій, въ роду которыхъ могли быть вещи, представляющія художественный и историческій интересъ и безконечно привлекательныя для собирателя. За извѣстный, часто мизерный, процентъ, такіе господа покрываютъ своимъ именемъ поддѣлку и порой съ большимъ мастерствомъ плетутъ разсказъ о происхожденіи этихъ поддѣлокъ, о томъ, что, молъ, никогда бы не разстались съ прадѣдовскимъ наслѣдствомъ, если бы не тяжелыя времена. А то поступаютъ еще такъ. По знакомымъ адресамъ разсылаютъ подозрительныхъ студентовъ и просто «штатскихъ званія неизвѣстнаго», предлагающихъ послѣдніе остатки былого богатства, къ чему ихъ принуждаетъ якобы безысходная нужда, плата за правоученіе и такъ далѣе—въ безконечныхъ варіаціяхъ. Ко мнѣ самому однажды явился какой-то милостивый государь въ монашескомъ одѣяніи и предложилъ нѣсколько чеканныхъ мѣдныхъ вещицъ изъ якобы упраздненной

церкви; это оказалось довольно таки безстыдной подделкой, что я и доказалъ смущенному «духовному лицу». Я думаю, каждый изъ моихъ читателей-коллекціонеровъ сможетъ разсказать не одинъ аналогичный случай.

За последнее время къ иностраннымъ поддѣлочнымъ фабрикамъ прибавились, неизвѣстно мнѣ только по какимъ именно мѣстечкамъ разбросанныя, мастерскія въ Царствѣ Польскомъ.

Интересно еще отмѣтить, что теперь очень часто фигурки Елизаветинскаго времени стараются подмѣнить старинными издѣліями Тюрингинскихъ заводовъ—въ родѣ Ансбахъ — Брукбергъ, Лимбахъ, Клостеръ-Фейльсдорфъ и др. На эту удочку попадается даже очень изощрившійся собиратель.

Какъ вообще легче всего отличить поддѣльный фарфоръ отъ подлиннаго? О, этому по одной теоріи научиться немыслимо, хотя бы уже потому, что въ этой области у насъ, кажется, буквально ничего не сдѣлано. Да какъ и сгруппировать свѣдѣнія объ особенностяхъ подлинности произведеній того или иного нашего фарфороваго завода? Въ одномъ характерна полива, отблескъ красокъ глазури, въ другомъ масса фарфора, въ третьемъ раскраска, въ четвертомъ — типичность фигурокъ, скульптуры, манеры постановки ихъ на цоколѣ и такъ далѣе—до безконеч-

ности. Быть можетъ, если бы было такое изданіе, въ которомъ внимательный изслѣдователь подробно описалъ всѣ характерныя особенности издѣлія каждой фарфоровой фабрики или мастерской, можно было бы какъ-нибудь оріентироваться и безъ практическаго изученія по ранѣе собраннымъ коллекціямъ, а пока, пока приходится изучать только на основаніи богатствъ крупныхъ нашихъ собирателей, какъ напримѣръ, великаго князя Николая Николаевича, князя В. Н. Аргутинскаго-Долгорукаго, А. А. Коровина, И. Ф. Мануилова, коллекціи музея барона Штиглица, собранной А. К. Поповымъ — въ Петроградѣ и А. В. Морозова, Н. М. Миронова и нѣкоторыхъ другихъ — въ Москвѣ.

Въ Петроградѣ естЬ одно прекурЬезное собранiе, которое долгое время было мало кому извѣстно. Это—собранiе различныхъ памятокъ-плетенокъ изъ волосъ когда-то и для кого-то дорогихъ и близкихъ людей.

Въ обиходѣ жизни прошлаго многое было чрезвычайно красивымъ и теперь мы, измученные, усталые въ шумихѣ современности, въ сумятицѣ жизни больших городовъ, звенящихъ трамваевъ и гудящихъ автомобилей,—стараемся собрать хотя бы крохи того красиваго прошлаго и отдохнуть, любуясь ими и мечтая о томъ, что никогда не вернется... Плетенки изъ

волосъ... Сколько трогательнаго, безконечно привлекательнаго въ этихъ очаровательныхъ памяткахъ наивной, часто сантиментальной, часто самодурной, но искренней и нѣжной жизни нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Сколько любви, такъ теперь насъ трогающей и столь обычной въ свое время, сколько чувства вложено въ нихъ, какіе образы онѣ будятъ, какъ волнуютъ онѣ думы о прошломъ, о времени Лариныхъ и Ростовыхъ, когда тонкіе дѣвическіе пальчики плели замысловатые ихъ узоры.

Несомнѣнно, что вниманіе нашихъ собирателей къ этимъ своеобразнымъ памяткамъ разовьется столь же быстро, какъ и къ инымъ отраслямъ коллекціонерства.

Перебирая эти плетенки изъ волосъ — то въ видѣ замысловатаго вензеля, то какого-то непонятнаго орнаментальнаго рисунка, — любуясь переливами то темныхъ, то бѣлокурыхъ, то золотисто-рыжеватыхъ, то пепельныхъ или, какъ вороново крыло, черныхъ волосъ, такъ и рисуется передъ вашими глазами милый романтизмъ начала прошлаго вѣка; эти скромныя, наивныя, безконечно привлекательныя дѣвушки и молодыя женщины, навивавшія прядки своихъ волосъ любимымъ людямъ. Почти всѣ такія памятки оправлены въ интересныя отдѣлки—то въ медаль-

оны, въ оборотную сторону миніатюры, то въ крышку табакерки, то въ портфель, тонко и красиво расшитый бисеромъ, то, наконецъ, въ перстнѣ встрѣчаемъ плетенку изумительной тонкости.

Но коллекціонировать эти плетенія чрезвычайно трудно. Съ одной стороны, это все больше родовыя памятки, и кто изъ уважающихъ себя людей польстится продавать ихъ; съ другой, тѣ, къ кому они попадаютъ случайно, цѣны имъ не придаютъ никакой и спокойно выбрасываютъ ихъ, какъ никуда негодную ветошь. И то и другое обстоятельство антиквары отлично успѣли учесть, и какъ только въ ихъ руки, попадаетъ что-либо въ этомъ родѣ они заламываютъ, какъ всегда, головокружительныя цѣны. Они ничѣмъ не рискуютъ, потому что наши собиратели не стѣсняются въ цѣнахъ, разъ вещь «необходима» для пополненія собранія.

Какъ на характеристику цѣнъ на такія памятки старины, укажу на слѣдующій случай: нѣсколько времени тому назадъ кн. Г., въ чьемъ собраніи не мало такихъ интересныхъ плетеній, у одного старьевщика въ Александровскомъ рынкѣ въ Петроградѣ нашелъ полуистлѣвшую и почти выцвѣтшую акварель—портретъ молодой дѣвушки; на задней сторонѣ портрета былъ

прехитро сплетенный вензель изъ чьихъ-то русыхъ волосъ. Кн. Г. съ трудомъ пріобрѣлъ эту памятку за сто рублей. Но на этотъ разъ антикваръ немного попался: онъ могъ значительно больше получить за плетенку. Разбираясь въ покупкѣ, кн. Г. нашелъ въ томъ же медальонѣ трогательно наивное стихотвореніе, изъ котораго видно, что эта прядка-вензель и этотъ медальонъ предназначался какому-то юному воину эпохи 1812 года.

И отраженіе давно минувшей жизни нашихъ прабабушекъ и прадѣдушекъ и влечетъ коллекціонеровъ къ этимъ милымъ наивнымъ памяткамъ несложныхъ взаимоотношеній добраго стараго времени.

Русскимъ цвѣтнымъ стекломъ и хрусталемъ наши собиратели памятокъ искусства прошлаго до самаго послѣдняго времени интересовались весьма поверхностно, и въ лавкахъ антикваровъ, и на рынкахъ Москвы и Петрограда ему не придавали почти никакой цѣны.

Наши собиратели если и обращали вниманіе на цвѣтное стекло и хрусталь, то лишь какъ на отраженіе того или иного историческаго событія, и тутъ въ первую голову приходится упомянуть объ отечественной войнѣ, которая особенно разнообразно отрази-

лась въ украшеніяхъ разныхъ предметовъ изъ цвѣтного стекла и хрусталя.

Но такъ сказать самостоятельнаго интереса русскій цвѣтной хрусталь и стекло со стороны нашихъ собирателей не вызывали, и только за какіе-нибудь послѣдніе три-четыре года можно указать на нѣсколькихъ коллекціонеровъ, составившихъ значительныя и характерныя собранія этой привлекательнѣйшей отрасли русской художественной промышленности.

Въ старомъ русскомъ хрусталѣ и стеклѣ много интереснаго не только въ смыслѣ отраженія эпохи, но и съ чисто художественной стороны.

Въ особенности въ хрусталѣ много типичной красоты, благородства линій, столь оригинальна, тонка и изощрена грань, такъ свободно распоряжались невѣдомые художники рисункомъ орнаментировокъ или иныхъ украшеній.

Исторія русской художественной промышленности еще ждетъ своего внимательнаго изслѣдователя. Кое-какой свѣтъ пролитъ въ этомъ направленіи въ области фарфороваго производства, но исторія развитія остальныхъ многообразныхъ отраслей нашей художественой промышленности совершенно не разработана, какъ не разработана въ частности и исторія русскаго художественнаго стекла. Мои замѣтки

которыя я предлагаю вниманію коллекціонеровъ, не претендуютъ на значеніе — «исторіи» русскаго цвѣтного стекла и хрусталя. Хотя я собиралъ въ теченіи не малаго времени всѣ матеріалы по исторіи этого производства, но свѣдѣнія, разбросанныя по многочисленнымъ печатнымъ источникамъ, по каталогамъ немногихъ бывшихъ въ Россіи и Польшѣ выставокъ предметовъ русскаго и польскаго стекла, весьма скудны и случайны.

Не оправдало въ полной мѣрѣ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались собирателями и людьми интересовавшимися исторіей русской художественной промышленности въ области хрустальнаго производства, и изданіе, посвященное 150-лѣтію Николо-Бахметьевскаго завода князя А. Д. Оболенскаго. Помимо того, что оно дало очень мало матеріала для исторіи хрустальнаго производства въ Россіи, авторы этого, изслѣдованія не дали себѣ труда прослѣдить чисто художественное развитіе производства одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ хрустальныхъ заводовъ, каковымъ является Николо-Бахметьевскій заводъ, не говоря уже объ опредѣленіи вліянія западныхъ, особливо польскихъ, образцовъ, на его дѣятельность.

Надо надѣяться, что, когда насъ минуютъ переживаемыя тяжкія годины,

мы съ еще большимъ увлеченіемъ заинтересуемся нашимъ прошлымъ въ отраженіи его въ предметахъ прикладного искусства, еще шире раскинется сѣть лицъ, внимательно и любовно собирающихъ памятки этого искусства вовсѣхъ многообразныхъ его проявленіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣтимъ внимательныхъ историковъ ихъ, которые по крупинкамъ соберутъ историческія данныя и развернутъ передъ нами, быть можетъ нѣсколько сухіе и протокольные, но исчерпывающіе историческіе обзоры того или иного производства русской художественной промышленности прошлаго.

Въ русскомъ цвѣтномъ стеклѣ и хрусталѣ второй половины восемнадцатаго вѣка и первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго, къ обзору каковаго времени и относятся настоящія бѣглыя замѣтки, ярко отражалась типичная характерность ихъ эпохи.

Изъ мастерскихъ немногочисленныхъ въ то время частныхъ заводовъ, и изъ мастерскихъ Императорскаго завода сплошь и рядомъ выходили столь художественныя и совершенныя въ смыслѣ ихъ архитектоники вещи, что онѣ вполнѣ могли соперничать съ лучшими произведеніями Запада того времени и еще большой вопросъ, кому бы отдалъ пальму первенства самый строгій судья.

Позвольте тутъ сдѣлать маленькое отступленіе и припомнить слѣдующее.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось, къ сожалѣнію очень короткое время, встрѣчаться съ писателемъ Д. В. Григоровичемъ, какъ извѣстно тонкимъ, хотя, быть можетъ, порой и очень увлекающимся, знатокомъ и любителемъ русской художественной старины. Въ то далекое время страсть собирательства еще не была модой, коллекцій не было почти въ каждой квартирѣ зажиточныхъ людей, а кто собиралъ, такъ собиралъ съ большимъ знаніемъ дѣла, изучивъ исторію того или иного художественнаго производства, собиралъ тихо, не гоняясь за сомнительными вещами, но о которыхъ удачно сдѣлана реклама, и не переплачивая шальныхъ денегъ, какъ то часто дѣлается коллекціонерами нашихъ дней.

Д. В. Григоровичъ — разносторонне образованный, чуткій художникъ, онъ былъ удивительно многогранenъ, какъ собиратель художественной русской старины. Его все увлекало и глубоко интересовало, во всѣхъ памяткахъ художественной старины онъ умѣлъ разбираться и чувствовать «подлинность» облюбованнаго имъ.

Уходятъ эти истинные любители прекраснаго, умѣвшіе подбирать колекціи, столь типично отражавшія

красоту милаго прошлаго. Нѣтъ больше привлекательныхъ и характерныхъ фигуръ П. Я. Дашкова, З. П. Хитрово, кн. А. С. Долгорукова, И. А. Всеволожскаго, Е. Н. Тевяшова и многихъ другихъ истинныхъ любителей собирательства; они не гнушались лавочекъ старьевщиковъ по закоулкамъ толкучихъ рынковъ и испытывали великую радость распознанія удачной покупки, когда, придя домой и снявъ слои пыли и смывъ многолѣтнюю грязь, открывали рѣдчайшую марку или затѣйливый знакъ крупнаго мастера.

На смѣну имъ пришли другіе собиратели. Они составляютъ коллекціи быть можетъ болѣе внушительныя, чѣмъ ихъ скромные предшественники, и даже иногда болѣе полныя и характерныя, но какъ они составляютъ ихъ.

Я знаю крупнаго собирателя изъ типа собирателей послѣднихъ дней; въ залахъ его особняка размѣстилась коллекція одного изъ художественныхъ производствъ прошлаго и восемнадцатаго вѣковъ; коллекція дѣйствительно высоко примѣчательна своей полнотой, сохранностью и типичностью собранныхъ памятниковъ. Этотъ собиратель съ гордостью говоритъ о томъ, что вотъ онъ дескать какой коллекціонеръ, что все размѣщенное въ многочисленныхъ шкафахъ его особ-

няка принесено ему прямо на квартиру разными антикварами.

Собиратели прежняго времени не понимали этого своеобразнаго «толстосумнаго шика»: коллекціонировать, не выходя изъ своего кабинета. Они трудились надъ составленіемъ своихъ коллекцій, движимые истинной страстью и любовью къ искусству прошлаго. Они сами выискивали жемчужины своихъ собраній и, тонко изощренные, всецѣло не полагались на пониманіе антикваровъ. Ихъ искреннее увлеченіе и положило начало русскому собирательству, подражать чему стало теперь столь моднымъ для всѣхъ достаточныхъ людей.

Д. В. Григоровичъ былъ едва ли не первымъ среди собирателей того привлекательнаго типа. Онъ создалъ художественно-промышленный музей при Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ въ Петроградѣ, незаслуженно мало извѣстный, и одной изъ частей этого музея является отдѣлъ русскаго цвѣтного хрусталя и стекла, всецѣло собранный трудами покойнаго писателя.

Вспоминаются мнѣ тутъ слова незабвеннаго Д. В. Григоровича: «Какое удивительное чувство красоты и формы было въ мастерахъ прежняго времени,—говаривалъ онъ, любовно беря въ руки какой-нибудь хитро граненый

бокалъ или красиво и бойко орнаментированный стаканъ.—Вѣдь вотъ почти всѣ формы болѣе сложныхъ и дорогихъ произведеній русскаго стариннаго стекляннаго дѣла взяты съ образцовъ западнаго мастерства. А наши никому невѣдомые Ваньки и Петьки, проводившіе всю жизнь между душной мастерской и тѣсной застольной, ухитрялись по-своему перерабатывать эти образцы и создавать вещи, въ которыхъ замѣчательно отразилось ихъ время. То ли въ орнаментѣ, то ли въ иныхъ украшеніяхъ, то ли, наконецъ, въ забавныхъ вензеляхъ или курьезныхъ, часто наивныхъ надписяхъ».

И когда передъ глазами развертывается коллекція издѣлій изъ русскаго цвѣтного стекла или хрусталя, невольно вспоминаешь о словахъ Григоровича.

Говорить объ исторіи русскаго цвѣтного хрусталя или стекла очень трудно, ибо до насъ дошли только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, какъ развивалась на Руси эта отрасль художественной промышленности.

Уже въ семнадцатомъ вѣкѣ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ былъ устроенъ стеклянный и хрустальный заводъ, въ которомъ наравнѣ съ русскими мастерами, работали и иностранцы, вѣроятно венеціанцы, во главѣ съ нѣкіимъ Анцъ Фредерикомъ. Изъ этого завода выходила разная посуда и художествен-

ное значеніе она имѣла только въ тѣхъ образцахъ, которые приготовлялись для царскаго обихода — для столовой утвари, а главнымъ образомъ для нуждъ царской аптеки.

Въ этой послѣдней отрасли дѣятельности мастера того времени достигали наибольшаго изящества и красоты въ орнаментировкѣ и раскраскѣ цвѣтного стекла большей частью темнокоричневаго тона. Въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка Юстъ Юль писалъ, что, осмотрѣвъ московскую царскую аптеку, онъ нашелъ ее одной изъ первыхъ въ мірѣ не только въ отношеніи разнообразія снадобій, но и изящества кувшиновъ для лекарствъ. Кувшины эти были украшены царскими гербами. И помимо указанія Юста Юля мы знаемъ, что нѣкій золотописецъ Дмитрій Степановъ, въ «Оптекарской палатѣ писалъ стеклянишные многіе сосуды золотомъ и серебромъ разные образцы, въ которыхъ наряжать лекарство для обихода же великаго государя».

Такимъ образомъ устанавливается, что русскій художественный хрусталь выдѣлывался съ конца семнадцатаго вѣка. Въ нѣкоторыхъ хранилищахъ есть хрустальные сосуды несомнѣнно болѣе позднаго времени, которые украшены типичной западной орнаментировкой и въ то же время среди этого

орнамента мы видимъ россійскіе гербы или даже письмена. Но это можно объяснить тѣмъ, что хрусталь западнаго производства уже впослѣдствіи дограгировывался нужными дополненіями, когда онъ предназначался съ той или иной оказіей для отправленія въ Россію или даже эта дограгировка производилась московскими мастерами.

Не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что первые русскіе хрустальные мастера одновременно съ разной утварью для «оптекарской палаты» выдѣлывали и иные предметы, о чемъ намъ говорятъ разныя отрывочныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ свидѣтельства того, что для подношенія ягодъ государю въ хоромы изготовлено было 15 кувшиновъ, 20 кружекъ и 10 стакановъ зеленаго стекла, и того, что для столоваго обихода царя Алексѣя Михаиловича употреблялись хрустальные стаканы и рюмки «съ печатми».

Хрусталь московскаго времени чрезвычайно рѣдокъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ знакомства съ антикварами и рынками обѣихъ столицъ мнѣ только два или три раза пришлось встрѣтиться съ примѣчательными хрустальными цвѣтными вещами этой эпохи. Цѣны на эти издѣлія всегда стояли очень высокія, даже еще задолго до того времени, какъ собирательство стало моднымъ. Московскіе мастера для

украшенія цвѣтного хрусталя не прибѣгали къ разнообразнымъ пріемамъ. Все сводилось къ орнаменту, общему съ орнаментомъ того времени, который расписывался золотомъ или серебромъ, изрѣдка украшаемый чернью, причемъ вещи съ чернью надобно особенно цѣнить, такъ какъ онѣ наиболѣе рѣдки.

Значительно больше дошло до насъ хрусталя восемнадцатаго вѣка, начиная съ предметовъ производства ямбургскихъ заводовъ, которые во время Петра Великаго принадлежали князю Меньшикову. Кромѣ ямбургскихъ заводовъ вѣроятно было еще нѣсколько частныхъ заводовъ, въ которыхъ на ряду со стеклянной посудой выдѣлывался художественный цвѣтной хрусталь.

Въ разныхъ коллекціяхъ до насъ дошли разнообразные предметы, большей частью стаканы, бокалы, кружечки съ крышками и флаконы еще не той чудесной расцвѣтки хрусталя, до которой достигъ русскій хрусталь послѣдующаго времени, но во всякомъ случаѣ глубоко интересной и красивой. Орнаментныя украшенія его довольно однообразны—это повторяющійся въ различныхъ варіантахъ китайскій орнаментъ, взятый мастерами, повидимому, съ китайскаго фарфора. Довольно тонкій въ дорогихъ и крупныхъ вещахъ этотъ орнаметъ становится

болѣе простымъ въ вещахъ широкаго обращенія и не столь дорогихъ, напримѣръ въ стаканахъ. Но все же «китайщина» блюдется строго и это является одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ для распознанія русскаго цвѣтного хрусталя первой половины восемнадцатаго вѣка. Что касается внѣшней формы хрустальныхъ предметовъ того времени, то разнообразія въ этомъ большого не было. Невѣдомые намъ мастера придерживались восточныхъ образцовъ и главенствовала тутъ та же «китайщина». Кружечки были больше конической формы, а крышки ихъ съ затѣйливыми шишечками давали законченный рисунокъ, флаконы тоже напоминали собой образцы производства мастеровъ Китая.

Къ первой же половинѣ восемнадцатаго вѣка надо отнести тотъ цвѣтной русскій хрусталь, который украшенъ орнаментомъ изъ платины. Въ моемъ собраніи цвѣтного хрусталя есть нѣсколько флаконовъ и стаканчикъ непрозрачнаго хрусталя, почему-то нѣкоторыми антикварами называемаго «бутовымъ», украшенныхъ орнаментомъ изъ платины. Это украшеніе замѣчательно красиво, тѣмъ болѣе, что время придало платинѣ чудесный темноватый налетъ и получилась какая-то особенная матовость его. Въ позднѣйшемъ хрусталѣ уже не встрѣ-

чаются такія украшенія, вѣроятно, по причинѣ дороговизны платины.

Въ одномъ изъ антикварныхъ магазиновъ Петрограда, мнѣ какъ-то попался «кабачокъ» несомнѣнно первой половины восемнадцатаго вѣка; орнаментація его была сплошь изъ платины; купить мнѣ его не удалось и гдѣ онъ — не знаю. Формы стаканчиковъ и трехъ флаконовъ напоминали по линіямъ строенія пагодъ. По борту подносика, изъ того же хрусталя, шла надпись — «Санктъ-Петербурхъ 173..» послѣдняя цифра была не разборчива.

Всѣ хрустальные предметы того времени, отмѣченные императорскимъ гербомъ, являются безспорными издѣліями петроградскихъ заводовъ, впослѣдствіи именовавшихся императорскими. Одинъ изъ указовъ императрицы Елисаветы Петровны, относящійся къ 1743 году, предписываетъ на этихъ заводахъ «для двора своего императорскаго величества изготовить карафинцы, рюмки и стаканы хрустальные съ надписью придворною». Такой хрусталь съ «надписью придворною», то есть императорскими иниціалами или гербами, строжайше не допускался къ продажѣ въ частныя руки и попадалъ къ дворянамъ и служивымъ людямъ того времени только какъ жалованный.

Если мы припомнимъ, что и орнаментація перваго фарфора, изготовляв-

шагося на Императорскомъ заводѣ, почти сплошь была подъ китайщину, то вполнѣ станетъ понятнымъ, что и хрустальные мастера увлекались этой китайщиной.

Такъ продолжалось до середины восемнадцатаго вѣка. Все шире и шире развивалась потребность въ предметахъ роскоши не только при самомъ Императорскомъ дворѣ и среди придворныхъ; но и все богатое дворянство не считало денегъ, пріобрѣтая дорогіе и дѣйствительно красивые предметы обихода. Расширялось и производство художественнаго цвѣтного хрусталя. Нельзя себѣ представить стола знатной персоны того времени, который не былъ бы украшенъ болѣе или менѣе богатой хрустальной посудой. Сама императрица Екатерина II повелѣла въ первые же года своего царствованія, изготовить на петроградскихъ заводахъ 150 хрустальныхъ кубочковъ мѣрою не болѣе рюмки, съ крышками и при «зделаніи» ихъ приказано было надписать на нихъ подъ короною вензельное имя Государыни.

Екатерининскій хрусталь достигалъ замѣчательной тонкости грани, красоты линій и художественности въ отдѣлкѣ. Цвѣтной хрусталь уже вырабатывался рядомъ заводовъ; кромѣ петроградскихъ, ямбургскихъ, «жабинскихъ» и нѣсколькихъ подстоличныхъ,

работали Мальцевскій заводъ, и Бахметьевскій заводъ, основанные въ шестидесятыхъ годахъ того же вѣка. Послѣдній заводъ былъ во время пугачевщины разоренъ и вновь возобновленъ къ девяностымъ годамъ.

На стеклянное производство въ царствованіе Екатерины II было обращено особенное вниманіе. Этому не мало способствовалъ и знаменитый русскій ученый Ломоносовъ. Будучи въ Римѣ и прельстившись красотой производства папской мозаической мастерской, Ломоносовъ рѣшилъ устроить таковую и у себя на родинѣ; при посредствѣ И. И. Шувалова онъ добился того, что въ 1752 году былъ данъ сенатскій указъ на то, чтобы ему завесть фабрику для разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру и стеклярусу. Фабрика Ломоносова существовала недолго, но мы знаемъ, что результатовъ въ выгонкѣ стеклянной цвѣтной массы (смальты), въ разнообразіи цвѣтовъ и въ красотѣ отдѣльныхъ тоновъ онъ сумѣлъ добиться очень значительныхъ. О томъ намъ говорятъ такіе памятники Ломоносовской мозаической мастерской, какъ большая мозаическая картина «Полтавская баталія», находящаяся теперь въ музеѣ Общества поощренія художествъ въ Петроградѣ.

Все больше росъ спросъ на художественный хрусталь, все шире раз-

вивалась наша хрустальная промышленность, но она, конечно, не могла удовлетворять цѣликомъ спросъ, и хрусталя не мало ввозилось изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Англіи.

Англійскіе купцы Ганконъ и Шепардъ, бывшіе долгое время поставщиками Императорскаго двора, организовали широкую продажу англійскаго художественнаго хрусталя и русская знать охотно украшала имъ свои столы, такъ какъ онъ былъ дѣйствительно очень красивъ, типиченъ и своеобразенъ.

Образцы иностраннаго цвѣтного хрусталя, въ особенности надо замѣтить хрусталя польскаго, главнымъ образомъ послѣ занятія нами Польши, имѣли на русскій цвѣтной хрусталь большое вліяніе. Не только въ смыслѣ формы внѣшней и украшеній его, но даже и въ отношеніи цвѣта хрусталя.

Имѣя передъ собой отличные образцы, русскіе мастера не только добивались совершенно вплотную подойти къ подлиннику, но во многихъ случаяхъ превосходили оригиналъ. Такъ, рубиновый тонъ хрусталя и темно-кобальтовый тона, которые наиболѣе цѣнились любителями хрусталя того времени, не удавались иностранцамъ съ такой полнотой тона и красотой его, какъ русскимъ мастерамъ далекаго времени. Даже больше — петроградскимъ стекляннымъ и хрустальнымъ за-

водамъ, которые все совершенствовали свое производство и уже съ послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго вѣка обратили на себя вниманіе Запада, удалось добиться рѣдчайшаго по тону хрусталя, а именно темнаго, какъ агатъ, почти чернаго и въ то же время удивительной ровности и прозрачности. Черный хрусталь долженъ наиболѣе цѣниться любителями. Онъ не только чрезвычайно рѣдокъ, онъ изумительно красивъ, въ особенности если поверхность чернаго хрусталя прорѣзываетъ узоръ орнамента прозрачнаго хрусталя. Только въ Императорскихъ дворцахъ мнѣ приходилось встрѣчать такой хрусталь—въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ и въ Гатчинскомъ. Мнѣ разсказывали, что такой черный хрусталь есть и въ Аничковскомъ дворцѣ, но самому не пришлось его видѣть. Изъ частныхъ собраній мнѣ извѣстно только одно собраніе въ Москвѣ, гдѣ находится ваза чернаго хрусталя, и собраніе Н. И. Тютчева, гдѣ есть фигура сфинкса изъ изсине-чернаго стекла.

Быстро росло разнообразіе того, что выдѣлывалось на нашихъ хрустальныхъ заводахъ. Началось дѣло съ посуды для «Оптекарской палаты», а не прошло и полустолѣтія, какъ стали вырабатываться разные шендалы тисненые, графины кубомъ или овальной

грани, листкомъ и ямками, стаканы съ разваломъ, съ навитью, шипами, ананасной и широкой грани и т. д., флаконы разнаго цвѣтного хрусталя урановые, гранатные, рубиновые, опаловые, кобальтовые, полоскательницы со стаканами на манеръ венеціанскихъ, печати для воска и для «печати твердой», цѣлые хрустальные сервизы, не говоря уже о различныхъ «кабачкахъ», вазочкахъ и корзинкахъ для печенья и сухихъ фруктовъ, лоточковъ для смоквъ, соленій и т. д., и т. д. въ безконечныхъ варіантахъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ шире развивалось это разнообразіе изготовлявшихся на хрустальныхъ фабрикахъ во главѣ съ Императорскимъ заводомъ и фабриками Бахметьева и Мальцовыхъ, предметовъ и каждому изъ нихъ почти безъ исключенія невѣдомые намъ мастера умѣли придать своеобразную, полную подлинной художественности и красоты форму и чудесно ихъ расписать.

Со столовъ обѣденныхъ хрусталь перекинулся въ тѣсный обиходъ богатыхъ людей того времени. Стали появляться чернильницы, настольные шендалы тисненные и съ подвѣсками, песочницы, лоточки, вазочки для перьевъ, коробки и корзинки для оплатокъ, плоскія вазочки для печатнаго воска, прессъ-папье и сотни иныхъ милыхъ бездѣлушекъ,

которыя мы собираемъ теперь съ такой любовью и которыя рисуютъ намъ бытъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, вносятъ такія характерныя детали въ картину ихъ покойнаго житья, тихаго любованья всей красотой ихъ окружавшаго.

Помимо домашней утвари, цвѣтной хрусталь стали все шире примѣнять къ различнымъ церковнымъ украшеніямъ. Заводы только успѣвали исполнять заказы на церковные люстры, подсвѣчники, паникадила, лампады, сосуды для храненія святой воды и т. д.

Словомъ, къ послѣднимъ годамъ Екатерининскаго времени цвѣтной хрусталь вошелъ въ такое широкое распространеніе среди любителей красивыхъ и цѣнныхъ вещей, что уже въ началѣ восьмисотыхъ годовъ рѣшили прекратить ввозъ иностраннаго хрусталя. Положимъ, запрещеніе это просуществовало не долго, какіе-нибудь пять—шесть лѣтъ, но оно тѣмъ не лишается своей характерности въ смыслѣ указанія на развитіе въ Россіи хрустальнаго дѣла.

Но вотъ мы подходимъ къ самому острому вопросу нашихъ замѣтокъ: какимъ образомъ отличать цвѣтной хрусталь второй половины восемнадцатаго вѣка частныхъ фабрикъ и Императорскаго завода, чѣмъ характеренъ хрусталь Екатерининскаго времени и

чѣмъ, въ частности, характерна выработка хрусталя той или иной фабрики.

Въ цвѣтномъ хрусталѣ и стеклѣ всѣ эти вопросы очень сложны. Въ фарфорѣ путеводной нитью являются марки. Въ хрусталѣ ихъ нѣтъ. Приходится о времени производства судить только по формамъ предметовъ и еще болѣе по орнаментаціи ихъ, а что касается разбора по фабрикамъ, то какъ это ни было бы заманчиво, отказаться разъ навсегда. Исключеніе составляютъ только петроградскіе, впослѣдствіи Императорскіе, заводы и заводы Мальцова и Бахметьева.

Ни одинъ изъ частныхъ хрустальныхъ заводовъ не достигалъ такой тонкости, ровности и красоты грани, какъ заводъ Императорскій. Всевозможныя разновидности грани—ананасная, ребриковая, рѣпкой, горошиной, островерхая—выдѣлывались мастерами Императорскаго завода съ поразительной ровностью и мягкостью въ линіяхъ грани. По самой мелкой островерхой грани проведите рукой и ничто не зацѣпитъ кожи—такъ ровна и отточена грань. Въ моемъ собраніи есть крупный кубокъ-копія съ небольшимъ измѣненіемъ аугсбургскихъ кубковъ, весь граненый самой разнообразной гранью и грань эта ровна и тонка по выточкѣ поразительна. Такого совершенства въ грани

не смогъ достичь ни одинъ изъ частныхъ заводовъ.

Характерна для Императорскаго цвѣтного хрусталя глубина тона. Вѣроятно браковка шла самымъ безпощаднымъ образомъ, такъ какъ Императорскій хрусталь не знаетъ вещей даже съ самымъ незначительнымъ изъяномъ въ окраскѣ. Особливо удавались Императорскому заводу тона: глубокій кобальтовый, рубиновый, черный (коричневато-черный и изсиня-черный) и золотисто-зеленый. Этого послѣдняго тона не могли добиться и не добивались частные хрустальные заводы, такъ какъ для полученія такой окраски въ цвѣтную массу должно было вводиться червонное золото въ порошкѣ и это удорожало производство настолько, что только Императорскій заводъ могъ не считаться съ этимъ.

Орнаментовка и украшенія цвѣтного Императорскаго хрусталя и стекла не знали соперниковъ. Густота червоннаго золота, драгоцѣнная платина—вотъ главнѣйшія отличительныя черты украшеній цвѣтного хрусталя Императорскаго завода. Во главѣ завода долгое время стоялъ такой изощренный въ искусствѣ человѣкъ и искренній меценатъ въ полномъ значеніи этого опредѣленія, какъ кн. Н. Б. Юсуповъ. При немъ Императорскій фарфоровый и стеклянный заводъ достигъ высо-

кой степени развитія. Мастера настолько были изощрены въ своемъ искусствѣ, что совершенно свободно и легко справлялись съ самыми затѣйливыми орнаментами. На смѣну Елизаветинской китайщины пришелъ игривый и затѣйливый рококо, и съ удивительной способностью наши мастера прониклись веселой, беззаботной красотой этого стиля и развертывали на хрусталѣ Екатерининскаго времени изумительныя по богатству фантазіи и въ то же время стилической выдержанности орнаменты.

Что касается мальцовскаго хрусталя того же времени, то онъ менѣе блестящъ, нежели императорскій хрусталь; въ тонахъ расцвѣтки хрусталя мальцовскіе заводы характерны тѣмъ, что даже не въ особенно крупныхъ предметахъ низъ гуще верховъ, хотя тонъ все же красивъ и ровенъ и гущина нижнихъ частей примѣтна только очень опытному взгляду. Что касается орнамента, то мнѣ не приходилось видѣть особо богатыхъ и интересно орнаментированныхъ вещей мальцовскаго завода и, кромѣ того, одной изъ отличительныхъ примѣтъ Екатерининскаго цвѣтного мальцовскаго хрусталя можетъ служить нѣсколько неровная и не такъ тонко выдѣланная грань съ преобладаніемъ «ананасной» грани.

Чудесно разнообразенъ цвѣтной бахметьевскій хрусталь. Типично для этого завода, который обладалъ счастливой особенностью насчитывать въ ряду своихъ мастеровъ людей чуткихъ къ прекрасному и умѣвшихъ справляться съ труднѣйшими задачами своего мастерства—сочетанія въ различныхъ предметахъ цвѣтного хрусталя съ прозрачнымъ бѣлымъ. Въ этой области Бахметьевскій заводъ, надо думать, едва ли не былъ піонеромъ и вызвалъ не мало подражаній среди различныхъ фабрикантовъ.

Нѣкоторое время Бахметьевскій заводъ подписывалъ свои наиболѣе удачныя произведенія, но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго и въ концѣ концовъ Бахметьевскій заводъ не сталъ даже ставить марокъ, какъ не стали это почему-то дѣлать и иные хрустальные заводы. Для Бахметьевскаго завода являются характернымъ украшенія изъ блѣдно расцвѣченнаго хрусталя, на манеръ загибающихся болѣе или менѣе затѣйливо павлиньихъ перьевъ съ глазкомъ. Они вьются и въ стаканахъ, и въ вазахъ, и въ флаконахъ, и иныхъ предметахъ обстановки стола. Затѣмъ никто такъ не увлекался украшеніемъ своего хрусталя цѣлыми живописными сценками и пейзажами, какъ то мы видимъ въ производствѣ Бахметьевскаго завода. Харак-

терно и золото въ орнаментѢ Бахметьевскаго завода: оно густо и красиво, въ отличіе отъ золота мальцовскаго хрусталя, гдѢ оно размѢщалось въ общемъ скупо, какъ въ чисто коммерческомъ дѢлѢ.

Но всѢ эти отличія крупнѢйшихъ русскихъ хрустальныхъ заводовъ чисто внѢшни и примѢтны для человѢка, видѢвшаго много произведеній русскаго цвѢтного стараго хрусталя, и различія эти съ теченіемъ времени все сглаживаются и становится все труднѢе и труднѢе сдѢлать хотя бы относительное точное опредѢленіе, къ какому заводу относится тотъ или иной цвѢтной хрусталь, кромѢ, конечно, хрусталя Императорскаго завода, котораго всегда отличаетъ глубина тона, тонкость отдѢлки, богатство золота и вся внѢшняя выдержанность предмета.

Приходится говорить о всей массѢ художественнаго цвѢтного русскаго хрусталя и только въ единичныхъ случаяхъ относить тотъ или иной предметъ къ опредѢленной фабрикѢ или заводу. И эти единичные случаи возможны лишь при томъ условіи, если на самомъ предметѢ есть какой-либо отличительный знакъ или надпись или извѢстно доподлинно происхожденіе вещи. Но то и другое, приходится повторить, встрѢчается чрезвычайно

рѣдко на пути коллекціонера русскаго цвѣтного хрусталя.

Возвращаясь къ цвѣтному хрусталю Екатерининскаго времени, надо отмѣтить, что путеводной нитью для собирателя могутъ служить только рисунокъ украшенія хрусталя, какъ я уже замѣтилъ большей частью типа рококо въ своеобразномъ толкованіи его тѣмъ или инымъ мастеромъ или заводомъ, а также масса самаго хрусталя—въ Екатерининское время русскій хрусталь былъ какъ-то гуще, я сказалъ бы компактнѣе, чѣмъ хрусталь позднѣйшаго времени. Но, конечно, эти данныя въ значительной степени условны. То-есть и позже Екатерининскаго времени встрѣчаются украшенія въ стилѣ рококо и разбираться съ особой точностью въ русскомъ цвѣтномъ хрусталѣ нельзя. Чутье, наметанный глазъ много видѣвшаго человѣка, сличеніе облюбованной вещи съ предметами, давность которыхъ болѣе или менѣе установлена—вотъ на что долженъ полагаться коллекціонеръ русскаго цвѣтного хрусталя.

Трудно указать и на то, какіе предметы этого хрусталя особливо характерны для Екатерининскаго времени. Разнообразіе ихъ было весьма значительное, и поощряемые широкимъ сбытомъ мастера все изощряли свою фантазію и на рынкѣ того времени по-

являлось множество различныхъ предметовъ роскоши изъ цвѣтного хрусталя. Особенно отличались мастера Екатерининскаго времени, главнымъ образомъ петроградскихъ заводовъ и Бахметьевскаго, въ тѣхъ предметахъ, которые являются необходимой принадлежностью туалетнаго столика модницы. Удивляешься, напримѣръ, фантазіи мастеровъ, перебирая въ памяти всѣ тѣ хитро придуманныя формы флаконовъ, которыя приходилось встрѣчать на полкахъ коллекціонеровъ и на витринахъ антикваровъ. Конца нѣтъ разнообразію этихъ формъ расцвѣтки хрусталя, оригинальности и типичности украшеній живописью, золотымъ или серебрянымъ орнаментомъ. Сначала больше подъ китайщину, затѣмъ все свободнѣе распоряжаются мастера того давняго времени съ формой и, имѣя, вѣроятно, французскіе и польскіе образцы, варьируютъ ихъ съ такимъ изяществомъ и пониманіемъ красоты формы, что имъ не мало позавидовали бы и западные мастера и нашли бы многому чему поучиться у «дикихъ варваровъ».

Трудно въ бѣгломъ очеркѣ перечислить всѣ тѣ формы флаконовъ, которыя найдутся у собирателей и въ лавкахъ антикваровъ. Укажу сейчасъ только на тѣ изъ флаконовъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать рѣже иныхъ и

на которые должно быть обращено наиболѣе пристальное вниманіе собирателей. Во-первыхъ, флаконы, украшенные такъ называемой впаяной платиной; украшенія эти одни изъ самыхъ красивыхъ въ русскомъ старинномъ цвѣтномъ хрусталѣ и одни изъ наиболѣе рѣдко встрѣчающихся нынѣ. Затѣмъ тѣ флаконы, которые напоминаютъ собой пакетовыя табакерки и по серединѣ коихъ возвышается невысокое горлышко съ забавно выпоченной пробкой. Плоскіе, всегда богато украшенные орнаментомъ самаго затѣйливаго рисунка, эти флаконы должны являться украшеніемъ каждаго мало-мальски значительнаго собранія стариннаго цвѣтного русскаго хрусталя. Къ числу рѣдкихъ флаконовъ надо отнести тѣ флаконы, которые наши прабабушки и прадѣдушки называли «Cousin et cousine». Это флаконы, въ пробкѣ которыхъ мастеръ-забавникъ устраивалъ второй флаконъ. Видимо, такіе флаконы привились, такъ какъ мы встрѣчаемъ въ дальнѣйшемъ уже флаконы, въ пробкахъ которыхъ устроено и два и три флакона малъ-мала меньше.

Интересны и, надо замѣтить, очень рѣдки большія хрустальныя коробки съ крышками, въ которыхъ наши предки хранили пудру. Всегда богато и красиво орнаментированныя, причудли-

вой и разнообразной формы такія коробки видимо не выдѣлывались въ большомъ количествѣ, такъ какъ ихъ встрѣчаешь сравнительно очень рѣдко, и немного собраній, которыя могутъ похвалиться тѣмъ, что эти коробки есть среди собранныхъ предметовъ. Подобныя коробки для пудры встрѣчаются гораздо чаще не изъ цвѣтного хрусталя, а изъ молочнаго тона стекла, украшеннаго живописью на манеръ живописи саксонскаго фарфора.

Одно время, приблизительно въ эпоху Елисаветы Петровны и частью въ первыя десятилѣтія Екатерининскаго царствованія, въ цвѣтной хрусталь какъ-то хитро и забавно вводились различныя нити то суровыя, то бѣлыя, а то и цвѣтныя. Болѣе часто такія нити, скрученныя въ разнообразные узоры, встрѣчались въ ножкахъ рюмокъ или бокаловъ. Въ моемъ собраніи есть прекурьезная дверная ручка прозрачнаго хрусталя, внутри вся перевитая разноцвѣтными нитями самаго причудливаго рисунка. Коллекціонерамъ слѣдуетъ обратить на такія вещи свое вниманіе, потому что онѣ и рѣдки, и забавны, и характерны для своего времени.

Съ большимъ вкусомъ и пониманіемъ задачъ декоративности мастера того времени умѣли украшать цвѣтнымъ хрусталемъ люстры. Главнымъ обра-

зомъ тутъ въ дѣло шелъ хрусталь рубиноваго тона. Сочетаніе позолоченной большого огня бронзы съ блестящими подвѣсками прозрачнаго хрусталя съ днищами или полушарами изъ рубиноваго хрусталя было чрезвычайно красиво и не даромъ плѣняетъ нашихъ любителей старины. Увлеченіе люстрами съ цвѣтнымъ хрусталемъ отлично учли тѣ изъ нашихъ антикваровъ, которые не гнушаются приторговывать и вещами сомнительнаго производства, и поддѣлка такихъ люстръ довольно широко развита и доведена до большого совершенства, о чемъ любителямъ старины надлежитъ быть освѣдомленными и съ осторожностью относиться къ покупкамъ такого рода.

Разнообразенъ Екатерининскій хрусталь и въ стаканахъ, рюмкахъ, кружкахъ, «карафинцахъ», фляжкахъ и графинахъ въ «кабачкахъ», тарелочкахъ, коробочкахъ для мушекъ, корзинкахъ и лоточкахъ для конфетъ и т. п.

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ на вещахъ цвѣтного хрусталя отражались событія, волновавшія родину, въ особенности военные походы. Въ Екатерининское время этого еще не было. Очень рѣдко встрѣчаются и въ старинныхъ собраніяхъ не только частныхъ, но и дворцовыхъ могутъ быть отмѣчены лишь единицами такіе предметы изъ

цвѣтного хрусталя, на которыхъ эти событія отразились или въ видѣ силуэтовъ, или портретовъ, или отдѣльныхъ сценъ, или, наконецъ, въ видѣ болѣе или менѣе характерныхъ надписей. Даже вещей съ портретами временщиковъ мнѣ не приходилось никогда видѣть. Съ вензелями же ихъ, хитропереплетенными различными орнаментами инициалами—такихъ вещей не мало.

Не то въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Но раньше, чѣмъ перейти къ этой эпохѣ, скажу нѣсколько словъ о Павловскомъ времени. Короткое царствованіе Императора Павла все же успѣло отразиться на нашемъ цвѣтномъ хрусталѣ. Онъ сталъ грубѣе по украшеніямъ, которыя въ особенномъ изобиліи старались нанести на хрусталь мастера того времени. Очаровательное по тону, замѣчательное своей глубиной и въ то же время легкостью золото украшеній хрусталя Екатерининскаго времени, которымъ можно безъ конца любоваться, смѣнилось золотомъ густо наложеннымъ, часто просто аляповатымъ. Это, пожалуй, можно объяснить тѣмъ, что самъ императоръ требовалъ, чтобы хрусталь былъ густо позолоченъ и даже до насъ дошелъ указъ, въ которомъ говорится о томъ, что «его императорское величество высочайше соизволилъ,

чтобы на всемъ высочайшемъ столѣ была посуда стеклянная, позолоченная, а другой совсѣмъ бы не было». И такъ какъ таковой сплошь позолоченной, повидимому, не оказалось въ дворцовыхъ кладовыхъ въ достаточномъ количествѣ, то въ придворную контору было сообщено, чтобы «потребное число хрустальной позолоченной посуды заказано зделать на казенныхъ заводахъ». Какъ всегда было и бываетъ, вслѣдъ за царскимъ дворомъ потянулись и придворные и столбовое дворянство, и хрусталь, повидимому, только такой пошелъ въ ходъ, который былъ разукрашенъ свыше чего нельзя раззолоченнымъ орнаментомъ.

Вещи цвѣтного хрусталя и стекла Павловскаго времени характерны не только этой обильной позолотой, причемъ сплошь и рядомъ густо вызолачивались внутреннія стѣнки стакановъ, бокаловъ, горлышекъ графиновъ и т. д., ибо это обиліе золота перекинулось со столоваго цвѣтного хрусталя и стекла на иныя вещи, онѣ характерны еще тѣмъ, что рисунокъ украшеній становится все грубѣе и грубѣе, пропадаетъ та привлекательность орнамента, которая столь увлекала въ вещахъ екатерининскаго времени. Извѣстно, что Екатерина любила нарядную пестроту. Въ одномъ изъ приказовъ Императорскому фар-

форовому заводу императрица сама писала «все сіе, что пестрея то луче однако со вкусомъ». Въ павловское же время украшеніе хрусталя дѣлалось все пестрѣе и пестрѣе, но нерѣдко безо всякаго вкуса. «Антикъ-фасонъ», столь привлекательный въ екатерининское время, во времена Павла I теряетъ свою обаятельность, по крайней мѣрѣ, въ рядѣ вещей цвѣтного хрусталя и стекла. И въ то же время нельзя сказать, чтобы императоръ Павелъ не любилъ искусства. Извѣстны многіе факты, говорящіе о томъ съ положительной стороны. Что касается Императорскаго стекляннаго и фарфороваго заводовъ, то императоръ особливо гордился ими и любилъ ихъ показывать высокимъ иностраннымъ гостямъ. Если вспомнить, что заводы находились подъ руководствомъ такого просвѣщеннаго знатока и любителя искусствъ, какимъ былъ директоръ ихъ князь Н. Б. Юсуповъ, то «гордость» императора Павла является вполнѣ понятной.

Ко всему этому надо прибавить, что на смѣну смѣющагося рококо екатерининскаго царствованія во время императора Павла приходитъ тотъ тяжеловатый и не столь изощренный стиль, который былъ переходнымъ къ строгому александровскому ампиру.

Изъ цвѣтного хрусталя и стекла

павловскаго времени наиболѣе рѣдокъ и наибольшее вниманіе собирателей долженъ привлечь хрусталь съ изображеніемъ масонскихъ знаковъ. Въ лавкахъ антикваровъ мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ такимъ хрусталемъ, и мало кто даже изъ старыхъ собирателей можетъ похвастаться тѣмъ, что въ его собраніи есть подобный хрусталь.

Но проходитъ павловское время. Наступаетъ царствованіе Александра Благословеннаго, и въ русскій цвѣтной хрусталь широкой волной вливаются тѣ мотивы, которые далъ подъемъ русскаго народа въ великія годины отечественной войны. Александровскій хрусталь и цвѣтное стекло безконечно привлекательны той строгостью формъ, той ритмичной красотой, которыми вообще отличается стиль «русскаго ампира». Дѣятельность русскихъ хрустальныхъ заводовъ развивается весьма быстрыми шагами, и въ то время какъ императорскіе стеклянный и фарфоровый заводы, бывшіе законодателями всего лучшаго въ этой области, нѣсколько понизили утонченную внѣшность своихъ издѣлій, частные заводы выпускали массу вещей немалаго художественнаго значенія и интереса.

Если первые года царствованія императора Александра I не оставили

особенно яркихъ памятокъ, зато въ послѣдующее время, въ эпоху послѣ 1812-го года, мы видимъ такую массу интереснѣйшихъ предметовъ, въ которыхъ отразилась великая война, что уже однимъ этимъ, не говоря о чистой художественности подобныхъ вещей цвѣтного хрусталя и стекла, они безконечно привлекательны и глубоко интересны для каждаго коллекціонера, для каждаго, кто любитъ и интересуется искусствомъ прошлаго.

Мы знаемъ, что къ началу царствованія Александра I художественная стеклянная и хрустальная промышленность достигла такого развитія, что императоръ Павелъ за годъ до своей трагической кончины согласился на ограниченіе и даже временное прекращеніе ввоза подобнаго рода издѣлій изъ-за границы. Однако эта мѣра оказалась нѣсколько преждевременной, и императору Александру I, спустя пять лѣтъ, пришлось снова разрѣшить ввозъ хрусталя. Къ этому времени нѣкоторые изъ частныхъ русскихъ заводовъ достигли такой высокой степени въ совершенствѣ выполненія различныхъ предметовъ, что даже издѣлія Императорскаго стекляннаго завода иной разъ исполнялись по образцу издѣлій частныхъ заводовъ. Такъ извѣстно, что Императорскій стеклянный заводъ выдѣ-

лывалъ рядъ вещей «подъ бахметьевскій заводъ», стоявшій впереди иныхъ хрустальныхъ заводовъ Россіи.

Оживленіе русской промышленности послѣ славнаго окончанія отечественной войны въ большой степени коснулось и художественно-хрустальной и стеклянной промышленности. Заводы стали выпускать массу вещей разнообразнѣйшаго примѣненія, не говоря уже о столовой посудѣ и о столовыхъ украшеніяхъ. Пошли приборы для письма, разные чернильницы, песочницы, вазочки и стаканчики для перьевъ, лоточки, коробочки или корзинки для оплатокъ, шендалы простые, съ подвѣсками, съ абажурами, вазы различныхъ формъ, пасхальныя яйца, «топки на поддонкахъ», различные «цвѣтники», безконечное разнообразіе флаконовъ, при чемъ особеннымъ вниманіемъ пользовались разлатые низкіе флаконы, называвшіеся «рѣпой», кружки съ крышками и безъ нихъ, кабачки, фляжки, бутылки съ гранью и т. д.

Расцвѣтка хрусталя и стекла также отличалась большимъ разнообразіемъ. Извѣстенъ хрусталь алый, наиболѣе рѣдко нынѣ встрѣчаемый, рубиновый, также изъ рѣдкихъ теперь цвѣтовъ, зеленый, бирюзовый, опаловый, сиреневый, оранжевый, глубоко синій, такъ называемый кобальтовый и, наконецъ, бѣлый различныхъ оттѣнковъ. Ор-

наментъ украшенія хрустальныхъ вещей въ первые 10—15 лѣтъ александровскаго времени еще весьма пріемственененъ предшествовавшему ему времени. Только, примѣрно съ конца второго десятилѣтія 19-го вѣка, въ русскомъ хрусталѣ все опредѣленнѣе отражается стиль имперіи, такъ красиво преображенный въ русскомъ ампирѣ.

Я уже говорилъ, что эпоха отечественной войны отразилась въ русскомъ хрусталѣ всего болѣе. Въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ, отъ предметовъ роскоши и украшеній до вещей ежедневнаго обихода, встрѣчаемъ мы это отраженіе то въ портретахъ героевъ 1812-го года, то въ надписяхъ, связанныхъ съ геройскими дѣйствіями русской арміи, то въ аллегорическихъ изображеніяхъ, то, порой, въ тѣхъ милыхъ намекахъ на злободневность того времени, которые теперь несразу и отгадаешь.

Такъ, напримѣръ, попался мнѣ синяго стекла стаканъ, красиво орнаментированный, съ медальонами съ двухъ сторонъ. На одномъ медальонѣ былъ хитрый вензель изъ трехъ буквъ «Ѳ. П. У.», а на другомъ медальонѣ латинскими литерами «Je». Я не обратилъ вниманія на этотъ стаканъ, но покойный П. Я. Дашковъ, увидавъ его, заинтересовался имъ и приписалъ его

къ очень рѣдкимъ памяткамъ 1812-го года. Дѣло въ томъ, что среди генералъ-адъютантовъ императора Александра I былъ славный боевой генералъ Ѳ. П. Уваровъ. Сынъ бригадира со скуднымъ образованіемъ, волею судьбы вознесенный на высокій постъ, онъ любилъ щегольнуть французскимъ языкомъ. Но что это былъ за языкъ, можно судить уже по одному его знаменитому отвѣту Наполеону, когда тотъ спросилъ его, кто командовалъ русской конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи. «Je, sire» было отвѣтомъ и отвѣтъ этотъ доставилъ Уварову прозвище «генерала Je». И вотъ, вѣроятно, какой-либо шутникъ изъ знакомыхъ Уварова увѣковѣчилъ на этомъ стаканчикѣ забавную исторію. Встрѣчались мнѣ иные предметы, украшеніе которыхъ указывало на богатую фантазію тѣхъ невѣдомыхъ мастеровъ, которые оставили намъ эти милыя памятки.

Вспоминается стаканъ оригинальной формы, типичной для александровскаго времени—суживающійся къ низу съ орнаментальнымъ украшеніемъ и золотымъ силуэтомъ генерала Мишо, а рамку силуэта поддерживала фигура женщины въ глубоко-скорбной позѣ. Такое изображеніе становится понятнымъ, когда мы припомнимъ, что генералу Мишо было дано довольно ще-

котливое порученіе передать императору Александру о томъ, что наши войска оставили Москву.

Вообще стаканы, стопки, бокалы, графины съ изображеніями героевъ Отечественной войны имѣли въ свое время очевидно большое распространеніе, такъ какъ ихъ и до нашихъ дней дошло значительное количество. Чаще всего встрѣчаются изображенія генерала Витгенштейна. Можно опредѣленно сказать, что буквально нѣтъ ни одной разновидности предметовъ художественнаго цвѣтного хрусталя или стекла, которая не была бы выпущена съ изображеніемъ этого популярнаго генерала. Одно время на долю генерала Витгенштейна выпала защита Петрограда отъ возможнаго нападенія врага и поэтому часто фономъ изображеній этого генерала служатъ виды Сѣверной столицы того времени.

А кромѣ Витгенштейна, кто изъ героевъ двѣнадцатаго года не запечатлѣнъ на цвѣтномъ стеклѣ или хрусталѣ, начиная съ Кутузова и кончая бабой Василисой, знаменитой партизанкой? Всѣ они проходятъ безконечной панорамой въ издѣліяхъ русскихъ хрустальныхъ заводовъ.

Много хрусталя украшено портретами сподвижника Александра I, генерала Аракчеева и изображеніе его столь

малоблагодарной физіономіи чередуется съ видами любимаго Аракчеевымъ имѣнія «Грузины». Изображенія лицъ царствующаго дома въ эпоху александровскаго времени встрѣчались довольно часто, но изображенія эти касались почти исключительно самого императора и импертрицы Елизаветы Алексѣевны.

Разсматривая внимательно весь тотъ хрусталь, который намъ остался отъ славной эпохи первой четверти 19-го вѣка, видишь, что въ рисункѣ орнамента, во всемъ украшеніи хрусталя и цвѣтного стекла крѣпки завѣты екатерининскаго времени и ихъ не могли поколебать кратковременный иной вкусъ императора Павла.

Тѣ же завитки и бойкіе рисунки произвольнаго толкованія нашими мастерами стиля рококо, то же чередованіе блестящаго золота съ матовымъ съ изрѣдка вкрапленнымъ украшеніемъ изъ платины. Только въ самой формѣ хрустальныхъ предметовъ замѣтно большое отличіе отъ екатерининскаго времени. Строже форма, четче линіи и постепенно эта четкость линій переходитъ и въ самый орнаментъ, и къ концу александровскаго времени стиль украшеній становится строже, чаще и чаще встрѣчается стилизованный окантовый листъ, чаще и чаще взамѣнъ игривыхъ завитковъ рококо—

холодная строгость военныхъ доспѣховъ. Шлемы и латы, копья и колчаны приходятъ взамѣнъ дымящихся факеловъ амуровъ екатерининскаго времени и ихъ миніатюрныхъ стрѣлъ любви.

Мнѣ не удалось уловить, какой изъ хрустальныхъ заводовъ первымъ началъ украшать цвѣтное стекло и хрусталь живописью красками поверхъ стекла. Но живопись эта весьма характерна для переходнаго времени отъ Александровскаго къ Николаевскому. Сначала скуповатая по количеству красокъ (преобладало сочетаніе бѣлаго съ желто-оранжевымъ) она постепенно становится все разнообразнѣе, но, надо замѣтить, не дѣлаясь отъ того выше по художественному своему значенію. Такой живописью расписывались главнымъ образомъ графины и стаканы. Въ дальнѣйшемъ живопись на стеклѣ продолжаетъ совершенствоваться, но хрусталь и стекло, ею украшенные, художественнаго значенія такъ и не получаютъ.

Яркой картиной мелькнуло александровское время. Русское хрустальное художественное производство достигло къ этому времени высокой степени развитія, о чемъ явственно говорила выставка 1828 года. Художественность его настолько привлекаетъ общее вниманіе, что примѣненіе цвѣтного стекла и хрусталя не вмѣщается въ узкихъ рамкахъ дворцоваго или домаш-

няго обихода, оно идетъ дальше и захватываетъ новую область, область украшенія церкви.

Заводы Бахметьева, Мальцевскіе заводы, отчасти императорскій стеклянный заводъ начинаютъ выдѣлывать много предметовъ для церковной утвари и достигаютъ тутъ замѣчательнаго совершенства и высокой художественности. Не только лампады, отдѣльные сосуды, церковные шандалы выдѣлываются ими. Невѣдомые мастера этихъ заводовъ идутъ дальше и рѣшаютъ сложныя задачи большихъ паникадилъ, сооруженій изъ разноцвѣтнаго хрусталя и стекла надъ раками святителей и т. п. Во всемъ томъ, что касается церковной утвари, въ разнообразнѣйшихъ предметахъ уже совершенно опредѣленно отразился русскій ампиръ. Въ этихъ вещахъ лишнее искать забавнаго и легкомысленнаго стиля великой императрицы, его будто не было, имъ будто не увлекались мастера лучшихъ нашихъ хрустальныхъ заводовъ. Только ампиръ, только строгія линіи, только цѣломудренность рисунковъ сочетаній фигуръ или отдѣльныхъ предметовъ римскаго вооруженія. Казалось бы, что общаго между православной церковной обрядностью и стилемъ далекой имперіи, а между тѣмъ до чего красивъ, до чего подходящъ онъ въ украшеніяхъ

различныхъ предметовъ церковнаго обихода. Какъ красивы лампады кобальтоваго стекла, или кроваво-рубиноваго, украшеннаго богатымъ золотымъ или серебрянымъ орнаментомъ ампирнаго рисунка. Какъ стройны линіи шандаловъ, вазъ для святой воды, тазовъ для омовенія и многаго, многаго другого...

Наступило новое царствованіе. На смѣну александровскаго ампира пришла ненужная скучная эклектика николаевскаго царствованія. Она не сразу вошла въ свои права, не сразу общество, воспитанное на строгихъ образцахъ стиля ампиръ, стало довольствоваться всѣмъ тѣмъ, что было одобряемо сверху. А тамъ одобряли все—и восточные мотивы, и отблески русскихъ древностей, и прежнее и современное искусство Запада, и линіи египетскаго стиля, и холодъ стиля далекаго Сѣвера, все тамъ находило одинаковое одобреніе, вѣрнѣе сказать, къ подлинно художественному тамъ были глубоко равнодушны, лишь бы можно было потѣшить глазъ разнообразіемъ формъ, линій, орнаментовъ и красокъ. Эта эклектика спустя нѣкоторое время встрѣтила поддержку и въ нашемъ обществѣ. Достаточно вспомнить успѣхъ ужаснаго штакеншнейдоровскаго «фо-готикъ», чтобы понять какіе плоды дало это

насажденіе эклектизма въ русской художественной промышленности, а въ частности въ области цвѣтного русскаго хрусталя и стекла.

Въ александровское время на формы русскаго хрусталя несомнѣнно имѣли не малое значеніе образцы польскаго стекла. Въ періодъ, если не увлеченія, то, во всякомъ случаѣ, большой симпатіи къ полякамъ и всему польскому, исходившимъ отъ самого императора, а главнымъ образомъ отъ великаго князя Константина Павловича, много польскаго хрусталя, вмѣстѣ съ иными предметами роскоши, были привезены въ Россію и послужили образцами для русскихъ мастеровъ.

Откуда, какъ не изъ Польши пришло увлеченіе флаконами, въ пробки которыхъ искусно были вдѣланы другіе флаконы, откуда, какъ не изъ польскихъ замковъ пришли къ намъ двойные кубки—одинъ надъ однимъ, разлатыя фляги, «рѣпчатые» флаконы и многое иное, милое по формамъ, очаровательное по орнаментаціи. Эклектизмъ николаевскаго времени, столь милостиво внимательный къ образцамъ различныхъ стилей и формъ, былъ совершенно нетерпимъ къ образцамъ, пришедшимъ къ намъ изъ Польши. И въ результатѣ прошло нѣсколько лѣтъ и старше сороковыхъ годовъ мнѣ уже не приходилось встрѣчать издѣлій нашихъ хру-

стальныхъ заводовъ, въ которыхъ отражались бы польскіе образцы.

О николаевскомъ времени не вспомнишь съ такой тоской о прекрасномъ прошломъ, какимъ мерещится намъ время Екатерины и Александра. Постепенно стали уходить красота обихода, художественность и изящество, даже мелкихъ вещей, которые навсегда будутъ магнитомъ для тѣхъ, кто хотя бы мелькомъ взглянетъ на памятки того чудеснаго прошлаго. И съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что и русское стекло и хрусталь николаевскаго времени не избѣгли общей участи. Въ какое иное время, какъ только не въ безразличное николаевское, могли бы имѣть успѣхъ, издѣлія извѣстнаго въ николаевское время хрустальнаго завода генерала Орлова. Имъ было выпущено въ значительномъ количествѣ хрусталь, украшенный помимо орнаментовъ (который почти всегда являлся очень точнымъ перепѣвомъ украшеній болѣе стараго русскаго хрусталя) медальонами и квадратами бѣлаго эмалеваго стекла, на которомъ воспроизводились различныя гравированныя изображенія. Не говоря уже о томъ, что бѣлизна этой эмали совершенно не удавалась заводу, и она была какого-то непріятнаго свинцово-синяго оттѣнка, такъ невязавшагося съ украшеніями, присущими хрусталю,

всѣ переводныя гравюры рѣжутъ глазъ; среди оригиналовъ чего только не было — и портреты государя Николая Павловича, государыни Александры Ѳеодоровны, нѣкоторыхъ изъ великихъ княженъ, и снимки съ гравюръ,—копій картинъ итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ мастеровъ, и китайскіе рисунки, и миніатюрныя картинки (штукъ пять на обыкновенномъ стаканѣ), иллюстрирующіе различныя историческія событія. Это такая тоска, эти убого художественныя вещи, что о нихъ не хотѣлось бы и говорить, если бы онѣ не вошли весьма значительной страницей въ исторію художественнаго производства изъ русскаго цвѣтного стекла и хрусталя. И въ то же время онѣ сами по себѣ въ высшей степени характерны, какъ показатели пониженія вкуса. Можно съ увѣренностью сказать, что, появись такія вещи въ блестящую эпоху Екатерины, въ мистическій вѣкъ Александра, или даже въ темную годину мятущагося Павла, онѣ были бы изгнаны изъ обихода пренебрежительнымъ жестомъ людей того времени, избалованныхъ на образцахъ подлинной красоты.

Русскій цвѣтной хрусталь и цвѣтное стекло николаевскаго времени настолько эклектичны, настолько отъ мастеровъ того времени требовалось

умѣніе подражать всѣмъ стилямъ, не создавая собственнаго, что опредѣлить отличительныя качества его отъ иностраннаго хрусталя и стекла мнѣ кажется почти невозможнымъ. Я знаю подлинныя вещи, изготовленныя на Императорскомъ стеклянномъ заводѣ, на заводѣ Мальцова, Орлова, Паншина или Полторацкой, которыя съ трудомъ отличишь отъ подлинниковъ, по которымъ оно изготовлено, отъ венеціанскаго, богемскаго, французскаго и англійскаго хрусталя. И чѣмъ ближе наши мастера подходили къ иностраннымъ образцамъ, тѣмъ больше одобреніе они получали.

Эклектика николаевскаго времени отразилась не только на орнаментаціи издѣлій изъ цвѣтного хрусталя или стекла; даже самыя формы ихъ становятся все менѣе и менѣе типичными и оригинальными и все больше заимствованными съ иностранныхъ образцовъ. Отсутствіе типичности формы и орнамента—вотъ главнѣйшія причины того, что вниманіе любителя уже не съ такой остротой приковывается къ предметамъ николаевской эпохи, нежели къ предметамъ болѣе поздняго времени.

Изъ различныхъ теченій отразившихся на украшеніяхъ цвѣтного хрусталя и стекла разсматриваемаго нами времени, ярче иныхъ проявился

ужасный по своему безвкусію и претенціозности, стиль, который насадилъ у насъ архитекторъ Штакеншнейдеръ. Его «фо-готикъ», это такое убожество фантазіи и такъ далекъ онъ отъ намека на настоящую художественность, что можно только удивляться, какъ это не нашлось достаточно сильныхъ людей, которые бы противостояли распространенію этого стиля. Однако такихъ людей дѣйствительно не нашлось и «фо-готикъ» отразился на множествѣ произведеній русской художественной промышленности и главнымъ образомъ въ цвѣтномъ хрусталѣ и стеклѣ. И тутъ не маловажную роль сыгралъ Императорскій стеклянный заводъ, охотно выпускавшій вещи этого убогаго стиля. Единственно чѣмъ съ интересомъ вспомнится николаевское время въ области художественнаго русскаго хрусталя и стекла это выработанной въ то время манерой производства такъ называвшейся «стекло на стекло», то есть, когда на прозрачное бѣлое или цвѣтное стекло наводились разнаго цвѣта эмали и вытачивались оригинальнымъ и очень красивымъ образомъ. Этого рода стекло самое типичное изъ того, что намъ оставило время Николая Перваго.

Вообще эмаль, какъ украшеніе хрусталя и стекла, становится все бо-

лѣе любимымъ матеріаломъ нашихъ мастеровъ. Они не считаются съ тѣмъ, что эмаль только тогда умѣстна, когда она размѣщается для украшеній съ большимъ разборомъ и очень скупо. Наоборотъ, эмаль клали гдѣ только можно, считали очень красивымъ испещрять хрусталь какими-то подобіями самоцвѣтныхъ камней и опять таки никто не считалъ это уродствомъ, а принимали за истинное украшеніе; и такая манера долгое время примѣнялась большинствомъ крупныхъ заводовъ во главѣ съ Императорскимъ. Стекло съ такимъ украшеніемъ относится уже къ половинѣ прошлаго вѣка и ранѣе пятидесятыхъ годовъ оно не появлялось.

Раньше чѣмъ закончить свои замѣтки, скажу нѣсколько словъ о томъ по своему очаровательномъ стеклѣ и хрусталѣ, который выдѣлывался нѣкоторыми заводами для сбыта на рынки Востока. Изготовлялъ его и Императорскій стеклянный заводъ, главнымъ образомъ для подарковъ отъ Высочайшаго Двора высокимъ гостямъ и посланцамъ съ Востока, не мало выпускали и частные заводы во главѣ съ Бахметьевскимъ и давали порой изумительные по своеобразію предметы.

Послѣсловіе

Несмотря на бѣглость моихъ замѣтокъ о цвѣтномъ русскомъ стеклѣ и хрусталѣ, я все же рѣшился опубликовать ихъ на томъ основаніи, что въ нашей литературѣ почти ничего нѣтъ по этому вопросу. Мои замѣтки—замѣтки собирателя, поверхностность которыхъ, буду думать, искупится тѣмъ, что все изложенное въ нихъ основано на долголѣтнемъ собирательствѣ, на большомъ количествѣ видѣнныхъ вещей.

То, что я предложилъ вниманію читателя нисколько не претендуетъ на «ученость». Это—впечатлѣнія собирателя, и только за таковыя я прошу принять мои замѣтки. Въ нихъ я не разсказывалъ о штофахъ, о томъ забавномъ стеклѣ, но грубомъ и лубочномъ, который выдѣлывался на маленькихъ заводахъ при нѣкоторыхъ значительныхъ винокуренныхъ заводахъ и на заводахъ крупныхъ откупщиковъ, имѣвшихъ даже свои отличительныя

клейма, не говорю о «шутихахъ», о вещахъ молочно-бѣлаго стекла, опустилъ описаніе многочисленныхъ вещей изъ прозрачнаго и изрѣдка цвѣтного хрусталя, украшеннаго медальонами и «плякам» бѣлаго, эмалеваго стекла съ различными надписями, вензелями, аллегорическими изображеніями, портретами и географическими картами, относившимися къ эпохѣ Отечественной войны.

Обо всемъ этомъ рѣчь будетъ въ иной разъ.

Минутъ теперешнія затрудненія издательскаго дѣла и тогда я буду имѣть возможность приступить къ изданію болѣе обстоятельнаго, нежели настоящія замѣтки, очерка исторіи русскаго цвѣтного хрусталя и стекла, дополненнаго рядомъ снимковъ съ наиболѣе характерныхъ памятокъ этой привлекательной отрасли русской художественной промышленности прошлаго.

Москва—Петроградъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

